

МИРНЫЕ ЛЮДИ

Вернулись

*Ёдзи, глава Полынного дома, жрец Палаты
Обрядов*

*Дзёхэй, младший родич Полынного дома, посол
Челядинцы Ёдзи и спутники посла*

Утро в начале лета, пока не жарко. Ночью шел дождик, под ступенями столичных ворот ещё не просохла лужа. Створки всех четырех проёмов до сих пор не отперты, хотя Полынный господин предупреждал заранее: на рассвете он с челядинцами должен выйти на Южную дорогу — встречать посла.

Ничего: привратники, кажется, проснулись, скрипят засовом. Отворят городскую сторону воротной башни, потом внешнюю, в глубине проёма блеснёт трава на дорожной насыпи. Зелёная, ярче, чем в городе. Ветром с юга в ворота тянет, как в трубу, развеивает рукава и полы.

Нынешний глава Полынного дома Ёдзи уже не зовётся «молодым» господином, но всё ещё числится «новым». Посол, его младший родич по прозвищу Дзёхэй, уже знает: старый Ёдзи скончался год назад. Это первое, что должен был сообщить гонец, высланный навстречу прибывшим. Посольство было долгое, на целых десять лет. И дальше: на материк, в китайскую державу То, да не в прибрежные губернии, а ко двору самого императора.

Никто не думал, что посол соберётся возвращаться. Впрочем, книжник Дзёхэй и смолоду слыл чудаком.

Приплыл, встал в гавани, запросил разрешения на прибытие в Столицу. Чуть ли не из дворца этого дозволения ждал. Господин Ёдзи ему написал: приезжай, разрешаю. Если есть глава рода — не Государя же таким делом беспокоить! Да и Государь теперь уже другой, чем десять лет назад...

Полынный господин и его люди выходят на дорогу, перебравшись через следующие лужи. Крыша-то на воротах двускатная, стекает с неё на обе стороны... Носилки посла уже видны. Свита при нём небольшая — почти никого кроме тех, кого сам Ёдзи и выслал на ближайший почтовый двор. А ведь уезжало в своё время с дюжину человек. Кто из них как сгинул, из посольских писем уже известно; их ближние родичи встречать и не явились. Рядом с носилками, однако же, идёт неизвестный парень в заморских узких штанах.

За положенные две сотни шагов носильщики остановятся. Дзёхэй вылезет, чтобы отдать первый поклон: земляным стенам родного города, Государевым высоким воротам. И пешком проделает остаток пути домой.

Постарел? Вроде бы нет. Шаг лёгкий. Хотя и видно, насколько проще господину послу согнуться в поклоне, чем потом распрямиться. Сильно ли изменился? Ёдзи не настолько хорошо помнит, как Дзёхэй выглядел перед отъездом. Провожал его тогда покойный батюшка.

После приветствий всем — отправляемся не в город, а сначала на реку. Надобно очищение после чужбины и дороги. Беречь Столицу от скверны — как раз дело жрецов из Полынного рода.

А пока Дзёхэй на ходу отвечает тем, кто из свиты Ёдзи его окликает. Да, и тебя помню, и тебя, а ты гляди как вырос, а ты, смотри-ка, ещё жив и при службе... Словно подтвердить хочет: это, мол, вправду я, меня не подменили! То ли нас убеждает, то ли себя самого.

Ради летнего очищения можно не раздеваться: тепло, платье быстро высохнет. Сначала посол, потом двое его слуг. Вот ведь, вернулись! Только сейчас родню их пробирает на слёзы.

— Унесётся скверна речной водою в большое море, в дальние воды, в Донную страну.

Теперь носильщики: за морем не были, но несли приезжего, а скверна прилипчива. И наконец, иноземец.

Его Ёдзи тоже, конечно, окатит водою. Но Дзёхэй видит: Полынный жрец насторожился. Посол смотрит вопросительно. Господин спрашивает вполголоса:

— Что с ним? На нём наследственная месть — или что?

Дзёхэй не знает, как ответить. Первый родной обряд за десять лет, слова не сразу складываются:

— Крови на нём нет. Гнев тамошнего государя...

Изгнанник, значит. Надо будет позже расспросить.

Все поворачивают обратно к воротам. Теперь можно и в Государеву Столицу.

— Мне — куда? — спрашивает Дзёхэй.

— Тебе и твоим людям — к нам, в Полынную усадьбу. Этому малому пока лучше бы с нами не ходить. Пусть отправляется на Восьмую улицу.

Там собственный дом господина посла. Да, кстати, знает ли он:

— У тебя молодая родня поселилась.

— Моя родня?

Ну, конечно: по начальству Дзёхэй написал, а ни сестрицу, ни ближайшего друга не решился потревожить. Чтоб им не горевать, ежели его не допустят на родину. Они ему, стало быть, тоже не писали о семейных новостях.

— Твоя сестра теперь замужем, — поясняет Ёдзи. — За Наммой из Конопляного дома. И живёт у него, а к тебе переехали её падчерица с мужем, младшим внуком старика Асано. Теперь, стало быть, «господином и госпожой с Восьмой улицы» именуются эти двое. Вот к ним твой спутник пусть и идёт.

У Дзёхэя вид озадаченный. Он-то привык, что Хатидзё, «господин с Восьмой улицы» — это он сам. Впрочем, скорее, рад. С Наммой Дзёхэй в своё время, кажется, крепко дружил. Теперь будут шурин с зятем.

Посол что-то говорит своему иностранцу. Тот отвечает на Облачном наречии и довольно громко:

— Восьмая улица! Я найду. Здесь такая разметка...

ясная?

Любопытно. Этот изгнанник — бывший китайский посольский чиновник, переводчик? Или выучил нашу речь, пока состоял при Дзэхэе? По лицу не похоже, будто он потомок кого-нибудь из наших, островитян.

А Столица, спору нет, устроена ясно. Главная площадь на всю длину города с юга на север, от главных ворот — до Государева дворца. От площади через равные промежутки ответвляются улицы — на восток и на запад. Вроде бы китайцы так же строят.

— Да я провожу! — откликается один из свитских Ёдзи, бритоголовый костлявый дядька. — Мне всё равно туда надо.

И подмигивает. Это у него не от наглости, а от трудной жизни: то моргнёт, то щекою дёрнет.

Подаёт знак китайцу: пошли, мол. И, не оглядываясь, сворачивает направо. Иноземец, поклонившись послу, жрецу и всем Полынным людям, поспешает следом.

— Кто это? — спрашивает Дзэхэй о бритом. — Сын нянюшки?

— Не, я тут! — подаёт голос нянькин сын. — А он недавно у нас. Зовут его Нэхамбо.

Господин Ёдзи уточняет:

— Монах из храма Облачной Рощи. В пору болезни моего отца состоял при нём сиделкой.

А сейчас он наш соглядатай при упомянутом господине Хатидзё — мирянине-распорядителе Облачной Рощи. Но что сейчас творится в Роще — не посреди же улицы объяснять. Погодим до дому.

По площади на север, к Полынной усадьбе — эту дорогу Дзэхэй не забыл. Ёдзи на него поглядывает и повторяет про себя:

«Мой человек. Не батюшкин. Мой.»

Восьмая Улица

Госпожа Хатидзё, урожденная Намма

Рю, ее воспитанница
Родичи Рю, ходоки с Юга
Нэхамбо, монах из храма Облачной Рощи
Китаец

Мало того что Рю поругалась со своим парнем и перебралась жить опять к нам. Это-то хорошо: я по ней соскучилась. Но нынче на рассвете к моей одинокой воспитаннице прибыла родня с Юга. Сама Рю у нас, можно сказать, уже совсем столичная девушка — а они-то настоящие дикари. Старик с огромной бородою веером, здоровенный детина, тоже местами заросший, — эти двое даже по-нашему не говорят. И с ними толмач, чуть побольше Рю, юркий и болтает без умолку. На обоих наречиях сразу.

Супруга моего, конечно, дома нет. Прежний Властитель Земель принял монашество и удалился в храм Облачной Рощи — Унрин. Муж мой служит при нём, как всегда и хотел. Остался мирянином, однако принял на себя храмовое делопроизводство и сношения со светскими властями. Две из трёх ночей там на службе и ночует. Не знаю уж, к чести то нашей семье Хатидзё или к позору...

Так что размещать гостей всяко мне пришлось. Дом на Восьмой улице, конечно, просторный, особенно теперь: мастерские отсюда выехали, домовладелец за морем. Даже тех наших слуг, которые из дома Асано, мы отпустили — родных повидать, до самого конца лета. Стряпать мне помогает женщина из батюшкиного дома, с Рю она всегда ладила.

Только эти южане в городских домах жить не умеют. Им бы землянку или хоть пещеру... А то поднялись в жилое крыло, на дощатый пол поглядели, и толмач спрашивает: хозяйка, а как тут очаг бы разжечь? Объяснили им, что за огнём и кипятком ходят на кухню. А за отхожим делом — не в кусты, а в особый ящик. Детина потом из дому выходил и с крыльца упал: забыл, что тут высоко. У старика же на шее на веревочке висят зубы. Одни медвежьи, а другие

каменные, голубые. Рю сказала, он ими ворожит. Я попросила: пусть он предупреждает заранее, когда начнёт колдовать.

Кем кто из них приходится Рю, я не поняла. Старик, кажется, двоюродным дедом, а молодые — для такой степени родства моя воспитанница за все эти годы так слов и не выучила. Когда они разместились и немного угомонились, я улучила время написать барышне Пересмешнице. Как о таких событиях умолчать!

...Ветер с юга — вести с юга. Прибыли к нам, милая моя Пересмешница, ходоки из тех мест, где дядя мой служит. Хотят бить челом Властителю Земель. Встали у нас на дворе. Самих трое — а тревоги от них, как от целого войска!

У меня ведь теперь есть подруга — есть с кем поделиться, кроме как с батюшкой. Барышня из доброй служилой семьи, родня у нее в военном ведомстве в видных чинах. Саму её хотели даже определить на службу во Дворец, только её брат отказался. Сестрица, мол, слишком уродлива. Я-то знаю, что это неправда: разве что ростом велика, но её это не портит. Я вот — наоборот, говорят: как новогодний колобок. И мне это тоже не мешает.

А вообще в Столице Пересмешница известна не красотой, а хорошим слогом. Стихи её, а порою и письма, дамы переписывают и читают. И поговорить с нею можно о чем угодно — не то что с другими. Даже о служебных делах моего батюшки или мужа. Не кивает учтиво, пока не задремлет, а дельные вопросы задаёт. Потому что ей интересно. Молодец мачеха, что меня с нею познакомила.

Особенно сейчас это кстати. Потому что разговаривать с мужем у меня всё хуже получается. Он, конечно, и выслушает, и поймёт, о чём я толкую, — только вот сам рассказывает только про скучное. Не про людей, а про целые общины и имения, хорошо коли не

про страны и миры. И даже без примеров об именитых мужах древности — как мой братец любит. И чем дольше и ближе супруг мой с бывшим Государем, нынешним господином Унрином, тем эти взгляды его становятся шире. И дальше от нашей здешней жизни...

Письмо я дописать так и не успела — явился Нэхамбо, монашек из Облачной Рощи. Как обычно, с запиской от мужа. Читаю:

Новости важные — пока не знаю, насколько хлопотные. Брат госпожи Наммы воротился с материка и сегодня прибывает в Столицу. Полынный господин призвал его для начала к себе, но позже он наверняка наведается домой — то есть к нам с тобой. Не думаю, что нам придётся немедленно съезжать, но надо подготовиться к встрече. Ужин, выпивка, баня, постель и светильники в его покои, и всё остальное на твое усмотрение. Полки и стол его заперты в кладовой: хорошо бы достать и поглядеть, насколько они прогнили. Если совсем — извести меня, буду искать замену. Свита у посла небольшая, но среди неё есть иноземец: возможно, имеет свои привычки и странности.

Ну что за день такой — сплошные чужестранцы со своими обычаями! А главного так и не написал — как посла зовут. Не называть же его «господин Хатидзё»! А если господин Хатидзё опять он — то кто тогда мы? В общем, пока буду просто говорить «господин посол».

Пишу ответ:

Насчет посла поняла, сделаю. Не знаю, насколько это беспокоит господина распорядителя, но к нам нагрянули дикари. С Юга, безоружные, но с челобитной. Удалить их никак не возможно, так что совместим с послом и его иноземцем.

Выглядываю во двор, чтобы отдать записку Нэхамбо — а там стоит незнакомец! Не вместо монаха, а кроме него. Платье не чиновничье, не охотничье, а не

поймёшь какое, в дурацкий узорчик. На голове платок повязан, на ногах — китайские туфли. За спиною короб плетёный, в руках ещё и узел с поклажей. Не иначе, это и есть иноземец. И с лица — вроде не из облачных людей. Хотя и без бороды.

Он меня тоже увидел. Вместо того чтобы учтиво не заметить, обрадовался, поклонился в пояс. Говорит по-нашему, но с чудным выговором:

— Мое почтение! Добрая госпожа Восьмая Улица!

Похоже, пока мы всё-таки остаёмся Хатидзё...

А Рю уже подхватила — шасть мимо гостя к воротам, и мне через плечо:

— Радость-то какая! Надо ж госпоже Намме передать — к ней тоже родня приехала! Пропавший братец! Ей ведь, небось, никто и весточки не послал!

...когда-то здесь был его дом. Господин учился вместе с моим батюшкой и очень был дружен с ним. Потом его отправили послом за море в страну То, а он ещё и не знал, что его друг с его сестрою поженятся. Это ведь было десять лет назад, батюшка тогда был женат на моей матушке... Но теперь уж господину послу ничего не останется как одобрить этот брак.

Не знаю, Пересмешница, придётся ли нам уехать отсюда, но пока ты пиши мне по-прежнему на Восьмую улицу.

А еще господин посол привёз с собою заморского китаецца. Его, как я узнала, зовут Рэй, вид у него такой, будто сегодня праздник, только не понятно, какой. Вообще он грамотей, по-материковому, конечно, но обещает выучить наши буквы. Служба у него писарская. И где мы его разместим, понятия не имею...

Вечером напишу ещё. Твоя Летучая Белка

Пересмешница — Летучей Белке на Восьмую улицу

... Как грустно, должно быть, воротиться после

столь долгого отсутствия — и найти в усадьбе своей не заглохший сад, не развалины дома, не старую деву, покинутую всеми, — а дикарей, молодую весёлую жизнь... И почувствовать себя самого старым и одиноким, а вовсе не избавителем... К тому же, насколько я знаю, сам господин посол никогда не был женат. Может быть, его сердце было разбито ещё в юности?

Но я слышала, в прежние времена он славился как один из первых учёных нашей страны. Привёз с собой грамотея — уж верно не затем, что сам избегает бумаги и тушечницы. И наверное, если принял на службу писаря — то не простого, а лучшего, какого было можно найти у китайцев. Должно быть, этот иноземец — особенный человек! Что, если он искусен в тайнописи? Ведь посольские бумаги, не иначе, содержат в себе великие тайны! И их нельзя доверить здешним людям. У каждого в Столице — или старший родич, или благодетель, или искомый благодетель. Как отказать им, если полюбуются?

До чего увлекательна станет теперь твоя жизнь! Как я тебе завидую!

Левый и Правый

Военная палата — не самая обширная в Государевом дворце. И людей тут служит меньше, чем в иных ведомствах. Зато все сегодня — на служебном месте. Кроме, конечно, самого главнокомандующего, который опять нездоров: ничего страшного, это возрастное. Но не в укор другим будь сказано, в этой Палате отсутствие высшего начальства — не повод для безделья.

Правда, чем тут кто занимается, сторонний человек не вдруг поймет. Так и надо.

В светлом покое, в окружении разложенных бумаг, друг напротив друга сидят два господина. Если бы не установление о должностном платье — этих двоих

сложно было бы отличить друг от друга: одно лицо. А так всё ясно: в наряде цвета сливовой кожуры — Левый военный советник, в одеждах цвета сливовой мякоти — Правый.

— Хотелось бы знать, — задумчиво говорит Левый, — Почему вдруг — китаец?

Правый уже открывает рот, чтобы ответить, но тут часовой вводит осведомителя. О нём докладывать не приказано: как зайдёт во Дворец, сразу может предстать с докладом. Доверенный человек, к тому же родич, хоть и считается вышедшим из дома.

Кланяется ниже, чем положено. Не глядя замечает, что господа приветствуют его мановением рукавов. И прямо из поклона, не разгибаясь, усаживается на пол — совсем как игрушка-неваляшка.

— Что на этот раз? — спрашивает Правый советник.

— В Столицу прибыл господин Дзэхэй из дома Полыни, посол. Новый господин Ёдзи его встретил, Облачная Роща любопытствует.

— Это мы уже знаем, — прерывает Левый советник без укора. — Изложи подробности.

— С кем он отправился к Ёдзи? — уточняет Правый. — И двинулся ли уже в Рощу кто-нибудь из его спутников?

Осведомитель дважды моргает: вопросы понял.

— В Полынный дом господин Ёдзи затребовал самого посла и тех двоих слуг их дома, которые тоже вернулись. С остальными людьми из посольства так: семеро умерли, один остался в императорской столице, а ещё двое — в китайской гавани Мэй. Все втроём там прочно обосновались: ведут торговлю лекарствами и краской. А китаец, которого господин Дзэхэй привёз, отослан в дом на Восьмой улице с приказом там и сидеть покуда. Полыннику он не глянулся.

— Чем не глянулся?

— По жреческой части. Скверна — не скверна, а какое-то личное проклятие или порча.

— И что он такое? — спрашивает Левый.

— На монаха не похож. На чиновника тоже. И точно не крестьянин. К оружию, думаю, не привычен. Держит себя вольным грамотеем. Вольным, но чрезвычайно преданным господину послу. Кладь при нём такая: узел с одеждой и писчими снастями, там же коробочки — может, как раз с лекарствами. И отдельно — большой кузов с книгами и бумагами. Всех я не видел, но на нескольких есть императорские печати. Кроме того, несколько свитков он носит за пазухой, в рукавах и под рубахой на животе. Ну, и ещё у него с собой полно денег. По-нашему говорит. И понимает.

Правый советник молвит:

— Его, стало быть, на Восьмую... Молодой Асано там?

Левый ему замечает:

— Нет. Она же пишет — он пока в Роще.

— Именно так, — подтверждает осведомитель. — И господин Унрин собирается поговорить с послом как можно скорее.

Левый советник, чуть помедлив, кивает:

— Хорошо. Пусть говорит. А ты слушай.

— Господину послу что-нибудь следует передать?
— спрашивает осведомитель. Советники переглядываются, одновременно оба отвечают:

— Пока нет. Ступай, Нэхамбо.

Монах удаляется, часовой плотно, как приучен, затворяет за ним двери. Правый советник резко оборачивает к Левому:

— И что всё это значит? Посол везёт отдельный доклад для Облачной Роши?

— Возможно, — поводит рукавом Левый. — В конце концов, отбывал он на материк ещё при прежнем правлении. Мог иметь отдельные указания.

— Не устаревшие за десять лет? — с сомнением говорит Правый. — Ну да поглядим. В любом случае, теперь Дзёхэя необходимо будет учитывать.

— Да. И то, какую новую должность ему определят,

будет зависеть, похоже, от Облачной Рощи. Надеюсь, не из тех, что намечены для наших людей...

— Меня также беспокоит этот китаец, — Правый советник чуть понижает голос. — По описанию он может много кем оказаться. Любовник? Соглядатай? Тайный правительственный гонец?

— И если последнее, то важно, от какого именно правительства, — уточняет Левый. — Их сейчас в стране То, похоже, с полдюжины. И важно — к кому.

— Вот что ещё любопытно, — замечает Правый советник. — В доме на Восьмой сейчас объявились южане, ходоки с прошением. Дзэхэй в гавани долго ждал вызова в столицу, вполне мог снести с соседним островом — или тамошний наместник мог с ним снести. Едва ли перед нами — случайное совпадение по времени и месту.

— Не исключено, но и не обязательно, — Левый советник улыбается. — В любом случае, эти дикари, кажется, причиняют столько хлопот, что супруга молодого Асано, нынешняя госпожа Хатидзё, о них будет писать каждый день по паре писем. А она — дама наблюдательная, в господина следователя пошла. Что очень удачно.

Нам нужен бог

Хатидзё, он же Асано Иэнори, мирской распорядитель храма Облачной Рощи

Господин Унрин, отрекшийся государь, монах Облачной Рощи

Прочие монахи

Дзэхэй, посол

Обитель Унрин прежде считалась тихой. Старинный и довольно тесный храм на окраине Столицы, монахов мало, деревьев много, постройки низенькие, будто грибы, под тяжеленными размашистыми крышами. С тех пор как мой Государь сюда переселился, братия весьма пополнилась.

Келья господина Унрина не там, где все жилые закутки, не у стены — а сбоку от зала для чтений. Поднимаюсь к нему, слышу, как чтецы за переборкой возглашают:

Под властью Царя все жители страны станут скромны в желаниях, и оттого прекратятся распри. Между властями и народом наступит согласие, прирастут семьи, поля станут урожайны, времена года последуют в благодатном порядке. Светила не изменят своего хода, ветра и дожди не нарушат своих сроков. Люди не будут знать корысти и скупости, а когда окончится их жизнь, многие обретут благое возрождение и умножат собою число богов...

Громче всех — восточный говор одного из наших новых монахов. В Восточном храме или на горе Эй такого чтеца задвинули бы подальше — пока не освоит столичное произношение. В Унрине — не так. Здесь монахи со всей страны, голоса и повадки разные. Да не зря ведь и Просветлённый велел, чтобы Закон его каждый возглашал на своём наречии...

Монашество — дело добровольное. Хоть и бывает, постригут насильно, но быть монахом не заставишь. Бог может потребовать человека к служению, Будда — нет. И Государь мой выбрал себе дело: возглавить таких вольных людей. Он теперь вращает Колесо Закона. Книга эта, которую монахи сейчас читают, «Сутра человеколюбивых царей» — про него, хоть и в Индии сложена.

Государь не вторит монахам, но слушает их. А глазами читает другую книгу: «Первую Облачную летопись». И часто, часто прокручивает свиток. Ищет какое-то место, но, похоже, сам ещё не уверен, какое именно.

Когда я вхожу, Государь спрашивает, поднимая глаза от свитка:

— Кого назовёшь из богов, каждому известных? Но чтобы то был не сам Великий Властитель Земель и не

его ближние сподвижники?

Вот так вопрос. Не то чтоб я проник в мысли каждого жителя нашей державы и разведаль, что тот знает и чего не знает по обрядовой части.

Но если брать не всю страну, а для начала нашу Восьмую улицу? На чьи праздники у нас гуляют?

— Носильщик Снопов? Белый Литейщик? Змей Морской?

— Не то, к сожалению.

А кого все боятся?

— Грозовик? Моровой?

— Лучше. Но тоже не то, Хатидзё.

Не понимаю, чьё имя он хочет услышать. Государь объясняет:

— Очень скоро нам надо будет обновить наше святилище. Здесь, при Роще.

Да, конечно. Богам жилище не строят на века, как буддам. Любое божье святилище — не здание на каменной основе, как храм, а сруб на столбах. От сырости уже подгнивают и опоры, и нижние венцы. Менять пора... Но Государь сейчас, похоже, толкует о чём-то другом.

— Во многих храмах по стране монахи поняли: полезно пойти под нашу руку. И идут, как ты знаешь. То же самое скоро поймут и жрецы в святилищах на местах. Тоже захотят под наше здешнее святилище. Только возглавлять сонмы поземельных божеств — не дело исконных богов Облачной Роши. Они не затем тут поселились. Значит, нужен еще какой-то бог. Желательно — прославленный шире, чем в столичной округе.

Вон оно что. Храмы и вправду всё чаще ищут защиты. И себе, и своим почитаемым буддам. Потому что у храмов есть уголья, а на хорошую возделанную землю охотников всё больше. Теперь главный храм Облачной страны — это Облачная Роша. Милосердного Будду соседи порой и не боятся грабить. А вот обидеть прежнего Государя, отца нынешнего Властителя Земель,

— это страшно каждому.

Уже многие поняли: нет нужды противопоставлять служение всемирным буддам и нашим родным богам. Вместе даже лучше получается чтить их. Так что теперь почти при каждом храме есть и святилище местных богов. А вот эти боги — признают ли они первенство богов Облачной Роши? Боги нашего святилища — не знаменитые. Просто древний царевич и его супруга, основатели храма Унрин. Их величания и в Столице-то не всякий вспомнит...

Говорю:

— Верно. Есть любители сравнивать божью славу. И в Столице, в часе ходьбы отсюда. А отъехать ещё дня на два пути — например, в Подгорный край Ямадо — так там и спорить не будут, кто славнее. Конечно же — их Солнечная Ткачиха! Кстати к твоему вопросу. Кому каждая женщина молится об удачном платье? Чьё обличье мы все ежедневно в небе видим?

— Вот именно, — вздыхает Государь и сворачивает свиток. — Нам нужен ещё один бог в наше святилище. По летописи не могу найти никого подходящего. Жаль, я слишком плохо помню «Царское предание»...

Тут я моему Государю не подсказчик. Древнюю эту книгу, «Царское предание» я даже издали не видел. Слыхал только, что в ней записаны имена всех богов и рассказано о том, как род Великого Властителя Земель утвердился на Облачных островах. Книга передаётся в Государевом роду, для всех прочих запретна. А иные говорят — даже гибельна.

Государь из рода вышел. За «Преданием» теперь во Дворец не пошлешь. Слишком обидно будет, если откажут. А могут отказать.

Лучше бы сейчас о чем-нибудь другом. Попробую:

— Посол Дзёхэй здесь, ждёт приёма.

— Да, конечно. Пусть войдёт.

Нэхамбо вводит ещё не старого, но очень печального человека. Это и правда господин Дзёхэй. Я

его помню: десять лет назад он часто бывал у старого господина Ёдзи, а между Полынной усадьбой и нашей Конопляной калитка тогда не закрывалась.

Сейчас посол приветствует господина Урина — как наставника, как монаха, но не как Государя. Тот тоже приглядывается. Это ведь его чиновник вернулся из-за моря — таким. Мало кто вообще возвращается... Дзёхэй, против правил учтивости, смотрит на его бритую голову. Кажется, пробует понять: добровольно его господин принял сан? Или силой заставили? Или просто выбора не было?

— Садись, — говорит мой Государь. — Не дождался Полынный...

Для них обоих старик Ёдзи был всю жизнь. Как и для меня, сколько себя помню. Полынный господин, огромный, седой, глухой и громогласный, воин-жрец, так и не ставший столичным вельможей. Он должен был быть всегда — и вдруг его не стало.

— Да, — Дзёхэй скорбно склоняет голову. — Но дом Полыни стоит. Я сейчас оттуда.

Когда господина Дзёхэя назначили в посольство, на него глядеть было радостно — так он сам увлечён был книжной премудростью, так ждал случая применить знания в деле, да и с заморскими учёными познакомиться... Сейчас — нет, всё-таки взглянул, что за свиток лежит перед Государем. Не совсем его уморили на материке. А новое в нём — не только горе: ещё и страх. Даже, может быть, страх главнее. Но боится он не Государя и не Облачной Роши, это видно. Чего-то другого...

Государь его спросил, какой доклад он собирается представить Властителю Земель. Посол начинает рассказывать: медленно, выбирая слова. И всё равно половина слов — заморские.

Как и было ему приказано, он приплыл в гавань Мэй. Вручил тамошнему губернатору провинции грамоты для передачи в столицу империи. Насчёт взаимных торговых дозволений и отдельно — об отмене

запрета на вывоз китайской чеканенной меди. Передал и готовился долгие месяцы ждать ответа — но узнал, что в Мэй такие дела решает губернатор. И купеческие, и монетные, и почти все, за исключением календаря и требований к правописанию. Но времени было еще вдоволь — отпущенного на имперскую волокиту, — и посол его потратил на изучение книжного собрания провинции Мэй. Губернатор сам оказался большим знатоком древних и новых сочинений, на том Дзэхэй с ним и сблизился. А дальше случилось нечто невероятное по тамошним меркам: губернатору предложили должность при императорском дворе — и он её принял. И позвал Дзэхэя с собой в столицу.

Государь уточняет:

— Обычно назначение наместником — последнее для поземельного чиновника, выше не подняться?

— О нет. В нынешних китайских восточных землях губернатор, по сути, правит как самовластный князь. Налоги — в его пользу, войско — собственное, законы толкует сам. Вызов в столицу — конец всей этой власти. Многие не подчиняются, силой их принудить невозможно. Но губернатор Мэй повиновался, передав провинцию младшему брату. В столице его не казнили. Занял должность главы императорского архива, любезно предложил мне возможность там работать. Через пять лет я был представлен императору и получил от него подтверждение наших договоров.

Рассказывает он чётко, дельно. Но, сдаётся мне, всё главное пропускает.

Я сам такой. Про главное лучше не думать. Тут нам пример — сам Великий Властитель. Ведь когда острова наши только собирались воедино, демон Мара проведаль: на этой дальней земле будет процветать Закон Будды, и явился, чтоб помешать. А Властитель ему: да нет тут Закона! И заповедал всем жрецам: не произносить таких слов, как «сутра», «монах», «просветление» и прочих. Чтобы демона обмануть, ибо Мара, конечно, будет наблюдать за нами через самых

открытых к чуду, через божьих служителей. Так и избегают жрецы до сей поры говорить и думать о храмовом, даже если святилище и храм уже совмещены. Но, по-моему, это предание и к обычным людским делам тоже применимо. Буду я, как почтительный родич, думать про самых важных для меня людей — про отца, про деда, про жену — тут-то через меня к ним всякая порча и подберётся.

О Государе думать уже не страшно. На то он и монах. Рассуждает о святилищах, как самый настоящий торгаш: выгодно-невыгодно... И монахи в Роще ему платят тем же. Знаем, мол, господин Унрин, ты не ради Закона нас сюда созвал, а из корысти, чтобы нашими силами владения своего монастыря приумножить... А Закон — только для видимости. Ну, да. А что в нашем суетном мире не для видимости? Так и живём...

Жужубы и бумага

Намма, следователь Полотняного приказа

Госпожа Намма, его жена

Их дочь

Много лет провела девица Рю в доме Наммы. Недавно перебралась на Восьмую улицу. И теперь если возвращается — то с такими вестями! Всё выложила при ребёнке. Пошёл ор на весь дом:

— В гости! Там — дикари!

Сыщик Намма в замешательстве. Вроде не так ещё долго его младшая дочь прожила в Столице — чтобы город ей опостылел и потянуло к дикарям.

Пытается увещевать:

— А вдруг они кусаются?

— Я тоже!

И правда, зубов уже много. Белые, как у дикаря. Что тут возразишь?

Госпожа Намма подключается к переговорам:

— Давай сначала мы с батюшкой сходим на разведку. Кусаются они — или, наоборот, жужубы привезли.

— Жу-жжу?

Это было мудро. Дитя услышало новое слово и на нём сосредоточилось.

— Это такие ягоды, красные и сладкие. А зубы от них становятся жёлтыми.

— Хочу, — уверенно заявляет дочка.

И что мы теперь будем делать, если вернёмся без жужубов?

На самом деле никакие это не дикари. Родственники Рю, крестьяне из южного имения семьи Намма. С чего бы их среди лета понесло в Столицу — вот что непонятно. Не случилось ли чего с братом господина следователя? Пришлось среди дня из Приказа отлучиться.

Но долго об этом думать как-то не получается, потому что есть и вторая новость. Дзэхэй приехал. И что теперь? Господину следователю надо будет заново привыкать, что у него есть друг — и не за Западным морем, а тут, рядом. Или наоборот — смиряться с тем, что никакие они уже не друзья с Дзэхэем. Но в любом случае — родичи: госпожа Намма послу родная сестра. Так что пусть к нам приходит — на племянницу смотреть. Любопытно, растут ли у китайцев жужубы?

Объяснять придётся, наверное, многое. И про то, что первая жена Наммы с ним больше не живет. А ведь когда-то она вышла замуж за Намму, в частности, и потому, что её отверг её возлюбленный. И был им не кто иной, как Дзэхэй — он тогда вообще девушками не увлекался... И про то, что господин следователь теперь женился на сестре своего лучшего друга. Та была еще совсем юной, когда посол уплыл за море... И — ох! — про то, как Намма присматривал за домом Дзэхэя на

Восьмой улице — а там обосновались изуверы, и всю челядь в свой толк обратили. Изуверов потом разоблачили, выселили за городскую стену. А чтобы отвадить их учеников, на Восьмой поселился молодой господин Асано, зять следователя: он в учении Просветлённого толк знает, может разъяснить приبلудным посетителям все их заблуждения. Кстати, если теперь Дзёхэй учтиво попросит молодую пару освободить его жилище, — куда им переезжать? Обратно к отцу и тестю? Снимать другой дом? Страшно молвить, новый строить?

Госпожа Намма тоже переживает:

— До чего неудобно... Ведь получается, что я вышла замуж без дозволения старшего брата!

Сына господина следователя от первого брака, Садаёри, конечно, тоже известили — а то ведь обидится! Но он юноша серьёзный, приезд посла — не повод среди дня покидать присутствие. Первая должность всё-таки! Так что молодой Намма только прислал записку: просит всячески заверить господина Дзёхэя, что он, Садаёри, при первой возможности вернёт все книги, которые перетаскал за последние годы с Восьмой улицы. Оба — большие грамотеи...

Собрали в доме Наммы, что пригодится Дзёхэю на первое время, погрузили в возок. Эх! Конечно, послу свой выезд тоже будет нужен: кататься, будто дама, в носилках, по Столице неудобно, а пешком — не пристало. Возок и вола Намма другу нашёл бы, а вот с возчиком — беда. У самого следователя сейчас волом правит молодой парёнок Таро, возчицкий сын. А настоящий возчик, Урасака, уже который год недужит. Пострадал при том деле с изуверами. А на стороне среди лета хорошего возчика не найти.

Уже на улице к возку господина следователя подбегает посыльный со службы, из Полотняного приказа:

— Господин старший советник, беда!

— Что у нас стряслось?

— У вас, у сыщиков, ничего! А вообще — хищение! Или утечка. Или измена. Или не поймёшь что. Одним словом: после твоего ухода господину главе Приказа подали на подпись бумагу. набросок указа, про межевание. Он читает — а там не про межи вовсе, а про грузовое судоходство. «Что такое?» Переписчики ему: «Пусть господин главный советник изволит взглянуть на обороте!» — «С каких это пор мы на уже исписанной бумаге Государевы указы пишем?» — «А чистой-то нету!» Сам глянул — и правда, нет бумаги! Совсем, считай, нет! Сейчас в приказе — буря! Господин Асано целой плиткой туши запустил в нашего Ваки: чуть глаз не вышиб! «Бумага для нас — святое! А вы... А вы...» Как сможешь, господин мой, подойди к нам — может, Глава-то немного и успокоится, совету спросит...

— Непременно, — мрачно кивает Намма. — Кстати: а куда, собственно, девалась бумага?

— Да прямо сказать неловко... Ты же сам видел: к нам в последнее время чуть не каждый день ходят монахи из Урина. Просят подаяния. Бумагой! На благое дело — сутру переписывать. Как им откажешь? В нынешние-то времена... А господин главный советник кричит: «Какие сутры?! Если Полотняный приказ не может из-за этого выполнять своих прямых обязанностей — отставить все сутры! Мало мы казнокрадов переловили — теперь прямо в нашем приказе казенное добро на сторону пошло!» Что-то будет...

Это, действительно, вопрос. Средний господин Асано, глава Приказа и начальник Наммы — человек добросовестный. Обычно он следователю не мешает — потому что считает все расследования побочной деятельностью для Полотняного приказа. Прямая же задача этого ведомства — готовить и оглашать Государевы указы. Но теперь, когда под угрозой именно эта сторона дела, — терпение Асано может лопнуть. В первый раз на памяти Наммы. Что особенно страшно.

— Ты, если надо, загляни на службу. Я в возке

подожду, — говорит госпожа Намма.
Надо. Но сразу потом — Дзёхэй.

Хозяева и гости

Госпожа Хатидзё
Рю, ее воспитанница
Родичи Рю, ходоки с дальнего юга
Дзёхэй, посол
Рэй, китаец, его спутник
Хатидзё, муж госпожи
Господин и госпожа Наммы

Южане поистине неуследимы. Пока я дописывала письмо, все трое куда-то делись. Вернулись уже вдвоём, без старика. Толмач объяснил: дедушку посадили ждать. Где и чего ждать, я не поняла.

Утварь господина посла достали, отряхнули. Вроде она ещё прочная. Как всё было расставлено раньше, я не знаю, разместила на свой вкус. Потом ведь братец ещё книги принесёт! Это заняло почти весь день. Приходилось отвлекаться: то гнать южан от очага, потому что кухарка наша их боится, то Пересмешнице отвечать: у неё-то много вопросов, нехорошо не поделиться! Китаец нашел себе место в углу двора, достал бумагу и всё записывает. Но — тихо.

Сели мы с Рю передохнуть и причесаться. Скоро ведь батюшка с мачехой будут тут. А потом, может, и муж пожалует вместе с послом...

Иностранец Рэй перебирается ближе к нашему крыльцу.

— Я буду не мешать!

Стали расспрашивать его дальше. Надо же разобраться, какова его должность. А то ещё нагрубим тайному гонцу китайского императора...

— Дарования мои ничтожны. Я здесь как... с позволения сказать, как жертва великодушия господина посла. Он изволил спасти мою жизнь и почти что спасти мою честь.

— Как это «почти»? — невежливо любопытствует Рю.

— Я уже был опозорен при всей Поднебесной. Но расчленили меня не успели.

Машу девице Рю гребешком, чтобы она не углублялась в подробности. Брат что-то такое рассказывал о праведных мужах заморской древности... Очень неприятно!

Рэй продолжает:

— Теперь куда господин посол — туда и я. Взаимный долг!

Похоже, к тайнописи тут дело не сводится.

Приехали в носилках супруг мой с господином Дзёхэем. Я посла никогда раньше не видела. Или не помню — маленькая была. Он какой-то бледный, очень усталый, но в общем благородной наружности. Начали размещаться на мужской половине, китаец поспешил на подмогу. Я успела набросать несколько строчек Пересмешнице — и тут прибыли батюшка с мачехой. Господин посол всё бросил, вышел им навстречу.

Госпожа Намма, конечно, плачет. Отец с послом стоят друг напротив друга и смотрят, каждый — как на картину, даже не здороваются. А мне разбирать все припасы, что из дома Намма привезены. Кое-каких вещей я никогда не видела. Может, они все десять лет у отца на сохранении были.

Муж высунулся, поглядел на этих троих, решил не вмешиваться. Обращается ко мне:

— И где дикари?

Легко спросить!

Они, оказывается, в садике. Сидят и что-то грызут, выкопанное тут же. Господин монастырский распорядитель поколебался, но — расположился с ними рядом и завёл разговор с толмачом. Рю присоединилась. Во-первых, обсуждаются её семейные дела. Во-вторых, господин Хатидзё так выражается, что толмач его может и не понять: нужен второй переводчик, привычный. И в-третьих — чтобы ей не встречаться с Таро, который

батюшкин возчик. Потому что это её бывший возлюбленный, и если они сейчас начнут опять ругаться — выйдет неудобно перед послом...

Господин сыщик Намма с женой и с другом пошли в дом. Я присмотрю, чтобы им подали угощение. Они уже разговаривают, но так, будто все трое очень смущаются.

— Об императоре, — говорит господин Дзэхэй, — ты меня лучше не спрашивай. За время, что я пробыл в То, их пятеро сменилось, причём не все — в тамошней столице. Кто на престоле сейчас — понятия не имею. Понимаешь, там, за морем, всё иначе...

Батюшка кивает, но вид у него озадаченный. Меня не зовут, так что я отправилась к себе в покои. Потом расспрошу. Китаец тоже оказался не при деле, так что опять уселся у меня под крыльцом. Лица его мне сверху не видно — только руки: то ли он что-то пишет, то ли чертит. И продолжает, словно мы и не прерывали беседы:

— А главный мой позор — не... казённый, но семейный. Увы, я покинул мою старую матушку. Не одну — с нею мой зять. Но сердце моё болит. Непокойно! Не то что здесь у вас... Я дома и не думал, что за восточным морем и впрямь есть счастливая страна. Теперь смотрю — правда!

Я его, конечно, разубеждать не буду. Хотя чуть вникнешь в дела Полотняного приказа — сразу видно, что и у нас в стране не всё в порядке. Но не иноземцу же это объяснять...

Вечная пустошь

Госпожа Хатидзё

*Хатидзё, ее муж, мирской распорядитель храма
Облачной Роши*

*Намма, его тесть, следователь Полотняного
приказа*

Уже вечером заходит муж. Мимоходом

прихватывает чашку с подноса. У меня-то всегда стоит еда, чтобы подкрепиться по ходу хлопот...

Раз уж я на Восьмой улице остаюсь пока хозяйкой, надо бы придумать, какой наряд соорудить китайскому писарю. Потому что нет такой уставной одежды: для вновь прибывших иностранцев. А должна быть!

Как одеваться мирянину-распорядителю, раньше тоже никто не знал. Пришлось выдумать самой — и покрой, и расцветку. Наподобие чиновничьей одежды нашего ранга, но рукава поуже и цвет тусклый, почти серый. И полы короткие, едва до щиколотки. Но в целом супругу моему идёт. Подчёркивает его немалый рост и стройность. И хоть какой-то цвет лица. А то в ярком синем — даже под пудрой лицо всё равно — будто у подвижника, сорок лет не кормленного...

Спрашиваю: как там с южанами?

— По счастью, они не на дядю твоего пришли жаловаться. Наоборот: он их сюда сам отпустил. Дело идёт о спорной целине.

— А кто с кем спорит?

— Имеется участок пустоши. Между поместьем Намма и землями тамошнего южного пограничного воеводства. Участок переходит из рук в руки — раз в десять лет или чаще. Тут вот в чём смысл. Первое: поселяне деревни Такой-то заявляют господину о намерении поднять целину. Господин — это, допустим, воевода. Люди получают освобождение от податей. Второе: целину осваивают, получают с неё несколько урожаев. Третий шаг — люди взмаливаются тому же господину, что эти их поля пришли в негодность. Господин их мольбу передаёт по начальству и просит выделить новой земли. На нужды пограничной охраны, задача важная. И одновременно происходит четвёртое. Жители деревни Сякой-то, в свою очередь, берутся восстановить заброшенные земли. Сообщают об этом уже своему господину, то есть Намме, он же уездный начальник. И тоже освобождаются от податей...

— Хитрость в том, что это — одна и та же земля,

бывшая целина, которая теперь заброшена?

— Да. И ни в какую негодность поля не приходили. В крайнем случае, окажись господин особенно въедлив, ему покажут разбитую плотину где-нибудь поблизости. И потом восстановленные угодья снова запустевают, Сякие-то крестьяне их якобы бросают — и перехватывают опять Такие-то. Вопрос: что нужно, чтобы эта игра шла до бесконечности?

— Согласие между воеводой и уездным начальником. И ещё — чтобы начальство того и другого им попустительствовало и ничего не проверяло, — предполагаю я.

— Верно, — кивает муж. — Что ещё желательно бы иметь в том краю на случай проверки, или на случай ссоры господ, или если кто третий на эту же вечную целину позарится? Ответ: вывеску, из коей было бы ясно, что у этих поселян есть заступники на самом верху. Куда вешается такая вывеска? На молельню или на святилище, чьи ворота как раз отражаются в водах близ рухнувшей плотины. Вот за вывеской ходоки и прибыли.

— А где такие вывески берут?

Господин распорядитель со значением крутит веером:

— Когда как. Но в наше время разумные люди обращаются в храм Облачной Роши. Потому что у нас дешевле. Монастырь горы Эй вдвое сдерёт, Облачное святилище Западной столицы — трегубо!

Кто бы мог подумать ещё три года назад! Потомок дома Конопля, учёнейший муж в своём поколении, ревнитель обрядовой строгости — и вдруг найдёт себе отраду в этих проделках?

— Что-то тут не так, — говорю. — Ведь это казнокрадство?

— Никоим образом. Можно ли потерять то, чего не имел? Так же и с казною. Если подати в неё не поступили, их оттуда и украсть невозможно. А что доход идёт не в казённые амбары, а крестьянам, молельне,

местному начальству и покровителям, — это да, конечно. Только если недоимку и захотят взыскать, это будет делать Земельная палата, а не Полотняный приказ. Тем самым предотвращается столкновение между ведомствами, что стране на благо. И все понимают: лучше так, чем захватывать у немирных южан новые земли. И осваивать другую целину, которая — настоящая, без плотин и без каналов. Меньше крови и меньше пота.

А ведь не родня — так свойственники у Рю наверняка есть и среди этих немирных...

— И где посадили старика-южанина? Я не поняла.

— Да у нас же, в Облачной Роще. Там очередь дня на два. Я обещал по возможности ускорить дело. Но эти молодцы ещё хотят убедиться, не предложит ли им какая-нибудь другая святыня лучших условий.

В это время заглядывает батюшка — попрощаться. Говорит господину распорядителю:

— Должен предупредить: завтра я к вам в храм с утра загляну. У нас в Приказе вскрылись некоторые... бумажные обстоятельства, прояснить которые я считаю возможным только в Облачной Роще. Прошу подготовиться!

Жрец

Господин Ёдзи, глава дома Полыни

Много в Полынной усадьбе челяди и домочадцев — но сегодня вечером господин Ёдзи желает быть один. Даже Нэхамбо не принял — тот передал записку от Дзёхэя и ушел невыслушанный. Посол пишет, что сегодня ночует дома, на Восьмой, разбирается и обустроивается — а завтра ему снова в Облачной Роще велено быть. Вообще-то Полынный господин ему ничего такого не велел. Приказ бывшего государя, понятно —

«достойный монах попросил подаяния словом», как это теперь называется... Любопытно, там за морем государи в храмы уходят? И если уходят — то продолжают ли заниматься мирянами и мирским со столь завидной цепкостью? Надо будет спросить.

Но китайский император нам тут всяко не образец. Он не ведёт свой род от Великого Властителя Земель. И даже Небу не родной, а приёмный сын: по велению, не по крови. А Небо в последнее время, как Дзэхэй говорит, свои веления меняет чуть ли не каждый год... У нас такое невозможно.

И пострижение нашего государя в монахи — дело безумное. «Вышел из дому», видите ли. Не спросившись у Главы своего дома, у Великого Властителя Земель. Если бы спросился — мы, жрецы, знали бы.

Монашья отговорки мы все, конечно, слышали. Боги и будды, дескать, едины между собою. И это тоже безумие. Как если бы я, Полынник, решил, что у меня в державе То есть двойник, тамошний стрелок из священного лука. А где-то ещё дальше на западе живёт и наш третий тройняшка, такой же лучник при индийском царе... Заяви я нечто подобное — за лекарем бы послали. Когда же такое не обо мне — о наших богах говорят эти бритые, их слушают, не спорят. А кое-кто даже и верит.

Но гаже те, кто не верит и не спорит. Как глава Палаты Обрядов — господин Конопляник, Асано-старший. Или как я сам.

Дому Конопля нравится то, что происходит в Облачной Роще. Иначе бы их внук там не служил распорядителем. Из людей самый старший родич прежнего государя — Асано, дед его по матери. Он, стало быть, отпустил. И теперь о занятиях своих двух внуков в храме Унрин говорит, вяло разводя ладошками: «Безобразие...» Впрочем, когда главе Палаты докладывают: такое-то святилище разграбили, жреца зашибли, божьего коня свели — Асано тоже отвечает: «Да-а, беда у нас с конокрадством...»

Одряхлел, из ума выжил? Кто-то может думать и так. Но Полынный-то знает: не дождётся. Знает и то, как скоро и в каком виде находят таких конокрадов. Только сейчас-то головорезов не подошлешь. Речь о Государевом роде. Значит, старику Асано зачем-то нужен такой расклад. Старший правнук — Властитель Земель. Старший внук, государь-монах — бывший верховный жрец Облачного обряда, ныне лишённый посвящения. И младший внук: неотступный мирянин при этом монахе, только почему-то сам не монах. Зачем всё это, непонятно.

Отец бы понял. Он старика Асано вообще понимал, ещё смолоду.

Вот и выходит: горько, когда глава Палаты смотрит на меня не как на настоящего Полынного. Горько — но удивляться нечему.

Сам старый — то есть тогда ещё и не старый — Ёдзи и не чаял, что станет главою дома Полыни. Но столичные Полынные в мор перемёрли, отца вызвали прямо из порубежья, произвели из младшей родни — в старшую, он принял посвящение. И был сорок с лишним лет настоящим лучником в Облачном Обряде. А из меня, из сына, старался сделать настоящего столичного вельможу. Грамотного, учтвого, степенного. Обряд, конечно, тоже передал. Только злые духи — они-то не хуже старика Асано понимают, что нынешний Полынный прежнему не чета. И что я, в отличие от отца, по людям никогда не стрелял.

И в глазах Дзёхэя сегодня тоже что-то подобное почудилось: новый господин воюет с духами, с людьми-то не воевавши... Или не почудилось. Сам-то он, этот тишайший книжник, как выяснилось, и впрямь там за морем дрался, как воин.

Дрался, потому и боится войны. А как посмотришь на наши дела — два двора, дворцовый и храмовый, оба Облачные, два государя, жрец и монах... Известно, что бы из этого вышло, будь это всё описано в китайской летописи. Есть о чём затревожиться грамотею...

Дзэхэй — младший родич Полынного дома, не посвящённый. Как я объясню ему, что происходит? Если я и с собратом-жрецом слов не нахожу для разговора об этом?

Впрочем... Пожалуй, вот так.

Всем ведомо: Властитель Земель — верховный жрец Облачной страны. Творит обряд в окружении своих сподвижников-жрецов, глав древних домов: Конопляного, Полынного, Копейного, Колокольного... Все это знают, только это неправда — уже много поколений. И наш Властитель Земель, и бывший государь, ныне унринский монах, и дед нынешнего Государя — которого Дзэхэй уже и не помнит, а я застал, — не такие. Государь — давно не жрец; скорее — святыня. Как Лук в доме Ёдзи, Верёвка — в доме Асано, как Копьё, Колокол... И это — неправильно.

Бывший государь не хуже нас это видел. Потому и сложил жреческое посвящение, ушёл в храм — чтобы самому что-то делать. И делает — чего впрямь впору пугаться. Более того. Властитель Земель, молодой наш Государь — тоже эту неправильность понимает. И тоже хочет, чтоб её не было. Только бы не вышло так, чтобы и он решил: выход — стать монахом. Потому что выход — другой. Быть верховным жрецом Облачной страны. Только бы он это понял...

Пересмешница — Плакучей Иве:

... Ведь это страшная судьба! Одному из жителей нашей Столицы он решился открыть своё сердце. И вот что он рассказывает. Мать его голодала и мёрзла, но учила его грамоте при свете светлячков... Матери, должно быть, всюду одинаковы: и в Облачной стране, и за морем. Потом юноша был вызван на грамотейские испытания. И написал отличное сочинение! О добродетелях древних. И что же ему сказали? Молодец, твою работу оценили высоко. Сын такого-то влиятельного лица получил за неё третье место — и выгодную должность. А как же бедный юноша? Ведь та

важная особа даже не позвала его к себе на службу. Не удивительно, если он, как принято у китайцев, встал на путь борьбы с несправедливыми властями... И увя, докатился до тюрьмы. Но это не позорно, наоборот!

Надеюсь, эти строки не прозвучат слишком по-мужски:

*Хоть и прямая
Тропа, сорняком она
Густо укрыта —
Ах, не в росе я на ней
Все рукава замочу...*

Бумажная работа

*Намма, следователь Полотняного приказа
Хатидзё, мирской распорядитель храма Облачной
Роши, зять Наммы*

Утром в обитель войти непросто. Монахи отправляются на сбор подаяния, толпятся в воротах, бренчат медными кольцами на посохах. Средний советник Полотняного приказа пробирается сквозь толчею. Многие его просто не узнают — здесь есть и пришлые. Но даже столичные не сторонятся так проворно, как в городе. Впрочем, и услужить не торопятся.

Странно выглядят эти люди: выбриты все одинаково, лица простецкие, порою крестьянские, а то и бродяжьи, но одеты в дорогие разноцветные шелка. Плащи монахам тут шьют из лоскутьев придворного платья, отданного в храм как милостыня.

Намма проходит мимо храмовой башни и кумирни, к залу для чтений. В нём воротца на хозяйственный двор. Тут и домик мирского распорядителя. Перед входом на костерке греется чан с каким-то варом или лаком. Храм отстраивается, последние два года — непрерывно.

Зять уже на месте. Грамотами и книгами в его приёмной стены заложены от пола и почти до крыши.

Поздоровались. Присели. Волей-неволей — нос к носу, доверительно. Иначе не усядешься из-за здешней тесноты.

— Вот что получается, — начинает Намма. — В последние месяцы наши служащие вашим монахам пожертвовали бумагу. Много бумаги. Слишком много. И, что неприятно — ту, которой им распорядиться не подобало.

— Исписанную? — настораживается распорядитель.

— Пока утверждают, будто чистую. Однако хотелось бы сверить наши расходы и ваши поступления. Очень уж много выходит. Твой дядя в гневе.

Хатидзё с пониманием кивает. Господин Асано-средний гневается редко, но уж если такая гроза грянула — зонтик не поможет.

— Давай посмотрим.

С четверть часа распорядитель копается в грамотах, выходит перетолковать с какими-то служками. Выглядит это вполне убедительно, но у следователя отчего-то всё больше сомнений, что бумагу удастся вернуть сполна вот прямо сегодня.

— Значит, так.

Зять раскладывает перед тестем на полу: две стопы бумаги, ворох растрепанных листов и два свитка в синих обертках.

— Вот эта бумага — из Приказа, — показывает он на стопу поменьше. — Эту мы сами заказывали, но выделка похожа, можем поделиться. Тут в куче мои записи, в дело вряд ли годны. Но — да, они от той поры, когда я пытался служить в Приказе. И того же времени — этот список «Сутры человеколюбивых царей».

Разворачивает свиток. Он на лучшей бумаге, в Полотняном на такой перебеливают Государевы указы. Для храмовой книги листы наклеены на узорную тканую основу. Было ли что-то на оборотах этих листов, теперь уже не видно. Занятный способ тайного хранения записей.

— Сутру расклеивать не дам, — твёрдо молвит зять, следя за тем, как Намма вертит свиток.

— Разумеется, — смиренно отзывается следователь. — А остальное где?

— Это — всё.

— Всё, что тебе доставили? Получили здешние монахи вшестеро больше.

Распорядитель мрачнеет:

— А какие именно монахи? И когда точно? У нашей общины имущество общее, всё подаяние сносят в храм и записывают. Оставлять себе что-нибудь — тяжелое нарушение устава.

— Когда? Изволь, — говорит Намма и заглядывает в свою грамотку. — Второй день Мыши прошлого месяца. Вторые дни Тигра и Кабана. Третий день Мыши. Текущий месяц: дни Змея и Петуха. Последовательности не вижу.

— Я тоже, — подумав, соглашается зять.

— А вот кто — с этим сложнее. Приметы расплывчатые. «Монахи, бритые, с посохами»... Никому из дарителей не родня.

— Но хотя бы одни и те же монахи — или разные? И по сколько человек они приходили?

— Это я буду уточнять — а ты пока проверь по здешним записям названные дни. Если выяснится вдруг, что попрошайки вообще не из вашего храма, но только прикрывались именем Облачной Роши — это ещё хуже получится.

— Ещё вот что, — замечает молодой Асано. — Ты видишь, как наша братия одета. Рукава короткие, плащи закидываются через плечо. Спрятать на себе объемистый груз — негде. Шесть дней: или монахов ходило помногу, или каждый тащил приметную кипу бумаги, или выносили подаяние по частям, то есть сделали несколько ходок. Странно, если во дворце этого никто не заметил.

— Да, придется расспросить возможных свидетелей из других ведомств, — невесело кивает

тесть.

Зять взял сутру и поднялся было уже на ноги. Видит, что Намма медлит. Спросил:

— Я проверю, ты проверишь. А потом что?

Следователь разводит ладонями. Точь-в-точь как старый господин Асано:

— Потом — боюсь, что очная ставка...

Едва только Намма и провожающий его молодой Асано выходят во двор, как к распорядителю бросается какой-то монашек:

— Господин Унрин зовёт!

Летучая Белка — Пересмешнице

...Сегодня утром китаец напугал мою Рю. Вбегает она с бумажкой в кулаке и кричит: порча! Я разгладила, посмотрела — на листке нарисованы сама Рю и её родичи. Как они стоят посреди двора и руками в разные стороны показывают. Похожи! Спрашиваю: это что? Оказывается, Рэй делал вид, что пишет, а на самом деле исподтишка их всех изобразил.

Он как раз толковал с моим братом: тот книги принёс господину послу. Самого посла ещё с рассвета дома нет, отправился с моим супругом в храм Унрин. Китайцу заняться нечем, вот он и пристроился разбирать свитки и тетради. Братец пробует говорить с ним по-заморски. Они друг друга не понимают, но не злятся, а оба хихикают. Пришлось их веселье прервать.

Нельзя так, говорю. Южане пугаются, когда кто-то их на бумагу сводит. Думают, это зловредные чудеса.

Рэй косится на свой мятый рисунок, качает головой:

— Это не чудо. Это далеко-о не чудо!

И стал рассказывать, какие у них за морем бывают настоящие живописцы. Один нарисовал журавля, да так искусно, что журавль у него со свитка сходил и танцевал. Но только для хороших людей, а не для злых, будь они хоть посланцы императора. Другой художник

изобразил денежку — и за неё товары стали покупать и продавать. Этого мастера Рэй даже сам знал.

Он рассказывает, мы с братцем слушаем, Рю подслушивает — и не похоже, чтобы её это успокоило. Тогда Рэй обещал южан больше не трогать. И пошёл на базар: сказал, что сам дорогу найдёт, а прогуляться ему господин посол разрешает.

Возвращается уже сильно за полдень. Какие тут, говорит, учтивые торговцы! Побывал он на рынке за Восточными воротами, там у него все готовы были принять китайские деньги. И сдачу давали ими же! Пришлось мне ему растолковать, хоть и неудобно: своей монеты у нас не чеканят.

— И не печатают? — спрашивает.

— А это как?

— Доской и краской. Вырезают знаки навыворот, красят и притискивают бумагу. Получается точно-точно. Как от именной печати оттиск.

Ну, такие-то печати у нас свои есть, не совсем мы отстали.

Рэй собирается тут зарабатывать. Он долг слуги понимает так: чтобы господин не чрезмерно тратился на его содержание. И на своё собственное тоже. Для того Рэй на рынке и узнавал, почём в нашей Столице услуги переписчика и рисовальщика. Убедился: у нас много продают разных книжек, и заморских, и здешних.

— Старинные почерки! Редкие знаки!

А потом сделал удрученное лицо:

— Но совсем нет красавиц!

И тут же поправился: картин с красавицами.

— А это зачем?

— В помощь дамам: что надевать, какие причёски... И потом, господам тоже нужно. Когда нет картины, чтобы по ней влюбиться... Тяжело!

Вздыхает:

— Даже любовницы главнокомандующего — не продают...

Хорошо, Пересмешница, что я с твоих слов знаю

об этом деле. Рассказала: наш глава Военной палаты все последние пятьдесят лет посещает одну и ту же даму. Если бы рисовали картинки с нею, очень вышло бы однообразно...

Рэй откликается:

— Но ведь это — верность! Беспримечательная! Достоинна поэмы!

Мне стыдно, но я не знаю: а у нас бывают повести про постоянные чувства? Что мне пересказывали — там всё больше или про измены, или от любви как-то быстро помирают. Или женятся и всё кончается.

Но почему у них в стране То именно воеводских зазуб так охотно рисуют?

— Ну, как же! Народу надо знать, под чьё влияние подпал полководец.

Братец кивает: я, мол, читал. Такое влияние и впрямь бывает пагубным.

Молодой господин Намма кстати спросил у Рэя: какую службу ты нес до того, как к нашему послу поступил? Про позор и казнь брат не знает — или виду не подаёт.

Только китаец тут от ответа уклонился:

— Говорить о бывших господах — всё равно как при нынешней любимой поминать своих прежних женщин. Дурно!

Вот я и думаю: не при любовном ли каком приключении Рэй так влип, что господину послу пришлось его спасать?..

Пересмешница — Летучей Белке

...Но ведь то, что ты пишешь о картинках — это поистине замечательно! Особенно если и вправду теперь, после возвращения посольства, в ход пойдёт всё китайское. И насчёт воевод — очень кстати! В конце концов, не только господин глава Военной палаты, но и мои братья, оба, уже полтора года склонны к постоянству в чувствах. Приятно, если это окажется к

чести нашей семьи! Только если этот Рэй будет рисовать их дам, ты его предупреди: госпожа Вьюнок лучше пусть будет в бледно-алом. А барышня Мотылёк — ни в коем случае не в том наряде, в котором ты ее последний раз видела, а в настоящей китайской накидке.

И ещё будь так мила, непременно спроси его: а какие в державе То сейчас ценятся зеркала? Круглые, продолговатые? И что у них на обороте? Лучше пусть он даже нарисует, а ты мне этот листок перешлешь.

Что же до его прошлого — будь осторожна и сдержанна в расспросах! Если его сердце разбито, да не кем-нибудь, а властями — такие воспоминания могут повергнуть живописца в печаль, и он замкнется в себе. Будет только рыдать и ничего любопытного больше не расскажет... Разве это будет не огорчительно?

Кстати: а рисуют ли там, на западе, младенцев? Ибо если мой старший брат и находится под чьим-то опасным влиянием — так это влияние моего племянника. С ним — беда: вопит, а чего хочет — непонятно. По крайней мере, брату. Хорошо тебе, твоя-то сестрénка уже говорит... Но господин Намма как опытный дознаватель, конечно, может разговорить кого угодно, даже и бессловесное дитя!..

Книга

Хатидзё, мирской распорядитель храма Облачной Роши

Господин Унрин, отрекшийся государь, монах Облачной Роши

Дзёхэй, посол

У Государя моего сегодня опять — посол. Начала их нынешней беседы я не слышал. Тесть приходил... Ещё не хватало нам воров в обители. Или воров под видом наших монахов. Кем-то нанятых, должно быть, с целью опорочить... И если так выйдет, что господин Намма расследует не кражу, а клевету на общину Просветленного, и сам того не знает, — это совсем

плохо. Впрочем, и воровство не лучше.

Но возвращаюсь, раз ты зовешь, мой Государь. Всё как обычно: ты слушаешь тот же самый рассказ ещё раз, подробнее. Окажется мало подробностей — выслушаешь и по третьему кругу...

Дзэхэй дошёл до какого-то любопытного места, и Государь затребовал меня. А, вот что: посол не знает, как доложить Властителю Земель о некоторых обстоятельствах. И сейчас речь пойдёт об одном из них.

— Разбирая императорские книгохранилища, глава архива, мой покровитель, нашёл свитки с Облачных островов. Доставленные на материк примерно триста лет назад, поднесённые в китайскую столицу. Местные грамотеи отложили их с пометкой «Неясно!», и меня призвали разобраться, что тут такое.

Посол переводит дух. Потом продолжает очень ровным голосом, будто читает наизусть:

— Я развернул свиток и понял: передо мной «Царское предание». Китайцам непонятны были имена богов и их речения, записанные китайскими знаками, но на нашем языке. Я, разумеется, не взялся читать то, что для моих глаз запрещено. И всё же я не мог отказать благодетелю. Он осмотрел свиток снаружи и распорядился, чтобы его переписали наново для книжного собрания, а старинный запечатали и поместили в сокровищницу. Я объяснил: изучение такой книги грозит гневом богов. Господин в ответ: оставить её без исследования для меня значило бы нарушить мой долг...

Государь Облачной Роши слушает со всё большим вниманием.

— В итоге, — рассказывает Дзэхэй, — глава архива затребовал из темницы грамотного преступника, приговорённого к смерти. И предоставил его мне в качестве переписчика. Действительно, переписанное китайцем я смог прочесть и снабдить примечаниями, насколько то позволяют мои знания.

— И выжить, — добавляет Государь.

— Да. И писарь выжил.

Спрашиваю у Дзэхэя:

— Это он и есть твой спутник Рэй?

— Он самый. Нельзя же было допустить, чтобы переписчик «Царского предания» был казнён скверной смертью.

Это правильно, что Дзэхэй за морем про наших богов рассказывал всякие страсти. Вот и получилось: боги при его посредничестве спасли человека, даже совсем им чужого. Ибо боги идут-таки путём милосердия, что бы кто ни говорил!

— И сколько раз, — спрашивает Государь спокойно, — твой подручный переписал этот свиток?

Дзэхэй склоняет голову: признаёт проницательность господина Унрина.

— Дважды. Один список остался в императорской столице, другой я доставил сюда.

— Хорошо. Где он сейчас?

Посол достаёт из рукава нетолстый свёрток в красном шёлке. Подаёт Государю.

Унрин закрывает руку краем монашеской накидки. Принимает «Предание». Кивает Дзэхэю:

— Продолжай.

Послу будто бы немного полегчало. Рассказывает дальше: что из наших книг обнаружилось ещё в императорском хранилище, какие с ними сложности возникли у тамошних учёных. «Первая Облачная летопись», первый наш свод законов, первые толкования к словам Просветлённого, составленные у нас... Государь слушает — и не слушает. Смотрит на меня, взглядом говорит: «Стоит задаться вопросом — и ответ не замедлит явиться!»

То есть: ты, Государь мой, десять лет назад отправил посла к китайцам нарочно за этой книгой? За проклятием на его учёную голову, и Дзэхэй согласился, потому как был твоим верным человеком? Или он не знал, за чем именно едет, а ты знал, и император знал, и этот тамошний губернатор... Или всё получилось само

собой, а ты своим ясновидением заметил, что свиток едет к нам, оттого и завёл речь давеча о «Предании»?

Но если ты сейчас у посла отобрал именно «Царское Предание» — а не пересказ, не выборку, не что-то подобное — то как, по-твоему, может статься, что всего этого не чует твой сын, Властитель Земель? Книга-то — прежде всего его святыня, а уж потом ваша с ним общая, родовая. А раз чует...

Но тут посол договорил. Государь спрашивает его:

— Что ты хотел бы делать дальше, Дзэхэй из дома Пылини?

— Не берусь говорить об этом до поры. Мне предстоит докладывать Властителю Земель. Если промахи мои будут признаны непростительными и меня казнят...

Господин Унрин останавливает его взмахом руки:

— Да опомнись! Людей такого рода, как твой, в Облачной стране не казнят. Доложишь, рассмотрят твой доклад. А после — полагаю, ты мог бы стать моим представителем в державе То. Или занять должность моего уполномоченного по сношениям с материком на Цукуси. Обдумай.

Дзэхэй кланяется. Вид у него не слишком радостный — скорее, озадаченный. Чуть было не спросил: чьим представителем? За морем или в нашей гавани, ближайшей к материку, заниматься делами — чьими? Бывшего государя? Храма Облачной Роши? Или лично твоими делами, кто бы ты ни был, господин Унрин?

То-то батюшка мой, наместник Цукуси, счастлив будет видеть у себя уполномоченного из Облачной Роши...

Вслух посол вымолвил только:

— Благодарю. Моё желание я смогу высказать, обсудив его сначала с главою Пылинного дома.

Главный человек

Госпожа Хатидзё

Дзёхэй, брат ее мачехи

Рэй, китаец

Супруг мой, как обычно, ночует в Облачной Роще. Господин посол вернулся один и мрачнее тучи. Братец поблагодарил его за книги, а особенно — за пометки между строк. По ним он многое понял! Посол посулил ему потом дать ещё книжек.

Ужинает господин Дзёхэй вдвоем с Рэем, говорят между собой по-китайски. Громко, но совсем не понятно, даже для братца. Он и ушёл, я тоже отправилась к себе. Южане понемногу привыкают: поняли даже, что ночью в очереди у храма сидеть не обязательно. Там особый монах по утрам выкликает, кого примут.

Пишу письмо. Пристрастилась я к этому занятию! Но тут слышу: снаружи у крыльца кто-то шебуршится.

— Госпожа! — Это Рэй. — Можно у тебя посоветоваться?

— О чём?

— О державных делах. И о господине.

— Только я в державных делах ничего не понимаю.

— Как так? Ты ведь главный человек в Облачной стране!

— Чего?!

Ему говорено уже: лицом к лицу беседовать неприлично. Поэтому он усаживается на внешнем помосте, за переборкой, спиной к опорному столбу. Рассуждает:

— Есть три главные связи между людьми: родительские, братские, супружеские. Ваш здешний государь, мне говорят, во всём слушает отца, который в монастыре. Хорошо! А тот ничего не делает без совета с братом, который господин Восьмая улица.

— Они двоюродные вообще-то.

— Ещё лучше! А господин всегда полагается на жену, которая ты. Великолепно! Вот и выходит...

Ему, значит, всё так представляется.

— Если бы... — вздыхаю. — Скорее уж всё наоборот.

— То есть ты слушаешься мужа, тот — брата...

— Да никто тут никого не слушается!

Рэй примолк. Потом неуверенно молвит:

— Не понимаю? Объясни.

— Ну подумай сам: что я могу присоветовать мужу? Он днюет и ночует в монастыре, я — тут на хозяйстве. Столица у нас, видишь ли, велика — господину распорядителю жаль потратить час на дорогу пешком. А в носилки он не садится: храмовые заповеди не велят. Да что — я? Властитель Земель со своим отцом, кажется, не чаще видится...

Ох. Сейчас простодушный иноземец спросит, а часто ли я вижусь с Властителем Земель... Про связь Государя и подданного я от братца тоже слыхала.

Рэй говорит:

— Прости. Не хотел обидно сделать. Я тоже думал: я ничего не знаю, маленький человек... Оказалось, много знал. Слишком много. Только господин посол меня и спас.

— То есть дело не в подруге полководца?

— Нет. Дело — в державе То.

И горько вздыхает.

— Не любовь. Я любви до сих пор и не ведал. И учености. И вообще... Приплыл, смотрю: какая хорошая страна! Тут, наверно, все вместе...

— А у вас тоже все врозь?

— У нас даже хуже. Так сегодня господин приходит. Был опять в храме. Совсем растерялся. Расскажи: что тут творится? А то я не знаю, как ему помогать. Он говорит: ничего не понимает.

— Понятно, что ему непросто, — отвечаю. — Когда он уезжал, всё по-другому было. Государь другой.

Глава его Полынного дома тоже другой. Да и тут, на Восьмой, всё иначе было. А с батюшкой моим господину послу всё никак не удаётся поговорить наедине, без сестры.

— Да, — откликается Рэй, — господину, конечно, надо твоего отца спросить. Который исследователь тайного сыска. У того про всех всё записано, говорят. Только господин думает, это неприлично. И неблагонадежно. А если иностранец спрашивает у женщины — это ведь ничего? Даже если про государей?

Тут его правда надо предупредить на всякий случай:

— Нехорошо так говорить. Государь у нас один, Властитель Земель. А тот государь, кто раньше был, отец его — он отрёкся. Получается, он — бывший государь.

— А кто его отрёк?

— Ты о чём? Тут я совсем не знаю, как этот обряд проводят.

— Кто его заставили уйти, а сына — поставили, чтобы правил? Какая... клика? Заговор? Не знаю, как называется.

— Никто. У нас так не бывает, — говорю. — Он сам ушёл. Властитель Земель или всю жизнь правит, или монашество принимает. Своею волей. Чтобы молиться за всех нас, только уже не родным богам, а буддам. Только вот в этот раз прежний государь и кроме молитвы много разных дел делает. Никто такого не ждал. Все удивились. Только господин Хатидзё, похоже, знал заранее, остальные — нет. Даже батюшка мой не знал!

— А они все — кто? Хочу понять. Какие они люди — все эти князья, сановники, воеводы, монахи... Иначе трудно.

— «Князья» — это ты про кого?

— Про родовитые дома. Опять не понял? Полынный дом, Конопляный дом, дом Обезьян...

— Так во главе этих домов не князья, а жрецы.

Потомки наших богов: они вместе с Властителем Земель обряд вершат. За всю страну.

— Властитель Земель потому и Великий, что обряд — за всю державу?

— Нет же, Рэй, ты опять путаешь. Великий Властитель Земель — бог, он наши земли вместе собрал. Очень давно. Властитель Земель — его потомок, который сейчас живёт.

— Ага.

— Про Властителя Земель я точно знаю только одно. Я родилась в тот же год, когда и он, то есть ему восемнадцать лет.

Рэй за перегородкой то ли охает, то ли присвистывает.

— Чего ты? — спрашиваю.

— Думал, ты гораздо старше.

— Восемнадцать — это много. У матушки моей в этом возрасте уже двое детей было.

Чего обо мне не скажешь. Впрочем, у Властителя Земель наследника пока тоже нет. Государыне-супруге, что из Колокольного дома, всего-то лет двенадцать, рано ещё.

— Но речь не обо мне. Прежний государь... Сейчас посчитаем. Он на семнадцать лет старше моего мужа, так что ему, получается, сорок. О нём много рассказывают, только всё книжными словами. Во-первых, он вращает Колесо.

— То есть он — праведный правитель по храмовому счёту?

— Наверно, так. Во-вторых, он подобен «князю Сю». Тебе это, думаю, понятнее, чем мне.

Задумался:

— Которое «Сю», вот это?

Просовывает под переборку листок с китайским знаком.

— Усвой, прошу тебя, Рэй, раз и навсегда: я женщина грамотная, но это не значит, что я читаю по-китайски! Только буквы!

— Так буквами вроде бы любое «Сю» одинаково?

— В том-то и дело! Тот Сю, который заседал в совете с младенцем на руках.

— Тогда знаю. Это про всех говорят, кто не государь, а правит. По силе своей добродетели.

— Вот-вот! У нас как раз и говорят: когда прежний государь ещё не отрекся, он властвовал. А теперь он правит.

— То есть всё решает он? — переспрашивает Рэй.

— Нет! Решает господин Асано. Понимаешь, над всеми, кто сейчас, и даже над Властителем Земель, есть наши боги. Они — старшие. Чтобы что-то делать, надо знать, одобряют ли боги. Это может знать жрец. Из жрецов нынче старше всех — Конопляный господин, Асано, глава Обрядовой палаты. Но он не один, он советуется с другими жрецами. С Ёдзи, с Саруко, с остальными.

— Жрецы знают про богов. А господин Хатидзё решает для прежнего государя, потому что знает про будд?

— Про будд прежний государь и сам знает, он же монах. А господин Хатидзё при нем нужен затем, чтобы его успокаивать, когда тот правит, а его не слушаются. Тогда муж берёт сутру какую-нибудь и читает подходящие строчки: дескать, на самом деле всё правильно, так и должно быть.

— Как сложно! — отзывается Рэй. — Буду думать. Я только ещё одно спрошу. Про Полынного господина. Он какой?

— Он по обряду изгоняет злых духов.

— Стрелы из полыни?

— Да, потому и Полынный дом. Сам господин Ёдзи лет на десять постарше прежнего государя, а главой дома стал совсем недавно. Больше я почти ничего не знаю. Но ты прав: теперь надо знать. Я сейчас напишу, чтоб мне о нём побольше рассказали.

Китаец, кажется, собрался уходить уже, но задержался. Присел у переборки и шепчет:

— А ещё спрошу, совсем дерзко?

— Ну давай!

— Ты всё время кому-то пишешь, и тебе письма носят. Но не супругу и не от супруга. Я никому не расскажу. Он — кто?

Всюду он видит сердечные тайны. Совсем как мачеха моя.

— А тут ничего зазорного нет. Это не «он», а она. Моя подруга. Кстати, сестра заместителей того воеводы, который в любви постоянен. Да, она ж просила у тебя узнать вот что...

Он здесь

Хатидзё, мирской распорядитель храма Облачной Роши

Господин Унрин, отрекшийся государь, монах храма Облачной Роши

С самого ухода посла мой Государь затворился у себя с книгой. Я расспрашивал монахов: пробовал выяснить, кто ходил в Полотняный приказ и брал ли что-нибудь оттуда. И так — до темноты. Храмовая братия после полуночного обряда разошлась по кельям. А Государь всё ещё читает при светильнике.

Я заглянул. Он дал знак оставаться при нём, но ничего не сказал. Читает, прокручивает, возвращается к каким-то местам.

Нет у меня чутья на скверну. И на божий гнев — нет. Не знаю, чем обернётся для нас этот китайский список.

Государь смотал свиток, бережно завернул обратно в красную ткань:

— Есть бог. Всего-то в двух сотнях шагов отсюда его курган.

А то мы не перебрали уже всех древних погребений в столичной округе... Государь мой Унрин сказал: не те. Значит, в летописи что-то пропущено, а в «Предании» — нашлось?

— Тогда Властитель Земель правил из ставки в Бурых Камнях, — говорит Государь. — Доложили: объявился силач и всех побивает. Властитель Земель приказал тому прибыть в ставку, тот послушался. Пришел, земля под ним оседает, ростом в два копья, в плечах как лодка гружёная, зубы как камни на речном перекате. «Зачем дерешься с моими молодцами — или ты бунтуешь?» Отвечал: меряюсь силами с твоими воинами, Государь, когда надо мной потешаются, зовут «детинной зубастым». — «Возьмёшься оборонять мою страну?» — И силач отвечает: рад буду. И взялся. Поборол горного медведя, потом — лесное буйное племя, и был изранен, и возвращён к жизни чудом Властителя Земель. А потом сразился с Подгорным богатырём. И прозывается с тех пор — Облачный богатырь.

Это пересказ. Читать мне «Предание» наизусть Государь, конечно, не стал бы. Но о победе над Подгорным краем и в летописи говорится, я помню.

— Это он перегрыз Меч, Рассекающий Облака?

— Да, он, — кивает Государь. — После того как Подгорный воин подменил его клинок деревянным. И тогда уже схватились в рукопашную, на равных. И наш — победил.

И в нашем Конопляном предании есть рассказ про борцовский обряд — про Пеньковую ограду. И точно: курган её основателя — здесь, недалеко. Столичные силачи туда ходят с подношениями.

Но разве Богатырь — всем известный бог?

Государь говорит:

— Вот его и призову к нам в святилище.

Нету смысла возражать, когда он говорит — таким голосом. И всё же:

— Хорошо. Мы с тобой понимаем, для чего. А как ты богу объяснишь?

— Ну, а для чего мы все тут живём? Для защиты страны.

— Да: от семи великих напастей, предсказанных в

сутрах. Только в пору Бурых Камней о Законе на наших Островах и слуха не было. Я тебе сейчас сходу и не вычислю — то было раньше, чем Просветлённый у себя в Индии впервые повернул Колесо Закона, или уже позже?

— Не важно, — отмахивается Государь. — Защита-то всегда была нужна. Не с Будды начались великие напасти.

Встаёт, прохаживается по келье.

— Я скажу: Облачный богатырь! Краю нашему грозят враги страшнее прежних. Возьмёшься ли защитить его?

Сказал.

За эти два года я почти забыл, что сам ты, Государь мой, — бог. Говоришь словом верным, словом грузным.

Сказал — и в келье половицы затрещали. Далеко снаружи колокол загудел в звоннице Облачной Рощи, черепица на кровлях шевельнулась. И дышать стало нечем, будто половину воздуха кто-то вдохнул.

И голос:

— РАД БУДУ!

Не спугнуть!

Намма, следователь Полотняного приказа

Асано-средний, глава Полотняного приказа

Ваки, письмоводитель

Властитель Земель, Государь Облачной страны

— А где остальное?! — спрашивает начальник Наммы, выслушавши его доклад.

— Ищу, — отвечает Намма. — Боюсь, в Облачную Рощу наше подаяние так и не попало. Или быстро ее покинуло.

К той пачке, что вернул наммин зять, добавилась еще бумага: из той, что приказные растаскали для работы на дому, а теперь вернули. В общей сложности ещё такая же стопа. Но этого мало.

— То есть, по-твоему, — прищуривается Асано, — монахи этой бумагой приторговывают?

— Едва ли. Скорее, дарят нужным людям.

— Хороши подарки! Казённые листы, потом киноварь, потом печати... Потом узнаем, что сами мы давно осуждены за взятки и мятеж. Законным порядком, и приговор сами заверили!

Хорошо. Господин глава Приказа перестал кричать и начал язвить. Это несколько привычнее. Намма переводит дух.

Письмоводитель Ваки тоже сидит здесь. Половина лица — темно-серая. Измазалась давеча тушью, не сразу отмоется. Хорошо хоть, без ранения обошлось, без кровавой скверны... А то бы ему и во дворец ходу не было. Да ещё, пожалуй, и Приказ бы закрыли — до очищения...

— Что никто никого у нас не помнит — это не удивительно, — продолжает господин Асано. — Я этих монахов сам одного от другого не отличу, если незнакомые... Только вот что. Если мой племянник всё-таки у себя кого-то отыщет и пришлёт на опознание — ты проследи, чтоб наши их не опознавали всех подряд — просто потому, что прислали. Сам знаешь, как это бывает.

Встаёт — почти спокойно, но Ваки всё равно съёжился. Прохаживаясь от стены к стене, Асано задумчиво говорит:

— Однако, сдаётся мне, без знакомых тут всё же не обошлось. Не бывает так в Столице.

Вздыхнув, сел обратно:

— А бумагу теперь надо искать по всему городу. Так что, средний советник, снимай своих людей с дела о заговоре на Восточном рубеже... нет, это всё-таки нельзя. Снимай с дела о подмоченном казённом рисе и пусть изучают, кто на чём пишет. Это сейчас — главное!

Намма и не думал, что глава Приказа настолько хорошо помнит, кто из сыщиков над чем работает. Ведь не раз говорил господин Асано: сыск — дело

второстепенное, Полотняный приказ не ради этого создавался! А вот — помнит. Повезло всё же Намме с местом службы.

Кажется, писари в соседнем покое затаились ещё тише прежнего. Слышали, что сказало начальство?

В тишине быстрые шаги. Дверь отодвигается — и Намма едва успевает рухнуть в земном поклоне.

Да что же это такое! В наш Приказ сколько лет не ступала нога Властителя Земель. А тут — вот он. Платье пяти облачных цветов: красные, зелёные, белые, чёрные и жёлтые шелка вьются, как под ветром. Полы распахнутой накидки, рукава, шаровары — всё в движении. Каково тут отводить взор, если Государь ни мгновения не стоит на месте?

Царственный его батюшка по ведомствам вовсе не ходил. Кто первый являлся к нему в жилые покои, того и принимал.

Неужто начальник прав? Кто-то на нашей бумаге выпустил подложный Государев указ, и Властитель Земель самолично пришёл разбираться?

— Здравствуй, Конопляник! — Нет, голос не гневный. Скорее, радостный. Звонче, чем помнилось Намме. — Передай, как сможешь, моему прадедусшке: я в восхищении!

Рукава мечутся. Белая ладонь шлёпает на стол к Ваки какие-то грамоты, чтобы не мешали.

Господин Асано-средний издаёт неопределённые звуки:

— Аа... Ээ?

— А главы Обрядовой палаты сегодня нет во дворце! — восклицает Властитель Земель почти с ликованием.

Всё-таки грозное, чтобы не сказать — злое веселье.

— Батюшка мой... — мямлит Асано, — недомогает... Годы...

— Отлично. То есть — пусть бережёт себя. И дядюшка мой младший тоже тут нынче не появлялся,

так ведь? Ваш человек в храме Унрин занят по хозяйству?

— Ээ...

А «дядюшка» тут при чём, он же Хатидзё, он же наммин зять?

Следователь Намма осторожно вытягивает шею, присматривается к бумаге на столе.

Она лежит изнанкой кверху. Позор и срам: Властитель Земель тоже пишет на оборотах исписанных листов! Здесь была начата «*Охранная грамота. Податель сего полотна управляет землями имения Малые Бычки по Государевой воле и со...*» — на этом месте ляпнута клякса. Но дело не в кляксе...

— И пусть продолжает в том же духе, — велит Властитель Земель. — Главное теперь: не спугнуть! Ни в коем случае!

Прямо из-под носа у Наммы выдернул свои записи и убежал. Но следователь видел: бумага — та самая. Из наших разворованных запасов.

Сыщик поднимает глаза. Рано! Государь круто разворачивается у самой двери. Узкое белое лицо, глаза сверкают:

— Зарвался! Ну, не спугните мне его!

И исчез.

А Государь, оказывается, — вылитый прадед. Только выше ладони на две — и весь как вихрь. Неужели и старик Асано был таким шесть десятков лет назад?

— Да... — молвит глава Полотняного приказа. — О чём это он?

Летучая Белка — Пересмешнице

...У древних сказано: о, сколько мощных крепостей проваливалось в ямочки на щёчках... Вот: и зачем тогда лазутчику срисовывать чертежи наших укреплений, если можно рисовать сразу щёчки? Братец мой к тому это, что китайского соглядатая надо

перевербовать. Сманить на нашу сторону. Я, правда, не поняла, кто наши враги в стране То...

— Госпожа! Как думаешь: колесо лучше? Или зеркало?

Кому это нынче Рэй рисует колёса? Зеркала-то заморские для Пересмешницы он уже изобразил.

— Смотря для чего, — отвечаю рассудительно.

К моему крылечку подходят все: и Рэй, и Рю, и её родичи.

— Для охраны, — говорит южанский толмач.

Тогда «колесо», наверно, — это не для возка, а то, которое почитают в Облачной Роще. Ведь вроде уже договорились: храм Унрин нашим дикарям даёт защиту. И подтверждает её своим святым знаком, Колесом Закона. Оно деревянное, с двенадцатью спицами. И без оси, просто с дыркой посередине. А при чём тут зеркало?

— Деду говорят: не бери колесо, бери зеркало. Или бумагу.

— А кто говорит?

— Большой тут человек, раскрашенный.

Можно подумать, в Столице красятся только большие господа. Пудра-то с помадой не дороги, как и лак зубной, и краска для волос.

Ах, ну как же! Зеркало!

— Это, думаю, еще одна святыня. У неё тоже можно искать покровительства. Только она не храмовая, а святилищная: из терема Солнечной Ткачихи. Он знаменитый, хотя и далеко отсюда, на юге. Зато — к проливу ближе, что между нами и вашим островом!

— Они как-то очень дёшево запрашивают, — озабоченно говорит моя Рю. — И запугивают. Будто бы в Унрине волокиты много. По первому разу примут, а потом начнут: давайте, принимайте монашество, а то мирянам мы Колесо не доверим... Правда не доверят?

— Рю, — укоризненно отвечаю я, — господин Хатидзэ вообще-то мирянин. А Колёса эти раздаёт как раз он.

Она кивает и начинает говорить очень быстро. Я уже поняла — это чтобы родич-толмач не успевал разобрать.

— Тогда пусть господин поторопится, потому что им, нашим, в Столице не очень. Город, шумно... Дедушке трудно всё время не колдовать. А теперь его ещё и в самой Роще растревожили. Грянет дед, скажем, землетрясением — чего хорошего? Нас же потом все и осудят!

Рэй между тем подумал и испугался:

— Те мои зеркала... Для обряда?

— Нет, — успокаиваю. — Солнечное Зеркало совсем другое. Его никто не видел, кроме Ткачихиных жриц. Твои — для моей подруги. Она хоть тем жрицам и родня, но её в святилище не отдали. Это Подгорный род, Ямадо.

— А бумага чья? — спрашивает китаец уже спокойнее.

— Государя! — важно отвечает толмач. — Там печать, чтоб его люди нас не трогали. Даже наместник!

Вот это уже любопытно. Получается, мой батюшка, когда приезжал приветствовать посла, успел и с южанами потолковать об их деле? Потому что откуда ж еще таким бумагам с Государевой печатью браться, как не из Полотняного приказа? Нелепое получается положение: отец и супруг друг у друга подопечных отбивают? Уточню:

— А бумагу вам кто сулил?

— Он же, — закивал толмач. — Крашенный.

Попытаюсь ещё раз:

— Одежка на нем какого цвета была?

Тот задумался, потом твердо говорит:

— Как ракушка-витушка.

Набираю воздух побольше, но Рю объясняет:

— Значит — сизое. Седьмой ранг?

— Похоже на то.

Рэй тем временем тоже спрашивает:

— А такая бумага — она только от чиновников

помогает? А Колесо с Зеркалом — от других лихих людей? Ой. Виноват...

— Надо, — говорю, — подумать. Может быть, придется брать и Колесо, и Грамоту. На всякий случай.

Кажется, южан это не порадовало. Отошли, говорят шумно по-своему, считают на пальцах.

Сейчас опишу всё это Пересмешнице:

... Но ведь я почтительная дочь — и преданная супруга. И как это совместить, да чтобы люди моего южного дяди не разорились вконец? А кстати, не знаешь ли ты, кто бы это мог быть: какой-то чиновник седьмого ранга, сильно красится, возможно, из твоей родни или из близких ваших знакомых, и притом, кажется, служит в Полотняном приказе? У батюшки мне неудобно спрашивать, сама понимаешь...

Верные

Левый военный советник

Правый военный советник

Их сестра

Нэхамбо, монах из храма Облачной Рощи

Господин Левый военный советник рассеянно глядит перед собой. Видит прямо перед носом у себя ручное зеркало, а в нём — хмурое лицо Правого военного советника.

Сестрица рассматривает узоры на обороте зеркала. Сравнивает с каким-то чертежом на бумажке.

— Сколько раз говорить? Не поворачивай его так!

Из другого угла покоев Правый советник отзывается:

— Опять? Нельзя же!

Не положено носить зеркала гладкой стороной наружу. Божьим ликом от себя. По крайней мере, в этом доме — не положено! Господин советник, конечно, не жрец, но он — старший брат и свою ответственность несёт.

— Ой, ужас какой! Сейчас-сейчас... — сестрица всплескивает рукавами и прячет зеркало.

Ужас ужасом, но ведь уже в который раз! Впрочем, сестра — девушка восприимчивая, какое-то время будет следить, что делает. А вот что будет, когда она замуж выйдет, в другой дом? То-то обрадуется какой-нибудь окраинный воевода: заглянет поутру к жене в зеркало и увидит вместо своей опухшей морды — конницу, пехоту, знамёна, порубежные смотровые башни...

А что? Есть повод для радости, если занимаемая должность соответствует твоей сути, и богиня сие свидетельствует.

Семья — дома, в городской усадьбе. На службу сегодня ещё, конечно, потребуется зайти, но уже не по обязанности, а по рвению. Сильно за полдень, присутственные часы закончились.

В Облачной Роще, наверное, монахам тоже уже пора вернуться после сбора подаяния и предаться чтению сутр. Однако же Нэхамбо появляется не на пороге своей обители, а тут, в доме родни. Глаза блестят, лицо сияет и дёргается — что-то узнал важное.

— У нас новости! Господин Унрин творит чудеса. По книге!

— А как ещё служитель Будды может творить чудеса, если не по сутрам? — удивляется Правый советник. Левый кивает Нэхамбо:

— Ты садись, рассказывай толком. Сестрица, покинь-ка нас.

Барышня тихо фыркает и удаляется. Скорее всего, за ближайшую перегородку — но не идти же проверять, когда осведомитель так размахивает руками:

— То-то и оно, что не по сутрам! Другие чудеса! По книге, которую из Китая посол привез.

— Для него?

— Да нет, — Нэхамбо задумывается. — Вроде бы для Властителя Земель. Какое-то «Предание»...

— «Царское предание»? Ему за морем быть не

положено — только у Государя, — поднимает правую бровь Правый советник.

— Видимо, список? — Левый советник тоже поднимает бровь: левую. — Но да, всё равно непорядок. А что за чудеса-то?

— Ходит по келье и сам с собой разговаривает.

— И это — чудо?

— Только на самом деле не то чтоб именно с собой. Черепица волнами взгорбатилась. На песке во дворе — будто гребни, как от прибоя. Хотя за грабли никто и не брался. И дышать нечем, и вообще... будто бы тесно стало. Странно как-то.

Советники переглядываются. Правый спрашивает:

— А о чем, собственно, господин Унрин с собою беседует?

— Какие-то величания повторяет, вроде бы. Я таких не знаю, я же не жрец.

Левый советник ворчит себе под нос:

— Так ведь и сам Унрин теперь монах, а не жрец.

— А эти странности только ты слышал и видел? — с сомнением переспрашивает Правый советник.

— Да полхрама видело — и про крышу, и про двор! А у господина Унрина в келье последние дни сидят только молодой распорядитель, который из Конопляного дома, ну, и посол...

— А что за величания — ты не разобрал?

— Приношу извинения, — Нэхамбо разводит руками, — что разобрал, того не запомнил. Я Облачных-то богов всех наперечёт и не знаю, они у меня путаются...

— Но именно боги? — резко переспрашивает Левый.

— Боги. Точно боги! Явись господину Унрину Будда или какой подвижник Закона — так они были бы видимы! Для всех! А коли там кто-то незримо присутствует — не иначе, бог. Или боги.

— Нехорошо, — заключает Правый советник. —

Спасибо тебе, родич. Не спускай глаз и дальше. Ты подаяние успел собрать нынче? Зайди в поварню, чтоб тебе насыпали. А то придерутся ещё в храме-то...

Левый тоже кивает благосклонно:

— И впрямь молодец. Это важно.

И окликает монаха:

— Стой-ка! Ты говоришь, господин Унрин эти величания со свитка читает?

— Нет. Свиток он просмотрел и послу вернул.

— Хорошо...

Когда створка двери задвигается за монахом, Левый советник смотрит на Правого:

— Что за боги — этого пока не понять, будем ждать дальнейших сведений. Но кое-что ясно уже сейчас.

— А именно, что господин Унрин в храме занимается не своим монашеским делом, — уточняет Правый, — а Государевым.

— При попустительстве Полынника и Конопляника. Посол — он ведь из дома Ёдзи.

— Полагаю, Властитель Земель должен об этом знать.

Левый советник улыбается:

— Наверняка уже знает. Но доложить ему мы всё равно должны. Чтобы молодой Государь ещё раз убедился, кто у него здесь верные люди. А кто — неверные.

Страшно

Хатидзё, мирской распорядитель храма Облачной Рощи

Господин Унрин, отрекшийся государь, монах храма Облачной Рощи

Дзёхэй, посол

Облачный Богатырь

Кто вчерашнего не знает, и не догадается.

Господин Унрин сидит напротив посла, со вниманием слушает очередной, ещё более подробный извод его доклада.

Кажется, не последний. Потому что императоров страны То Дзэхэй перечислил довольно коротко. Сколько кто из них в эти десять лет процарствовал и какое получил посмертное величание. И только.

Но Государь мой не переспрашивает. Ведь сейчас посол наконец-то сам увлёкся своим рассказом.

Мир людей велик. Гораздо больше, чем нам отсюда кажется. Не четыре великие державы, а, пожалуй, целый десяток, если не больше. Это — не считая малых княжеств и кочевых племен.

И не все они на дальних окраинах земного мира. Между китайцами и земляками Просветленного, в горах, есть ещё большое, сильное государство. Приняло монашеский Закон, породнилось с императорским домом, заманивает к себе лучших книжников со всего мира. При этом, как дикари, взрослыми уже пьют молоко — звериное. И сбивают молочное масло: для еды, не для храмовых огней! Пишут же буквами вроде наших, только на ином языке.

А к северу от гор — пустыня, и посреди неё лежит ещё одно царство, с бородатым лупоглазым народом. Из всех богов там почитают только одного, и книгу — одну, а не множество свитков, как мы. Эту книгу обязательно знает каждый житель: грамотный — прочитавши, а неграмотный — наизусть. И жреческое служение у них нести может каждый, какого бы рода ни был. А Закон Просветлённого там прежде чтили, а теперь оставили. Войско там конное, лошади горбатые, а брага так плоха, что её никто не пьёт. Лучшим же напитком называют простую воду, потому что в пустыне её мало.

На запад — царство их родичей, где вера и обычай одни на всех, а люди разные: черные и белые. Белые черных покорили и поставили на тяжкие работы, а те подняли мятеж и перебили белых без числа. Из тех, кто уцелел, многие бежали к императору. Царь в той стране

страшный, а казней ещё больше, чем в державе То. И каждые семь дней царь выходит ко всем жителям своей столицы и вслух их вразумляет, как им дальше жить. В тех краях деревянный дом обходится дороже каменных палат, а царские курганы — высотой под самое небо.

А ещё дальше — Западное море, и там страна на островах, как у нас; и даже в столице из квартала в квартал на лодках плавают. Там обитают люди с разноцветными волосами, и на каждом острове — своё наречие. Потому Закон там никто до сих пор и не проповедал. Богов там три, а книги — две, и там есть и цари, и жрецы, но царь жрецом быть не может. Воины там ходят в железных одеяниях, жрецы — в золотых, а в шёлковых — только царь. Потому что шёлка там меньше, чем у нас — жемчуга.

Есть в мире и ещё разные страны, но людей оттуда сам Дзэхэй в императорской столице не встречал и говорить о них не берётся.

— И во всех этих землях мудрецы учат состраданию, и все эти земли воюют друг с другом и внутри себя. Знатные люди убивают друг друга, простолюдинов и царей, и власть — как летучая пыль.

Господин Унрин шевельнул рукою:

— И в державе То?

Посол мрачно кивает:

— И в державе То...

Погас. Опять сидит, как деревянный. Только вдыхает резко. Дышать у нас по-прежнему тяжело, хотя внешние переборки и раздвинуты.

Мы тут не втроём.

Если привыкнуть, с нашим богом можно будет очень хорошо вместе жить. Воздух — как высоко в горах, но это не страшно. Зато сидеть подле него спокойно. Будто на горный склон опираешься. На тёплую каменную гору.

Не знаю, много ли Богатырь разобрал из того, что тут говорилось.

— Почти всё разбираю. Когда говорят, что

думают.

Да, и вот к этому мне тоже надо привыкать. Ты, Богатырь, на мысли отвечаешь, как на речь. А когда врут — тебе не слышно?

— Путаюсь. Будто двое хором разное говорят.

Государь с любопытством на меня смотрит. Дзёхэй молчит. Ждёт? Или тоже слышит нас? То есть — тебя, меня-то нет, наверное.

— Не слышит. Я ж сейчас с тобой толкую.

И как тебе его рассказ?

— Он смотреть ездил, какая земля там за морем слабой держится? Чтобы Властитель Земель её к нам притянул?

Теперь господин посол поднимает глаза. Озирается. Услышал, но вопросов не задаёт. Государь ему кивает: мол, всё в порядке.

Не понимаю тебя, Богатырь. Властитель Земель, ты говоришь. Это — который в городе, за двойной стеною?

— Да. Как иначе?

А вот это кто? Бритый, в лоскутном плаще, здесь сидит. Кому ты вчера отозвался?

— Так только что ж говорилось! Молодец в ставке — жрец. Тут царь.

У нас — как на дальних западных островах?

— Кто позвал, тому я и откликнулся.

Мой Государь понял, о чём речь. Подумал — и кивает.

Дзёхэй напрягся еще больше, на лбу пот каплями, смотрит перед собою неподвижно.

Ты ему:

— Да. Верно боишься, Полынный человек.

Ох, до чего же ты... Гудишь, как в трубу!

Хотя понятно. Когда ты, Богатырь, обращаешься ко мне, я твои мысли слышу: тихо, ровно, даже когда ты вслух говоришь. А когда к другому — только голос. И какой! В большую трубу и прямо в ухо, есть у горных монахов такая шуточка...

Зато Дзёхэю вроде полегчало.

Ты говоришь:

— За морем распри — ладно. Дома распря — страшно! Не вижу мира в Облачной стране. Я давно воевал. А с тех пор врага так и не доби́ли.

Государь переспрашивает:

— Врага?

А так ты повышаешь голос? Уже не труба, а гром над самой крышей:

— ДУРАКУ царь хорош, когда храбрый, не боится! Вот человек: ОН ПРАВ. СТРАШНО!

— Тебе? — Государь не притворяется: вправду удивлён.

— МНЕ! Я ВСЮ ЖИЗНЬ ВОЕВАЛ НА ЭТОЙ ГРАНИЦЕ! НА РУБЕЖЕ ПОДГОРЬЯ. ВОЗВРАЩАЮСЬ — ЧТО, НЕТ ПОДГОРЦЕВ? ВСЮДУ ПОДГОРЦЫ! ДАЖЕ В СТАВКЕ!

С крыши сыплется труха. Гулом откликается уже не только колокол. Медные будды в нашей кумирне — тоже. Любопытно: нас слышно аж до самого дворца?

— Плохо, значит, воевал. Не доделал дело. Доделаю.

Теперь и мне страшно.

Богатырь вышел, тяжкими шагами побрёл к своему кургану.

Государь глядит очень грустно. Качает головой:

— Он ничего не понял. И не знаю, как мы ему объясним.

Я тоже. Про каких врагов вёл речь мой Государь, когда звал бога, я до сих пор не знаю.

Господин Унрин поворачивается к послу:

— Но пока мы не объяснили богу наших нынешних дел, — голос жёсткий, начальственный, — в Столице никто ни о чём не должен знать.

Дзёхэй кланяется, пытается встать. Получается не сразу, ноги не держат. Подаю ему руку. Сейчас, только разберу точно, где тут пол, а где крыша...

Дзёхэй глухо спрашивает:

— Он — туда пошёл? — и мотает головой в сторону

города.

— Нет, — мрачно отвечает Государь. — Пока нет.

Налёт

Госпожа Хатидзэ

Рю, ее воспитанница

Ходоки с Юга, родичи Рю

Рэй, китаец

И муж, и посол отписали: заночуют опять в монастыре. Так что я легла пораньше.

Перед рассветом почудилось: шорох какой-то во дворе. Но, кажется, ничего особенного...

Нет! Точно: в переборку тихонько скребутся.

Шепотом:

— Госпожа! Просыпайтесь, только тихо!

Рэй, кто ж ещё.

— Что стряслось?

— Кажется, на нас напали.

Топот по доскам: не здесь, а на мужской половине. Оханье и уханье. Отодвигаю дверь, выглядываю во двор: что там на главном крыльце?

— Нет! — китаец задвигает створку обратно. Едва не прищемил!

Нашёл где распоряжаться. Гость, тоже мне!

Что, опомнился? Просит:

— Не надо, не ходи. Вещи того не стоят, чтоб жизни лишиться.

Ладно, проткну в дверной бумаге дыру. Всё равно видно плохо: только ворота, а дом — нет. Но хоть гарью не пахнет.

И где Рю? Впрочем, за ней-то Рэй явно не следил.

— Кто напал, откуда? Говори толком!

Он держит дверь, а сам наблюдает.

— Дерутся! Чужие со здешними варварами. В рукопашную. Скажи: из большого дома сюда к тебе проход есть? Внутри?

— Нет, конечно, — отвечаю. — Глухая стенка. Что

там?

— Сейчас... Ого! Не-ет, это не воины.

Смеётся он, что ли?

Вот, теперь и я вижу: кто-то летит над воротами, от нас — наружу. А детина-южанин тащит еще одного — и тоже к выходу.

Ну, кто ж так делает! А допросить?!

— Стой! — кричу в дырку. — Брось его!

И бросил. Чуть перекладину воротную не своротил.

— Они уже немного понимают по-облачному, — говорит Рэй с удовольствием.

Точно: насмехается!

— Рю!

Она прибегает. Вид огорчённый:

— Ой, мы тебя всё-таки разбудили...

— Что происходит-то?!

— Вломились какие-то. Четверо. Без оружия. Мы слышим: в хозяйских покоях трещит. Посмотрели. Они там — роются. Книги перетряхивают. Ну, мы их и выгнали. Ты спи, всё уже хорошо.

А я-то думала, я тут в доме хозяйка.

— Тяга к учёности, — говорит Рэй, — в Облачном народе прекрасная черта. Но так — уже немножко слишком...

Рю смотрит на него, как на дурака:

— Книги — они дорогие. Воры это.

— Хорошо, если воры. Я думал: может, власти?

Или мятеж?

— В Столице, — объясняю ему, — мятежей не бывает. А если бы это батюшка с обыском пришёл, он бы меня предупредил.

Мы обшарили на всякий случай всю усадьбу: не засел ли кто из налётчиков в укрытие. Нет никого. Стали проверять, что пропало. Южане тут же толкутся. Я их поблагодарила, они ответили длинно, по-своему. Рю переводит:

— Главное — дедушка спит! А то бы осерчал,

вдарил... Потом оправдывайся перед соседями...

Припасы все на месте, вещи посольские тоже. И из книг, кажется, ни одной воры не унесли. Только раскидали всё и натоптали. Влезли в дом, даже не разувшись... Судя по следам — взрослые дядьки в соломенных тапках. Ничего приметного не обронили. Жаль...

Ну, раз ничего мы не нашли, идём на кухню. Все разволновались, есть хочется.

Сам себя наш китаец зовёт слугою. Я от него и не прячусь: при слугах можно ходить без покрывала.

А он глядит — прямо в лицо, как маленький. Вот, дескать, весь я тут, со всеми моими страхами, со всею удалью и дурью — и разве можно меня такого не приголубить?

Супруг мой за два года семейного житья всего-то раз или два так смотрел...

— Хотела бы я знать, — говорю, — эти воры к господину Хатидзё вломились? Или к послу?

Рэй перемигивает. Опять смеётся? Или уже злится?

— А кто, — спрашивает, — враги господина Хатидзё?

Что тут скажешь? Разве что: он сам себе злейший враг. Спрашиваю в ответ:

— А кто враги господина посла?

— О! Это долго перечислять... Только они вряд ли сюда через море подоспели.

Да уж. К тому же, в китайской земле все ведь, кажется, в шитых туфлях ходят, как ты сам. Или в сапогах.

Вот сейчас мы смотрели на мужской половине. Там, где Рэй должен был спать, постель не расстелена. Тоже не ночевал?

— Кстати: а сам ты давно дома?

Ну, наконец-то он смутился. Отвёл глаза:

— С вечера. Я долго не спал, а потом на помосте уснул. Тепло сейчас...

На помосте перед моим покоем — так, что ли?

Толмач рассуждает:

— Или наши враги? Они ближе!

— Вы что, там возле Облачной Рощи, или на рынке, или где вы были — успели уже с кем-то повздорить?

— Не зна-аю...

— Или кто-то слышал про Государеву грамоту. Потому что меньше надо болтать, чего вам наобещали всякие накрашенные господа. За бумагой-то и охотятся, вот и полезли сразу туда, где книги.

Рэй вскинулся:

— Охотятся — чтобы переписать?

— Или чтобы порвать и выкинуть.

— Надругательство? Над Государевой печатью?

Мятеж...

Вот кабы батюшке не хватало работы в Полотняном приказе — цены бы этому Рэю не было! На ровном месте выдумать смуту не каждый сумеет.

В Облачную Рощу я, конечно, немедленно сообщила. Рэй тоже господину послу написал, отправился с запиской и пропал до самого полудня. Господин распорядитель, однако же, сам домой не явился, а лишь письмом выразил радость, что всё обошлось. И обещал быть попозже.

Значит ли это, что я несчастлива в семейной жизни?

Перед полуднем является шестеро вооруженных молодцов из Полынного дома.

— Прибыли охранять! Приказ господина Ёдзи.

— А у вас уже знают?...

— Да, прибежал монашек из Облачной Рощи. Господин сразу послал туда за своим родичем, а нас направил сюда, на Восьмую. Для порядку.

За заботу спасибо, конечно. Пусть и запоздалую. Только охранников теперь ведь тоже всех кормить надо — хотела бы я знать, сколько дней.

А потом и Рэй появился. Встрёпанный, под глазом синяк, хромает, но улыбается во весь рот.

— Ты что, воров этих выследил?
— Нет! — говорит. — Воров не нашёл. Работу нашёл! По письменной части.
Да уж... А по морде — это, видать, задаток дали...

Стрельбище

Ёдзи, глава Полынного дома, жрец Обрядовой палаты

Дзёхэй, его младший родич

Почти в любой столичной усадьбе есть и сад, и пруд с мостиком, и беседка. А вот стрельбище обустроено отнюдь не всюду. У Полынного оно занимает едва ли не всё подворье.

Все эти дни Дзёхэй присматривается: что не так, что изменилось тут за десять лет? Вроде и чучела, по которым стреляют, на своём месте, и деревья, и кровли за деревьями те же. Где и подновляли — работали столичные мастера, нарочно сохраняли вкус старины.

И лучники упражняются столь же усердно, как и при прежнем господине. Как всегда в послеполуденный час глава Полынного дома наблюдает стрельбы. С того же места на помосте, где сживали его предки. Самый удобный случай поговорить, не будоража любопытство домашних: лучники заняты делом, у остальных приказ не соваться под выстрелы.

Вот что не по-старому: слишком тихие голоса. Прежний-то господин был глуховат...

Гудят тетивы, летят стрелы. И всё же — насколько здесь спокойнее, чем в обители Облачной Роци!

— Бог, значит... — задумчиво произносит Полынный господин. — Казалось бы, ничто не предвещало... Значит, не просто явился, а вызвали его. Только кто?

— Не знаю, — отвечает посол. — Это не при мне было. Я сперва подумал: ведь настоятель Облачной Роци — великой святости муж. Два года, как я слышал, не появляется в храме, ведёт отшельническую жизнь

где-то в горах, молится о спасении всех страждущих... Если муки Богатыря могло успокоить только возвращение к борьбе...

— Нет. Настоятель храма Унрин — настоящий монах. Будь это по его молитве, бог бы сейчас его проповеди внимал. Там, в горах. И потом: Богатырь — что, сильно измученным выглядит?

— Как он выглядит, я не знаю, для меня он невидим. Но по голосу я никак не сказал бы, что бог успокоился.

— То-то и оно, — не прерывая беседы, Ёдзи веером показывает одному из стрелков: «бери прицел выше!». — Тут я бы скорее подумал, что вызывал его твой гость. Ну, молодой Асано, который сейчас зовётся Хатидзё.

— Зачем?

— Не зачем, а почему, — наставительно говорит Полынник. — Глава Обрядовой палаты в своё время этого внука выставил из дома после очень шумного несогласия. «Чтоб ноги твоей тут не было!», и так далее. Теперь же моему соседу Коноплянику самому придется к мальчишке идти разбираться. Потому что — должен был предусмотреть такую... выходку.

Дзёхэй с сомнением опускает взгляд:

— Не знаю. Всё дело в том, что Хатидзё, отрешённый от божьего обряда, томится тягою к нему и не удержался от чудес? Едва ли. Хотя Богатырь, кажется, действительно теперь чаще обращается к нему. И господин Унрин этим очевидно не слишком доволен.

— Ну что ж, тогда выбор невелик, — заключает Ёдзи. — Невелик и безотраден. Потому что если бога вызвал бывший служака Обрядовой палаты — это безобразие. А если так поступил бывший государь — то это гораздо, гораздо хуже. Это бунт.

Посол искоса смотрит на главу дома: в голосе Ёдзи слышна явная тревога, но, кажется, и какая-то удовлетворённость. Господин Унрин не в ладах с Полынником? Или дело не в заклинателях и даже не в

боге, а в неприятностях, грозящих главе Обрядовой палаты, нашему соседу Асано? Да, за десять лет всё-таки многое изменилось между домами Пылыни и Конопли...

Пылынный господин встаёт, спускается с помоста. Ему подают лук. Ёдзи накладывает стрелу, медленно наводит её на дальнее чучело. Целится — как умеют целиться только здесь, в доме Пылыни: так, что все вокруг затаивают дыхание. Спускает тетиву. Не глядя на пораженную цель, не выпуская лука из рук, возвращается на помост. Вопросительно смотрит на Дзёхэя.

Тот не станет хвалить удачный выстрел. Продолжит про бога:

— Или дело ещё проще. Бог гневается на Подгорных. Что, если Богатыря призвали именно на погибель дома Ямадо? Кому они за эти десять лет так неудачно перешли дорогу, я не знаю...

— Подгорные? — хмыкает господин. — Настолько неудачно, чтоб ради них Столицу рушить и всю здешнюю власть? Нет, родич. Они знают своё место. Жрецов их тут нет: сидят у себя в Подгорье да в Солнечном тереме. За чины Ямадо бьются, конечно, как все. Но — в пределах допустимого. А то, что сейчас происходит, уже недопустимо. С Властителем Земель так нечестно обходиться. И со сподвижниками его, и с богами, и даже с буддами.

Бунт: беседовать с божеством в обход верховного жреца Облачного обряда. И без присмотра Обрядовой палаты. С этой точки зрения Дзёхэй тоже уже мятежник. А если бога не вызывали, а он сам явился? Без знамений, просто — взял и восстал из кургана?

Посол ничего не спрашивает. В таких делах жрецу виднее.

— Так что придется о происшествии доложить, — молвит Ёдзи с расстановкой. — Напрямую Властителю Земель. Раз уж глава Палаты недужен.

Расправляет плечи. Кивает родичу на колчан и

лук:

- Будешь?
- Если господин прикажет.
- Да не о том речь. Если хочешь, давай.
- Тогда — нет. Я за морем настрелялся. На всю жизнь.

Выбирай

*Хатидзё, он же Асано Иэнори, мирской
распорядитель храма Облачной Роци
Облачный Богатырь
Обитатели Облачной Роци
Монахи Восточного храма*

— Ай, красавица старушка! Как живёшь?

Никакой старушки тут быть не может. В храмовую роцу женщинам ходу нет. Да я никого и не вижу: только дерево. Одно из самых древних наших деревьев. Они ещё не сажёные, лесные. Так и растут, как росли до основания Столицы.

И ты смотри, Богатырь, — не сам, а через меня. На внешнее гляди, а не в сердце.

На ветках висят мелкие дикie груши. Зелёные пока. Вон одну червяк ест. Бледненький, мохнатый. Червяк — а не меньшей приживал при тутошной божьей братии!

Дерево не спеша ворочает листьями под ветерком. Как, мол, живу: неплохо живу, не сучусь, чего не скажешь об иных прочих...

— Трудно глядеть так, Иэнори. Ты вот всегда можешь в Государе видеть просто монаха, а не брата?

Не могу. Да ведь это для дела нужно, Богатырь. Пойдём сейчас подбирать тебе обличие. В храме нашем святилищном тебе поставят изваяние: Государь так решил. Надо, чтоб ты одобрил образец.

В роце всегда сыро, даже в жару. В городе суше и ветер сильнее. Особенно на главной площади.

Что видишь?

— Ребята кузов несут на палках. В кузове — не старик, не хворый. Девицу, поди, украли?

Они не украли, они слуги. Для почёту принято так ездить.

Но — хорошо, получается смотреть.

— Тесно живёте, Иэнори.

Ничего себе «тесно», площадь — в шестьдесят шагов шириной!

— А народу-то ещё больше!

И это совсем замечательно. Раз ты всех их видишь, значит, они свои, Облачные, родные люди. Ведь так?

— Нет, конечно. Хорош бы я был воин, кабы врагов не видел!

Ну, враги-то тоже — наши враги, не чьи-нибудь.

— Давно тут не был. Много что построили. А вот конницы как при мне не хватало, так и теперь — сколько тут всадников? Раз, два и обчёлся. Ну да чему дивиться, коли в самой ратной ставке враги засели?

Вот и Восточный храм. Нам сюда. Посмотрим изваяния: здесь их намного больше, чем в Унрине. Почти все подвижники и заморские боги тут есть.

Окликаю служку:

— Открой-ка нам кумирню.

Парень приглядывается: кому это «нам»? Тут я дурак: сам же и проболтался!

А он сползает весь как-то вниз внутри своего монашеского платья. Падает мне в ноги, вопит:

— А-аа... Простите, господин!

— За что?

— Не зна-аю...

Понятно. Ты, Богатырь, глядишь через мои глаза — и снаружи это тоже заметно. А ты — грозен! Всё: больше на людей вблизи взгляда не поднимаю.

Говорю служке:

— Ты ни в чём не виноват. Отопри и оставь нас ненадолго.

Убежал со всех ног.

Света из приотворённых дверей не хватает на

весь зал. Но тут внутри негасимые светильники перед буддами. Огни отражаются от гладкой бронзы, от золочёных облачков за спинами у изваяний, от острых лучей в венцах. Просветлённый Сякамуни, основатель нашего Закона. Целитель Якуси, будда Востока. Он — хозяин в здешнем храме. В пару к нему — Амида, будда Запада. Подвижники: Утроба Земляная, Утроба Небесная, Вселенская Мудрость — и моя родовая наставница, Чуткая Ко Звукам. И вот воины Закона: небесный воевода Бисямон и его товарищи, защитники четырех стран света. Как тебе их доспехи, Богатырь?

— Никому не пожелаю в таком панцире драться. Как краб.

Или вот: полководец Компира. У него броня полегче. И лук со стрелами.

— Да я же не стрелок. А чего он с лица такой зелёный?

Так принято раскрашивать. Он не из людского народа, а из якшей. Про боевого кормчего Нанду я уж и не спрашиваю. Тот — вообще змей...

— А кто из них уже занят? Из этих обличий.

Да что с того, что занят? Мы же вроде не такие придиры, чтоб не надеть платье нового покроя, если знакомые уже такое носят... Хотя... А ведь верный вопрос! Я не бывал в родовой молельне Полынников, но может быть, у них как раз Лучник Компира стоит? Или Восьмизнаменный воевода? Надо будет спросить Дзёхэя.

Если у тебя, Богатырь, будет какое-то обличие, и такое же — в другом святилище при храме, у другого бога, то вывод отсюда будет ясный: храмы меж собой родственны. А не со всякой роднёю наш Унрин уживётся.

— Ну-ка, ну-ка... А это — кто?

Кто?

— Направо посмотри!

Богатырь! Раз уж сказал: «направо», — так и дай мне самому повернуться! В последний раз меня,

помнится, кормилица так мотала, когда носила на спине. Бойкая была женщина...

Ага, вижу.

Никаких доспехов, никаких заморских одежд. Только повязка на бедрах и ожерелье вокруг шеи. И запястья перетянуты. Меч в одной руке, верёвка в другой. И клыки.

Позор мне, я должен был сам догадаться! С него бы и начать. Фудо, Недвижный Пламень, светлый страж Закона.

Нравится?

— Этот хоть как-то похож. И верёвка для борцовского круга, и зубы ничего. Только меч побольше должен быть.

Сделаем! И сложение, наверно, более мощное. А то – лёгок для борца.

В дверях кумирни стоит здешний настоятель.

Спрятался бы ты, Богатырь. А то он сейчас сосредоточится, почует тебя — может шум поднять. Нам этого пока не надо.

— Господин Хатидзё! — мягко замечает настоятель. — Тебе не кажется, что ты распоряжаешься в чужом храме?

— Кажется, — склоняюсь покаянно. — Виноват.

Намма Садаёри — Властителю Земель

...Прежде не решался пустячными опасениями обеспокоить моего Государя; теперь важные вести заставляют взяться за кисть. Ряд разрозненных сведений приводит к единому выводу.

Сообщаю: первое — монахи Облачной Рощи усердно собирают писчую бумагу лучшей выделки; о том достоверно известно в Полотняном приказе. Второе — в храме Облачной Роще докладывает ныне посол, направленный в страну То в шестнадцатый год предыдущего царствования.

Третье изложу обстоятельнее. Названным послом

вывезен из-за моря переписчик, работавший в императорском книгохранилище. По словам одного китайца, ему довелось там делать список книги, посланной с Облачных островов в дар императору в давние времена. Книга эта, насколько он уразумел, повествует о веке богов. И такой книги нет в собрании храма Облачной Роши.

Предполагаю: список доставлен в нашу страну вместе с возвратившимся посольством. И Облачная Роша пожелала его переписать: возможно, несколько раз. Для чего и потребовалась отборная бумага.

Задаюсь вопросом: начата ли уже эта работа?

Сопоставляю: позавчера на дом господина посла совершено разбойное нападение; грабители не преуспели, однако же несомненно, что они особенно любопытствовали книгами и бумагами.

Закрываю: тем, кто направил грабителей, требовался именно этот список.

Допускаю: решение о том, подлежат ли списки подобного сочинения широкому распространению, будь то через храм или через устроителей ограбления, — решение это находится в исключительном ведении Властителя Земель.

Преданно умоляю: принять меры.

...

Признался

Госпожа Хатидзё

Рэй, китаец

А что мне остаётся делать? Напишу Пересмешнице.

... Сегодня он ночевал всё там же, на помосте у моей двери. Просыпаюсь утром — он слышит, усаживается, как обычно, у столба. Говорит:

— Госпожа! Я всё-таки влюбился. По картине.

И отодвигает чуть-чуть перегородку. Подаёт

рисунок.

Ну, конечно, с художествами у нас на островах пока слабо. Но в зеркало-то я смотрюсь! Так что понимаю, кто нарисован. И покрывало моё, в клеточку, и вообще похоже. Особенно щёки.

Как, скажи на милость, надо было отвечать? Залиться слезами, потому что слёзы на любой случай годятся? Обругать за наглость? Похвалить заморского искусника, благо мы в его искусстве ничего не понимаем? Падать без чувств точно было бы ошибкой...

Вообще-то я молчала. Рэй дальше говорил:

— Тут все врозь? А я не буду, я хочу вместе. С тобой, всегда.

Со стороны послушать — не поймешь: он в любви объясняется? Или решил господина посла бросить и наняться ко мне?

Не знаю я, что делать:

— Ты вроде бы работать собирался? Так иди, утро уже.

По голосу слышно, что он улыбается:

— Хорошо. Это не длинная работа, дня три. Выгодная.

И ушёл. Быстро-быстро, и уже не хромает.

А я осталась думать.

Порядочная дама написала бы мужу, чтобы тот заявил господину послу наше общее возмущение: слуга, мол, неприемлемо дерзок, надо его окоротить или совсем удалить отсюда.

Решительная дама кликнула бы караульных из дома Ёдзи, раз они всё равно тут околачиваются. Или позвала бы Рю, а ее родичи сообразили бы уж явиться на подмогу.

Сейчас Рю ушла вместе с кухаркой по нашим семейным делам: пополнить припасы, чтоб кормить Полынных телохранителей. С нею не перемолвишься. Да её нынешний взгляд на любовные дела я знаю: все мужчины бессовестные тупицы и ничего не понимают.

Воспитанная дама оставалась бы глуха и слепа,

потому что в любви так не объясняются. Очень вежественная особа указала бы иноземцу: искренние чувства изливают в стихах! Да, и мучалась бы потом, разбирая его китайскую грамоту...

Нет, уж лучше картинка, чем письменные знаки.

Проницательная дама сидела бы и вычисляла, в чём тут подвох. Что я и делаю.

Можно было бы написать батюшке. *«Помоги разобраться, мне в первый раз в жизни кавалер признался в любви, да и тот не кавалер, а китаец...»* Так ведь господин следователь сюда примчится. Станет выяснять, какую глупость или гадость Рэй учинил против его друга, господина Дзёхэя, — что теперь прикрытия ищет. У всяких дур. Если выяснится, что это вправду для прикрытия, ещё обиднее будет.

Была бы любовь — Рэй рассказывал бы, как горько он страдает. Ну, или изобразил бы себя с мокрыми от слёз писарскими принадлежностями. Да только мне, на самом-то деле, эти сердечные терзания вовсе не любопытны. Потому, наверное, раньше мне никто и не объяснялся... И с мужем мы на том поладили, что ему до чужих чувств тоже дела нету. Конечно, если это не чувства господина Унрина...

...В общем, пребываю в растерянности. Как бы ты поступила на моем месте? То есть если бы ты при всём том была ещё и замужем?

Не с того я начинаю. Чтобы понять, что Рэй имел в виду, надо бы разобраться, кто он всё-таки такой. И сейчас, и раньше кем был.

Служилый грамотей? Попал под суд непонятно за что. Господин Дзёхэй его спас, он ему теперь службой долг отдаёт. И при этом не хочет жить за счёт посла, ищет заработок на стороне. Уж если служишь — так господин и кормит тебя, разве это неправильно?

Или Рэй узнал, что с посольством всё плохо обернулось, и теперь господина Дзёхэя впору самого спасать? Между прочим, вместо общих слов — «всегда,

вместе» — мог бы про это рассказать, это всяко важнее. Уже думали бы, куда посла прятать.

Наконец-то Пересмешница отвечает:

... А хороша ли картина? Настоящий свиток? Что там кроме покрывала, какие цветы рядом, или травы, или что он вокруг изобразил? В этом может быть вся суть!

Да ничего вокруг, в том-то и дело. И не свиток, просто листок.

...Но если бы на твоём месте действительно была я, — наверное, обрадовалась бы. Ты не обижайся, но я же за тебя переживаю. Никто не скажет, что мои братья пренебрегают службой, — но и они бывают дома чаще, чем господин с Восьмой улицы! Каково бы мне жилось одной-одинёшенькой в окружении дикарей... А если бы рядом был кто-то, кто может меня понять, кто ничего не требует и не просит, а только старается мне понравиться, — я бы, наверно, рада была.

А в самом деле, разве нельзя — стараться нравиться? Рэй же для этого ничего плохого не делает. И понимает: я не из тех красавиц, кого смешат кровавые побоища. Братец мне рассказывал про таких китайских дам... Или кого забавляет, когда поклонник сам ищет случая сломить себе шею, как в мачехиных повестях. А Рэй сидит себе, рисует, даже красиво получается.

Вот за что я люблю Пересмешницу: умеет успокоить смятенные чувства.

... Но это — я на твоём месте, а тебе-то решать самой. Если тебе его ухаживания не в радость, так лучше сразу ему о том сказать. И всякой надежды лишить. Очень хорошо, что он иноземец: можно сказать всё прямо, будто бы ты избегаешь тонкостей чужого ему языка. А если он тебе по сердцу — так зачем же его расстраивать? Вдруг и вправду окажется, что это близкий человек? А когда сердце сердцу отзывается —

это такая редкость в нашем непрочном мире...

Редкость... Может быть, мне и надо было такого — редкого. Чтоб один во всей Столице, а не книжник из Училища, не чиновник из такой-то Палаты... В общем — не такой, как все.

Два Государя

Хатидзё, мирской распорядитель храма Облачной Роши

Господин Унрин, отрекшийся государь, монах храма Облачной Роши

Властитель Земель, его сын

Ёдзи, глава Полынного дома, жрец Палаты Обрядов

Дзёхэй, посол, его младший родич

Облачный Богатырь

Собачий лай у ворот Облачной Роши. Не простые псы: из охраны Властителя Земель. Самые чистые из чистых. Белые, головастые, голосистые. При высочайшем выходе им полагается сопровождать шествие, отгонять немирных духов.

Почему бы и псам не получить прибежище тут, в общине Просветлённого? Тоже ведь страдают в своём пёсьем рождении, пусть и на казённой службе...

Ну, вот. Что ж на меня-то прыгать? Я мирный. Помнишь меня, собачища, ещё по дворцовым временам?

— Ишь, дюжие!

А в твою пору, Богатырь, собаки мельче были?

— Тощее. И не лизались, когда при исполнении.

Властитель Земель проследовал мимо кумирни, к залу для чтений. Прямиком к келье господина Унрина. Полынник и Дзёхэй едва поспевают за ним.

Пойдем и мы туда же. Авось не выгонят.

В гневе Властитель или в радости, или пришёл поделиться новым замыслом — этого я понять не умею. Двигается он всегда, как ветер, лицо расписано узором из пятицветных облаков. А сердцем я его не чую.

— Почтенный наставник! — обращается он к моему Государю ещё с порога.

— Да, добрый сын? — приветливо откликается тот.

Понимать можно как угодно. То ли это вслед за Буддой: «О, добрые сыны!» — то ли по-семейному, по-отцовски.

— Я недоумеваю! — голос у Властителя высокий, резкий. Похоже, всё-таки в гневе.

— Попробуем разобраться вместе? — предлагает господин Унрин. С готовностью: что, дескать, за советом пришёл?

Нет, разумеется. Если кто из правителей Облачной страны держал монахов в ближних советниках, так то не были примеры удачных правлений...

— Я в твои дела с Просветлённым не мешаюсь. — Властитель сказал это и опять замолчал. Но прежде чем отец ему откликнулся, остановил взмахом рукава:

— Ожидал, что и ты от моих жреческих дел будешь держаться подальше. Ожидал — и обманулся.

Мой Государь бросает нехороший взгляд на Дзёхэя. Тот и не прятался — но Ёдзи его словно заслоняет, чуть двинув плечом. Да, младший родич обязался молчать — но не перед главою же своего дома! А Польшник никаких обещаний Унрину не давал. Счёл надобным сообщить об услышанном старшему жрецу своего обряда. Имеет право. Да, пожалуй, и обязан.

— Всё не так просто... — начинает господин Унрин.

— Ты думаешь, я могу не знать? — перебивает Властитель. — Не замечать, когда в получасе ходьбы от дворца вызывают бога?

Теперь Государь мой замолчал.

Как ты считаешь, Богатырь: тебя вызвали? Я хоть и служил в Обрядовой палате, не возьмусь рассудить,

был ли тут свершён обряд вызывания.

Нет ответа.

— Моё вмешательство, по-твоему, таково, — молвит господин Унрин медленно.

— Да. Я слышал. И не вижу, чтобы ты тут проповедовал богу Закон Просветлённого.

Будь он ещё не Властителем, а наследником, отец бы ему сказал: противоречие! Как жрец ты можешь видеть бога, но не можешь знать, проповедует монах или нет. Если, конечно, ты-таки не мешаешься в храмовые дела...

Но сейчас Государь говорит другое:

— Я вспомнил Облачного Богатыря. Перебирал в уме родичей и сподвижников Властителя дома. Дошёл до этого воина — и он откликнулся. Когда бог является человеку, человек ничего с этим не может поделаться, ты же знаешь.

— А теперь я явился к нему!

Разворачивается от отца — лицом к незримому богу:

— Я слышал, зачем ты пришёл, Облачный Богатырь! Слушай же слово верное, слово грузное: Подгорная земля — на моём вервии, Подгорные люди — мои люди. Я им доверяю, и ты их не тронешь.

Какое там — не мешаться в дела друг друга! Один в храме, прямо за спиною у будд, бога призвал из кургана. Другой увидел этот непорядок, заклинает бога — и где? В храме же! Не боюсь, что тут по кельям полно монахов, а в кумирне — будды сидят... Докажите мне после этого, что у храмов и святилищ не единый общий обряд!

Богатырь отвечает, чтобы слышали все:

— Друзей твоих не трону. Врагов Облачной державы буду бить. Сам знаешь: иначе не могу. Этот рубеж мне доверен. Пойду думать.

И нет его. И воздух в лёгкие так и ударил. И земля словно ушла из-под столбов, на которых келья поставлена.

Наш человек

Госпожа Хатидзё

Рэй, китаец

Пришёл не поздно — и сразу ко мне. А я уже знаю, что это Рэй идёт, хотя во двор и не выглядываю. От самого поворота на нашу Восьмую улицу уже чую.

Он поднимается на помост, а я за дверью реву, как дура. Потому что — кто мне этот китаец? А я бы даже батюшку вот так издали не услышала...

— Что ты, госпожа?

— Да всё то же. Сам знаешь.

Господин Намма понял бы: «всё то же» — значит, снова воры, или люди Ёдзи следствие чинят и лютуют, или господин Хатидзё в монахи постригся, или без монашества буддой стал — и так далее.

Рэй понял по-своему. Отворяет дверь, решительно входит. И — цап одной рукой картинку, а другой меня за плечи:

— Не хотел обидеть. Правда.

Реву. Он смотрит то на картинку, то на меня.

— Не похоже? Или слишком похоже, а у вас так нельзя?

Реву! Теперь уж точно не похоже: вся пудра размазалась.

— Тут порчи нет. Я твоей девушке не врал. Порчу — не умею.

— А приворот?

— А это что такое? Слово не знаю.

— Чтоб всё время о тебе думали. Неотступно.

— Умом рехнуться? Нет же, госпожа, нет. Бывает рисунок, чтобы о нём всё время думать. Особенно если с подписью: допустим, три журавля. А видно только двух, да и те — черепахи. И вот, ищут журавлей, ищут-ищут — и рехнулись. Но тут... Не так?

Занятные у них, у китайцев, способы устранения неугодных. И ведь ещё поди докажи, что это преступная

ворожба. Не хочешь, мол, — не разглядывай...

Ой. Узорчики, да? Для зеркал, да?

— А ты тут вообще-то что рисовал, Рэй? Или кого? Черепаху?

Может, себя и рисовал. А про «влюбился» — просто я его неправильно поняла. Слышала я, в старину наши монахи как-то плавали за море, и там наставник им за отличные успехи подарил своё изваяние. Может, у них на материке не только в храмах принято свой образ дарить. Вроде как «я тебе доверяю, знаю, что ты этим листом не будешь грязь вытирать...» И Рэй рисовал себя. А я себя вижу. И каждый так увидит.

— Почему черепаху? Тебя. Мою любимую.

— А зачем?

— Думал: буду сам смотреть. А то ты прячешься всё время. Потом мне понравилось, как вышло, решил похвастаться. Очень обидно?

— Да нет. Только, получается, плохо я прячусь, если ты...

— А не надо прятаться.

Лицо чумазое не надо прятать? Волосами заслоняться не надо? Руки в рукава втягивать не надо — потому что рукав-то широкий, по нашему обычаю, свободный для рук кавалера, кто учтиво даму не раздевает, а так, под платьем тискает...

— Не сглажу. Не обижу. Плохого не сделаю.

А чем больше дама плачет, тем жарче надо утешать?

Если молчать, это всё плохо кончится.

— А ты на самом деле кто такой, Рэй? Если ты правда Рэй?

Кто другой убрался бы подальше от таких вопросов. Он — обнимает ещё крепче и говорит:

— Правда. Китаец. Прозвание, вот так пишется, по-облачному будет Рэй.

И пальцами выводит этот знак — мне по спине. Щекотно же!

— А по-вашему как?

Произнёс что-то, чего я сроду не повторю.
Спрашивает:

— А тебя, если не по улице, а по имени — как зовут?

— Зачем тебе? У нас имя только для главных обрядов. А до моего погребения, надеюсь, ещё далеко.

— Прости. Не буду спрашивать. А прозвание — Намма, да?

— А как же ещё?

— Да. Южная Конопля.

— А «Рэй» твой что значит?

Задумался.

— Не знаю облачное слово. Когда два разных совпадают, но не совсем. Два слова в лад. Две струны на гусях: разные, но вместе звук не противный.

— Ваш глава дома — певец на обряде?

— А я не знаю, кто у нас глава, если по здешней мерке. Такого нет, как тут, чтобы и знатный Рэй, и крестьянин Рэй, и вроде меня Рэй — всё один дом.

— Как же вы живёте?

— Привыкли... Это давно уже так. Много столетий.

— Наверно, страшно жить в такой старой державе...

— Э! Страна одна. А держав много. Что страшно — это когда державе трех лет нет, а она уже старая, разваливается. Следующая начинается, начаться не успела — то же самое... А хуже всего, когда в столице одна держава, а под столицей воинский стан, и в нём — другая. Государь другой, вельможи другие, а закона — ни там, ни там нет.

Представить трудно. Но хоть что-то проясняется.
Спрашиваю:

— То есть тебя незаконно осудили?

Опять думает.

— Не совсем незаконно. Пока законы были, так тоже нельзя было делать. Чужие почерки подделывать и печати рисовать, чтоб были, как оттиснутые.

Ох, ну сказал бы раньше! Не разбой, не мятеж. И

не что-то непонятное, заморское. А подделка грамот — это по нашей части! В Полотняном приказе таких дел — дюжина на год. Только за что же тут смертью казнить?

— Да не может быть! — говорю.

— Правда. Совсем... низкое ремесло?

— Не низкое, а сложное. Книги переписывать, картинки рисовать — это многие могут. А грамоту один в один свести — такой умелец редок. Подобно безупречной яшме!

— У вас тоже так говорят?

— Ты брата моего слышал? То-то! Так что: покажешь, как ты это умеешь? Хвастаться-то — дело нехитрое...

Вздыхает. Убирает руки.

— Пойду за тушечницей. Что переписать?

Вернулся со всей письменной снастью:

— Работать буду здесь. Чтоб ты видела: никаких чудес. Давай образец.

Бумаг с печатями у меня нет.

— Вот тебе испытание посложнее печатей: перепиши-ка это.

Подаю письмо. Оно — буквами, а не заморскими знаками.

Не спросил, о чём там речь. Пристроился, пишет.

И ведь получается! Даже все переливы, где тушь гуще, где светлее. Пересмешница разве что по бумаге отличила бы своё письмо от этого списка...

Кстати!

— А откуда у тебя эта бумага?

— С работы. Там много, я взял листок-другой, чтоб дома упражняться. Да она почти такая же, как у тебя в образце.

То-то и оно. Письмо — на обороте моего. А у меня бумага батюшкина, из Полотняного приказа. Этот лист оттуда же.

Вот, значит, где Рэй прирабатывает.

Теперь всё ясно. Батюшкин друг, господи посол, увидел, что в этой безумной державе То таких мастеров

не пристраивают к полезному делу, а расчленяют. Понятно, что постарался вывезти. И успел представить батюшке или еще кому из Приказа. Ну так что ж, правильно сделал! Недаром я почувяла, что Рэй — наш человек!

Зачем нам это

Хатидзё, мирской распорядитель храма Облачной Роши

Господин Унрин, отрекшийся государь, монах храма Облачной Роши

Властитель Земель, его сын

Господин Ёдзи, глава Полынного дома, жрец Палаты Обрядов

Дзёхэй, посол, его младший родич

Нехорошо без тебя, Облачный Богатырь.

Я и не знал, до чего мне за последние годы надоело быть старшим. Отец — далеко, дядюшка — сам как дитя малое, а дед уже совсем древний, и попроситься обратно к нему под начало я не смогу. Тесть со мной как с младшим не говорит. Я Асано, он Намма — по родовому счёту он младший родич. Да и вообще, пока не грянет какое преступление по казённой части, он со мной и не разговаривает.

Господин Унрин — он не затем, чтобы за меня отвечать. Наоборот: чтоб я отвечал за него.

И тут приходишь ты. Старший. Люди все тебя младше, сверстники — только среди богов. Целых три дня был рядом. И в первый раз я себе самому не казался дураком, когда рассказывал: знаешь, мол, в наши времена всё иначе. «В чьи это — ваши?» — спрашивает обычно дед, и сразу ясно, кто тут хозяин времён. А ты и мошку бы послушал с её подёночным веком, и человека, и дерево столетнее...

А оба Государя тем временем продолжают тягаться — кто из них старше. И, как следовало ожидать, для ответа на этот вопрос им потребовалось

«Предание».

— Книгу! — Властитель Земель протягивает узкую руку ладонью вверх.

— У меня книги нет, — невозмутимо отвечает мой Государь.

— Ну да, да — список этот китайский! Ещё не хватало...

Царское ли Предание господин посол привёз из-за моря, или так, бесполезную писанину — может решить один лишь Властитель Земель. По крайней мере, он так считает. Я бы, пожалуй, ещё учёл, что об этом думал тот Государь, кто посылал книгу императору...

— Так и списка нет, — господин Унрин глядит на сына ясными глазами, совсем как наш с ним дедушка Асано, когда особенно жестоко издевается.

Только сейчас это игра. Свитка-то здесь нет, хоть с собаками пусть ищут. Возвращён послу.

Властитель Земель говорит с расстановкой:

— Мне это надоело. Где бы ни было «Предание» сейчас, извольте представить его мне. Во дворец. Иначе виноваты будете вы все.

И обводит глазами присутствующих. Не буду я падать лбом об пол. Живое божество изволит обратить на меня внимание, что ж мне прятаться...

А ведь и вправду — сшиблись! В этих бешеных глазах решимости ничуть не меньше, чем в кротком взоре моего Государя. Не важно уже, какое святилище нужно Облачной Роще. Не важно даже, кто имел право вызвать Богатыря, а кто нет. Безразлично, кто тут отец и кто сын. Спор идёт о том, кто Государь. Единственный.

Полынный взглядывает на меня: «Ты этого хотел, молодой Асано?»

Книга, как выяснилось, — у нас дома, на Восьмой. Куда нас с Дзёхэем за нею и отправили.

— Не понимаю, — говорит господин посол, — зачем нам это?

— Что именно?

— Двоевластие. Вы что, считаете: два правителя

— это хорошо? Или просто любопытно, ни разу не пробовали? Уж ты-то читал, что из этого получается.

Я читал у китайских мудрецов, а он — видел воочию. Попробую объяснить:

— Властитель Земель — глава Облачного обряда. Дела богов, конечно, в полном его ведении. Но бог — ведь он живой. И не вечный. Ты же слышал его. Боится, как смертный бояться может. А раз живой, то община Просветлённого отвечает за него. Как за жителей всех миров: и людского, и звериного, и божьего... Тут монах не может быть ни при чём.

— Да уж поздно, — мрачно отвечает Дзэхэй, — не получится устраниться, даже если бы захотели. В Китае монахи уже на этом попадали в немилость... в крепкую немилость, как там умеют. Любой власти неудобно иметь в державе общину, которой есть дело — до всего.

По китайским книгам, какие я читал, выходит наоборот. Кто сделался неудобен, того всегда можно обвинить в превышении полномочий. Как это звездочеты смеют считать все звёзды? Включая светило, под коим родился сам император... Как это лекаря посягают на тело каждого подданного? Всего-то потому, что людям якобы свойственно нездоровье... Как это книжники дерзают обо всём, что вокруг, письменно высказываться... То же самое и монахи с их молитвами за спасение всех живых.

— А что сейчас с монашеской общиной в стране То?

— Государственных храмов нет. Сохранились кое-где местные молельни, да и там не поймёшь: то ли какого-то подвижника Будды почитают, то ли покойного местного губернатора. Есть несколько знаменитых наставников в горах, но общин монашеских нет. Растворились в народе.

Добрались до дому. На вид всё спокойно. Полынная стража у ворот. Рю наблюдает из-под крыши, и как видит нас, кричит:

— Пропустите! Это здешние господа!

Образцовый порядок...

— Идёмте вместе, — предлагает господин посол, поднимаясь к себе в покои.

Осматривает книги, перебирает бумаги. Зовёт:

— Рэй! Куда ты дел...

Наверное, так он сказал. Не очень-то я понимаю устный китайский.

Заморский грамотей появляется со двора. Косится на меня, отвечает по-нашему:

— Спрятал. В надёжное место. От грабителей.

— Доставай срочно. Государь требует.

Наблюдательный наш монах Нэхамбо рассказывал, будто самые ценные заморские книги этот малый постоянно носит на себе. Но не то чтобы он сразу за пазуху полез. Вместо этого китаец удивлённо улыбается:

— Передумал?!

Поклонился и убежал за ворота.

Дзёхэй задумчиво спрашивает:

— Кстати, а где сейчас в Столице надёжные места?

— Иноземцу виднее, — отвечаю. — Лучше всех такие, которых местные жители вообще не замечают.

Пересмешница — наставнику Нэхамбо

Наверное, мне подобало бы спрашивать наставника о вещах более важных: об уловках Просветлённого, о злодействе, что обернётся спасением в здешнем текучем мире, и о том, как женщине в нынешнем рождении обрести плод Будды... Но в суетности моей я затрудняюсь удержать в уме эти вопросы, пока дела людей приводят меня в смущение... Ведь и миряне, и монахи, и женщины, и мужчины, и простые, и знатнейшие, все — собратья по общине. И вот, в последнее время тщусь я понять смысл поступков одного монаха — и не преуспеваю! Возможно, ты объяснишь неразумной: чего хочет господин Унрин?..

Монах Нэхамбо — Пересмешнице

...Вот и Просветлённый не сразу из-под древа-смоковницы возвестил мирам всю истину. Нет: сперва излагал простые учения в Оленьем саду, постепенно развернул проповедь шире, углубил до пределов самой глубокой мудрости, и только тогда на Орлиной горе открыл Истинный Закон. Это значит, о дитя: всё хорошо по порядку. А брат мой из Облачной Рощи, о ком ты спрашиваешь, наметил верную цель, но, по-моему, движется к ней не тем путём. Почему? Потому что рассуждает: народу ближе боги — значит, для устрашения неправедных и поддержки добродетельных надо призвать в союзники кого-либо из богов. И на том примере подтвердить единство богов и будд. И впрямь, боги близки к нашему народу. Ближе иных верховных жрецов, действующих и бывших. И конечно, боги имеют свой взгляд на должное и недолжное — согласно своей божественной природе. В этом, замечу, люди свободнее богов, ибо человеку легче отрешиться от рода и родины, от прошлого и настоящего, от страхов и от досад.

По моему суждению, не с богов следовало бы начинать, а с будд. А уж люди сами бы нашли, с каким богом связать этого будду — или подвижника, или стража Закона. Верно ты говоришь: это в святилищах есть посвящённые знатоки обрядов — и есть простые прихожане. В храмовой же общине монахи с мирянами сплочены и решают всё сообща...

Не понимаю

Госпожа Хатидзё

Хатидзё, её муж

Дзёхэй, посол, брат её мачехи

Рю, её воспитанница

Ходоки с юга, родственники Рю

Нэхамбо, монах из храма Облачной Роши

Поздно вечером супруг удостоил мои покои кратким посещением. Удостоверился, что разбойники меня не зарезали. Рассказал, что в обители Унрин явился бог, древний воитель. И все последние дни господин распорядитель был занят с ним. И дальше будет беседовать с богом, будь тому угодны его разговоры.

— А жить, — спрашиваю, — бог где будет? Тоже у нас?

— Едва ли, — отвечает муж. Кажется, с сожалением.

У господина Хатидзё, вот ведь беда, никогда не было своего собственного бога. Не семейного, а вот так, личного, подопечного. Я уж спрашивала когда-то: кто из заморских богов покровительствует службе монастырского хозяйства? Муж назвал имя, я, конечно, уже не помню. Но этот воин, похоже, ему милее.

— Ему какое святилище нужно? На столбах?

Качает головой:

— Борцовский круг, веревкой огороженный.

— Это надо будет сказать родственникам Рю. Они тут уже сетовали: вору сбежали, побороться как следует не получилось...

Ночевать муж ушёл в покои господина посла. До утра они там о чём-то толковали. Я не стала любопытствовать, легла спать.

Только не очень получается. Рэй-то на ночь глядя куда-то исчез, до рассвета так и не появился. И на рассвете.

Судя по всему, посол тоже Рэя ждал всю ночь. И

спозаранку уже крепко волнуется.

— Скрыться он не мог? В надёжное место? — спрашивает господин распорядитель.

— От меня? — растерянно переспрашивает Дзэхэй.
— Едва ли. Я опасаюсь худшего. Облачная Роща слишком близко от Столицы. Я не верю, что тамошние новости не доходят до города. У Государя могут сыскаться преданные подданные, готовые лично преподнести ему... то, что он хочет получить. Если для этого надобно избавиться от одного китайца — ты думаешь, это их остановит?

Супруг мой не ответил, заторопился в Унрин. Господин Дзэхэй побегал ещё взад-вперёд по двору, махнул рукой — и двинулся в город:

— Не для того я парня от палачей вытаскивал...

Мне всё это тоже совсем не нравится. Только мне не помогает — бегать туда-сюда. И заняться ничем не получается. Начала письмо писать — каракули какие-то выходят. Порвала.

Кто бы мог подумать, чем занялся мой кавалер давеча? Сразу после того как показал оба свои искусства: подделку почерков и настоящую любовь. Взял лист бумаги и попросил: прочти мне ваши облачные письма по буквам, я запишу, которая как читается. Зачем? А вдруг, говорит, я тебе письмо сочиню? Прошли почти две трети азбуки, но тут Рю с крыши заорала.

Вот уже утро, а Рэй не возвращается. И писем не шлёт. А я не поняла, куда господин Дзэхэй его давеча послал. Где искать, не знаю.

Явились ходоки. С песней. Их приняли в Унрине, наконец-то! Самыми первыми сегодня, без очереди!

— Набольшего монаха видели! Колесо обещал!

Рю спрашивает: а подробности?

— Дед ему: ты что печален? Или хвораешь? Так дед наш не только земляные раны лечит, телесные недуги тоже. Монах: да я-то здоров, просто нелегко старикам с детьми взрослыми. Мы стали утешать,

только он не пьет. Однако ест! А брагу в святилище своё отослал. Там боги живут, старик со старухой. Эти спят. А ещё один прямо по двору гуляет, такой весь важный.

— Что, вот так, виден он? — ахает Рю. — И каков из себя?

— Мы не видели, дед видел. Говорит: сильный бог, много народа перебил. Но нас не тронул!

Не в пример господину Унрину, они-то брагу пьют, хоть час и ранний: празднуют успех. Но не буянят. Рю за ними присматривает.

Господин распорядитель вернулся. Не то с дороги, не то побывал в храме — и сразу назад. Спросил: не объявился ли Рэй? Узнал, что нет — и снова умчался.

Потом пришёл господин Дзэхэй, мрачный. Сидит, ест, словно не замечая, что у него в миске. Я не выдержала, спрашиваю:

— Ну — как?

Тот вздыхает:

— Мёртвым Рэя пока никто не находил. Живым... я тоже нигде не обнаружил, — помолчал, отодвинул еду, встал. — Пойду искать дальше.

Вот уже и южане захрапели. Я сижу и в который раз пытаюсь свести воедино всё, что знаю.

В нашем доме что-то искали в посольских вещах. Рэй после этого уходил, вернулся, сказал, что нашёл себе приработок. Судя по бумаге, как-то это связано с Полотняным приказом. Что он нанялся делать, Рэй не сказал. Рисовать? Переписывать? Сводить какие-то важные грамоты? Всяко что-то такое, что можно делать только там, нельзя взять с собой сюда.

Нанялся он позавчера. Вчера ходил к этим нанимателям. Пробыл у них не очень долго. Сам сказал, что работа небольшая. Вопрос: почему не попробовать уложиться с нею ещё быстрее? Ко мне торопился? Или там, куда он ходит, целый день сидеть нельзя — только пока хозяева на службе?

И главное: куда он понёсся вчера вечером? И почему не вернулся? И почему господин посол так

боится — вон, сразу у похоронщиков начал искать? И почему супруг мой тоже в перепуге? Он прежде Рэя почти не замечал. Из-за меня? Не похоже.

Пересмешница сама пока не пишет. Тоже странно.
В общем, ничего не понимаю.

Перед самым полуднем на двор заходит монах Нэхамбо. Кричит, будто пьяный:

— Миры объаты пламенем! Как можно спать?! Пробудись, всяк живой, ото сна страстей, очнись от морока пристрастий...

Подходит к моему крыльцу. Бормочет другим, тихим голосом:

— Письмо.

И протягивает к двери свою чашу для подаяний. Только не прямо на ладони её держит, а на бумажке: тонкой и мятой.

Что ещё стряслось? Что вообще у них там в Облачной Роще творится? Бог грянул гневом? Просители монастырь разнесли?

Накладываю в чашку еды, листок забираю.

Это не от мужа. Это — Рэй:

ЛЮБЛЮРАБОТАЮСКОРАБУДУ

Почерк получается бабий, батюшкина кормилица так пишет. Понятно: он же вчера с письма Пересмешницы буквы срисовывал.

Хотелось бы только знать: «скора» — это когда?

Свои

Намма, следователь Полотняного приказа

Дзёхэй, посол, его друг

Госпожа Хатидзё, дочь Наммы

— Господин средний советник!

Сыщик Намма, не глядя по сторонам, входит в

дворцовые ворота. Охрана его знает, окликает редко. Но сегодня часовой говорит:

— Видишь, вон там: подозрительная особа. Ссылается на тебя, пропуска не имеет. Осведомитель, что ли?

Там, сбоку от ворот, стоит Дзёхэй. Меньше всего похож на осведомителя.

Намма поворачивает к нему. Вид у посла измученный. Будто бы сам не понимает, кого и зачем он ждёт.

— Ты ко мне?

— Наверное, да, — вздыхает Дзёхэй. — У меня китаец пропал.

Значит, к самому Намме, а не в Полотняный приказ. Тот иноземцами не занимается. Много ли дел осталось на сегодня на службе? Не очень. Можно пока и не возвращаться.

— Из дому пропал? Давно?

— Да. Ушёл вчера по моему поручению и не вернулся.

— Насколько он знает Столицу? Или он за город шёл?

— Хуже всего, что я не знаю, куда я его послал.

— Как это?

Впрочем, видно уже: разговор не для улицы.

— Идём к тебе, — предлагает средний советник. — Раз человек исчез из дому, то и поиски начнём оттуда.

По пути Дзёхэй рассказал про список старинной книги, про требования господина Унрина и Государя, про тайник неизвестно где, про налёт на Восьмую улицу. Хороша дочка — домой вести не подала о грабителях!

Что Государь был вчера в Облачной роще, Намма уже знает. Сам только что оттуда. По крайней мере одного из расхитителей бумаги установить удалось: это монах Нэхамбо, родич приказного письмоводителя Ваки. Захаживал во дворец не за подаянием, а по-семейному, и бумаги в итоге вынес куда больше, чем попрошайки. И отнюдь не только в Облачную рощу. И не только бумаги,

а ещё и нашей туши. И — да, как и опасался господин глава Приказа: киновари для печатей. Сколько раз монах таскал из дворца и во дворец сами печати, теперь уже не установить. Промысел такой: в любой день подписать и заверить надобную грамоту у начальства, даже будь оно недужно, связано зарокми, пьяно, влюблено и так далее. Незаменимый человек — такой монах!

Вообще оный Нэхамбо — редкий хлопотун, бегаёт по делам сразу многих семей в Столице. В том числе, как выяснилось, работает и на Полынный дом.

Трясти его пришлось бы долго. По крайней мере — до возвращения его настоятеля из паломничества. Но, по счастью, монах ждал от Полотняного приказа совсем других вопросов. Сходу выпалил: про бога ничего не знаю! И полчаса излагал, чего именно он не знает насчёт явления духа древнего воина в Облачной роще. Намма выслушал, сочувственно кивнул: ну, раз уж об этом ты ничего не слышал, так просвети меня хотя бы... В общем, удачно получилось.

Дзэхэй в рассказе про бога тоже упоминался. К чести господина посла, сам он об этом — ни слова. А вот китаец Нэхамбо не называл. Что не значит, будто связи тут нет.

Усадьба на Восьмой улице полна пьяных дикарей. И не вполне трезвых молодцов из охраны дома Ёдзи. Зятя, как всегда, не видно.

У себя в покоях Дзэхэй обмяк. Отирает пот со лба вместе с пудрой:

— Если Рэй погиб — это подло с моей стороны.

— Если он жив и где-то загулял, это подло с его стороны, — ворчливо утешает Намма. — Он вообще понимает, какова цена этого твоего поручения? И какова срочность?

— Да всё он понимает! Спроси меня вдруг, кого бы я в приёмные сыновья взял... И что список этот важен — Рэй не может не знать. Он этим списком свою голову выкупил там, за морем.

— В каком смысле?

— В смысле, ее должны были отрубить — голову. За подделку императорских казначейских грамот. Мне его дали как смертника: если «Предание» губительно для непредусмотренных читателей — чтоб не терять кого ценного.

Да уж. Любопытно: долго сумел бы промышлять в державе То монах Нэхамбо? Голову...

— Послушай, — задумчиво произносит средний советник, — этот твой Рэй ведь не единственный китаец в Столице. Он не поминал какого-нибудь своего здешнего земляка, к которому мог бы направиться? Лекаря там, гадалея, лакировщика?

Дзэхэй смотрит на сыщика исподлобья. Как на полного тупицу:

— Последний, на кого Рэй положился бы, — это на другого китайца.

— Потому что был осуждён тамошним судом?

— Нет, — посол подается вперед. — Понимаешь, в То — война. Не с кочевниками пограничья, хотя с ними тоже, а — всех со всеми. Провинций со Столицей. Войск западных с войсками южными. Гражданских с войсками. Императора вчерашнего с императором нынешним. Одной половины подворья — с другой. Даже родич может быть врагом. Не по службе обойти пробует — в спину стреляет. Или в лицо рубит. Пойми: там нет своих. Вообще нет.

— Понимаю, — медленно произносит Намма. — Как же ты там? Десять лет...

— Ничего ты не понимаешь... — посол безнадежно машет рукою. — Прости. Ну, что я? Научился стрелять. Всё-таки я — из дома Польшыни.

А этот китаец Дзэхэю — явно свой. Ладно. Значит, разыщем.

— Я просмотрю его вещи? — спрашивает следователь служебным голосом.

— Конечно, смотри.

Постель в углу, дорожный короб, ворох книг и

разрозненных листов с записями и рисунками. Кисти, тушь разных цветов. Никакого «Предания». И ничего любопытного — кроме одного: всю эту кучу недавно уже перетряхивали. Причём ровно в том же порядке, как это делает сейчас сам Намма. Знакомая школа...

Хотел дочке выказать холодность, раз она про воров отмолчалась. Не выйдет.

Госпожа Хатидзё дуется у себя на женской половине. Но разговор начинает с того же:

— У нас Рэй пропал.

— Да знаю, ищу уже. Что у тебя на него есть?

Как прорвало! И внешние приметы, и особенности речи. И дарования, и пороки, худший из коих — непредсказуемость. И всё это — сквозь рёв. Уже и не вспомнить, когда старшая так плакала!

Следователь, однако, старается держаться по-деловому:

— А образцы почерка-то есть?

— Как ты думаешь, там у него в закутке что лежит? Это всё его почерк! То есть почерки. Он же поддельщик грамот, сколько у него разных рук-то... Ну, и вот ещё...

Намма смотрит записку. Только этого нам не доставало: любит он. Женскими нетвёрдыми каракулями.

— Это кому он?

— Да мне! И, батюшка... Я его, наверно, тоже...

Китайца. Поддельщика. Приговорённого к смерти. Не будем отвлекаться:

— Записка, значит, тебе. И на твоей же бумаге?

Тут дочка очнулась:

— Нет. Не на моей. Это с работы. Где он сейчас переписывает.

— Та-ак. Что ещё за работа?

— А я думала, у вас в Приказе. Или для кого-то из ваших.

Поддельщик. Нанялся сводить какие-то грамоты на бумагу Полотняного приказа. Хвалился госпоже

Хатидзё, что печати от руки рисует — не отличишь от подлинных.

Придётся наведаться к благодетелям монаха Нэхамбо. Пока не докладывая господину Асано-среднему.

Стремительно

Намма, следователь Полотняного приказа

Братья Ямадо, Правый и Левый военные советники

Итак, «раскрашенный» чиновник предложил южанам охранную грамоту от самого Государя. Рэй присутствовал при разговоре об этом в усадьбе Хатидзё. Обсуждал с родичами Рю, что выбрать: Колесо Закона, Солнечное Зеркало или Государеву Печать, а может, для верности взять и то, и другое, и третье. И вскоре после этого китаец нанялся что-то переписывать на приказной бумаге. Работа на несколько дней.

Сходится. Властитель Земель, будучи недавно в Полотняном приказе, имел при себе испорченную страницу как раз с охранной грамотой для какой-то деревни. Не важно: поднесли ли Государю образчик незаконно изготовленных бумаг такого рода — или Государь сам их подписывает, не советуясь с сановниками и роднёй. В обоих случаях дело это не миновало нашего Ваки. И — да, в последние дни Ваки в Столице раскрашен, как никто: пол-лица серое от туши, пудрой не замазать.

Стало быть, Ваки. Говорить с ним лучше не на службе, а там, где он живёт. У старших родичей своих, у Ямадо из Военной палаты.

Что мы знаем о братьях Ямадо? Родом из Подгорного края. На столичной службе уже скоро два десятка лет, дослужились до высоких чинов. Люди более чем исполнительные. Ныне, когда главнокомандующий одряхлел, одной исполнительности мало: его помощникам приходится за

него управлять всей Палатой. И вроде бы справляются: ещё в прошлом году Властитель Земель ставил их всем в пример. Тогда братья, не дожидаясь положенных по календарю сроков, нагрянули с проверкой в оружейное хранилище — и выявили много такого, что к этим самым положенным срокам уже успели бы скрыть. И не только выявили, но и исправили, кажется. Многие их теперь терпеть не могут, а если здраво рассудить — то побольше бы нам таких чиновников!

Ещё у них есть незамужняя сестра, с которой госпожа Намма ведёт переписку об изящном. Но, к счастью, не на казённой бумаге.

Усадьба у Ямадо — этакий сельский уголок на Четвертой улице. Шелковицы растут. Должно быть, тут где-то есть и сарай, где кормятся шелкопряды. И ткацкая наверняка — не для виду, а для работы.

Дорожка к дому вся в черных шелковичных ягодах. Удобно: не пройдёшь, не наследивши. Но господина следователя провожает привратник, дюжий молчаливый подгорец. Не впустить Полотняного чиновника — это даже для больших воевод немыслимо.

Братья встречают посетителя на крыльце. Лица одинаковые и равно непроницаемые. Вопросы задавать бесполезно? Что ж, будем утверждать:

— У вас в усадьбе находится иноземец родом из державы То. Хотелось бы с ним незамедлительно побеседовать.

Военные советники переглядываются. Отвечают:

— Побеседовать можно.

— Но сперва — с нами.

Уже хорошо, что не дивятся, какой-токой иноземец.

В доме у них прохладно и так тихо, будто слуги летают по-над полом.

— И о чём господин средний советник намерен спрашивать заморского грамотея?

— Нетрудно догадаться: о грамотах. О казённых грамотах домашней выделки.

Показалось? Или они одновременно вздохнули с облегчением?

Правый советник достает из лакового короба свиток, подаёт Левому. Левый протягивает Намме:

— Речь идет об этой грамоте? Либо о подобных ей?

Следователь разворачивает лист, внимательно изучает. Хмурится. Или китаец действительно непревзойдённый искусник по сведению почерков и печатей. Или всё, что здесь в бумаге неправильно — это то, что она миновала Полотняный приказ. Потому что написано всё верно. И печать Государя — неотличима от настоящей. Родичи девицы Рю могут быть довольны: их деревне обеспечено высочайшее покровительство. То есть нашей, намминской деревне...

— Замечательно. И много у вас — «подобных ей»?

— Поймите правильно, господин средний советник... — начинает Правый. — У нас все эти бумаги — временно.

— Будут переданы по назначению, — кивает Левый.

— За умеренную плату? — уточняет Намма. Военные в лад качают головами:

— Ни в коем случае! Но — в сжатые сроки. Не хотелось бы говорить ничего дурного про ваше ведомство, однако есть мнение, что дожидаться нужных подписи и печати в Полотняном... в общем, требует незаурядного терпения.

Следователь удручённо кивает:

— Да что ж дурное говорить... Где и не было большой волокиты, там теперь есть. Бумагу-то разокрали, писать не на чем. Вот спрашивается: порядочно ли это? Чужую волокиту усугублять...

Правый советник начал было говорить что-то примирительное, но Левый останавливает его жестом:

— Насчёт бумаги — не беспокойся, господин следователь. До конца месяца возместим с избытком и извинениями. В конце концов, её ж у нас в Подгорном краю делают, эту дворцовую бумагу. Скоро должны

подвезти.

И добавляет, воздевши веер:

— Времена меняются, и этого нельзя не заметить. Наступает время стремительности, кончаются дни проволочек. Ты же и сам не избегаешь того, чтобы дело было сделано — пусть раньше срока, зато хорошо. И это ныне одобряется!

Понятно. То есть печати — и впрямь Государевы.

— Но почему бы Властитель Земель не давал знать Приказу о столь важных переменах?

Правый советник скорбно склоняет голову:

— Из родственной любви. Подобное указание может быть понято как неудовольствие. Может ли почтительный родич не опасаться, что его двоюродного деда хватит удар прямо на месте службы?

— Впрочем, — добавляет Левый, — не сомневаюсь, что господин следователь сможет помочь и здесь. С осторожностью доведя до начальства новые веяния.

Так. Государь не хочет огорчать господина Асано-среднего. Этим предлагают заняться Намме. Опять-таки по-семейному, как младшему родичу дома Коноплю. Ну, спасибо.

— Одного не понимаю, — говорит средний советник. — Раз уж здесь у вас учреждён новый Полотняный приказ, для дел особой срочности, то зачем вам китаец? Ваш родич Ваки прекрасно знает делопроизводство. Да и рвения ему не занимать. Монах Нэхамбо есть, тоже не безграмотный. Надобен ли иноземец?

— А в связи с чем встал вопрос об этом иноземце?

— любопытствует старший Ямадо. Младший продолжает:

— Он по какому делу разыскивается?

Намма с готовностью отвечает:

— Видите ли, посольство в державе То понесло потери. Донабрали людей из местных. Китаец Рэй временно зачислен в свиту посла. В этом качестве и прибыл сюда. И теперь должен быть допрошен по делу о

пропавших посольских бумагах. По слову Властителя Земель.

Правый военный советник резко поворачивается к Левому. Тот, вопреки ожиданиям, не повторяет его движения — мрачно смотрит перед собой. Глухо произносит:

— Понятно. Сейчас.

Постараюсь

Намма, следователь Полотняного приказа

Рэй, китаец

Братья Ямадо, Правый и Левый военные советники

Иноземца держат в довольно светлом внутреннем покое, под охраной троих крепких челядинцев. Он переписывает что-то со свитка на приказную бумагу. Пишет — и тут же склеивает в новый свиток.

Братья Ямадо отсылают охранников. Сами тоже удаляются. Слышно, что недалеко. Ну и ладно. Намма так и собирался: толковать здесь, а уж потом решать, куда забирать китайца.

По приметам сходится. Роста среднего, лицо жёлтое, черты угловатые, волосы завязаны платком. Синяк под глазом ещё виден.

— «Скоро» — это когда? — спрашивает Намма, усаживаясь напротив.

Китаец кланяется, моргает. Сообразил, что к чему:

— Ещё немного часов. К рассвету будет готово.

— Что ты переписываешь? «Предание»? Книгу про Облачных царей?

— Да. Свой список повторяю. Чтоб выпустили. И заплатили, может быть.

— У господина посла книгу срочно требуют. Во Дворец.

— Я знаю теперь. Сговаривался про список — ещё не знал. Думал, уже не приняли, назад отдали. Так я,

чтоб не пропадала, подрядился её вот тут господам списать... Дурак я!

В Облачной роще и в самом деле не приняли. Точнее, посмотрели и вернули. Зачем этот список понадобился Ямадо, придётся выяснять.

— Твой господин, — говорит Намма, — места себе не находит. Моя дочь слёзы льёт.

— Да, господин сыщик. Очень плохо я делаю. А им ты сказал, что я скоро?

Ну, да. Грозный сыщик Намма якобы перехватил письмо, а на Восьмой улице так ничего и не знают...

— Это не я им, это она мне сказала.

Китаец улыбается:

— Я постараюсь. Я допишу, ничего? Не забирай меня прямо сейчас.

— Посмотрим. Тут надо разобраться, насколько ты подвёл господина посла.

— А господин где сегодня? У которого государя? В храме или уже во дворце?

И спохватился:

— Ой, так нельзя же говорить...

— Без книги, — отвечает Намма хмуро, — ему и там, и там скверно придётся. Но вернуть её надо Властителю Земель. Это дело жреческое.

Китаец Рэй мельком взглядывает сыщику в лицо и тут же отводит глаза. Говорит:

— Можно, спрошу?

— Давай.

— Госпожа на Восьмой улице... Я её люблю. И по-моему, ей это надо.

И в чём тут вопрос? И что ответить? Госпожа-то не барышня уже, а замужняя дама, свататься к ней немного поздно.

Хотя... Сам Намма, так уж повезло, ни разу не ухаживал за мужними жёнами. А может быть, так и нужно — всё равно у отца согласия спрашивать, не на брак, а на просто так? Или за морем это принято?

— Это я уже понял. И что ты собираешься делать?

Если выберешься живым из этого дела. «Допишу»... В прошлый раз тебя не отрывали, так ведь? И всё сошло без сильной порчи. Потому ты и сейчас надеешься: обойдётся, если только подле книги не будет драки? С миром-то тебя Подгорные могут и не отдать.

Значит, Намме уходить, не решивши дела, нельзя. Худшее, что могут вообразить братья-воеводы, — это что сыщик их для виду успокоил, а сам двинулся за вооружённым подкреплением.

— Допишу вот. Дальше зависит от господина посла. Будет всё хорошо — при нём останусь. Ещё работу возьму. Тут в Столице — много. И письменно, и рисовать.

— То-то Дзэхэй обрадуется...

Китаец опять поглядывает на Намму. Спрашивает тревожно:

— Всё совсем плохо? Из-за книги этой? Но тогда господин не виноват, это я. Я мог же её вовсе потерять. Или испортить. Или ещё там, в архиве, всё неверно списать, с ошибками. И теперь сознаюсь, что тут не «Предание», а так, каляки.

За переборкой — громкий кашель на два голоса. Ладно, это потом.

— Понимаешь, Рэй, уже поздно. Явилось чудо. Где не ждали. И тому, кто не об таких чудесах молиться должен.

— Да. Бог военный. Который меч перегрыз. И теперь все боятся, что скажет старший в жреческой палате. Потому что его не спросили. Господина главного Конопляного.

Иноземцу и это всё уже объяснили...

— А может, лучше мне к нему сходить? — спрашивает Рэй. — К Коноплянному жрецу. Эх, жаль, в Облачную веру нельзя обратиться! А то бы я сказал, что хочу. И как бы жрец тогда меня не принял? Для вразумления.

— Лучше не пробуй. За сумасшедшего тебя всё

равно не сочтут.

— Да знаю, — без ложной скромности вздыхает китаец. — И всё равно бы этот бог не мой был. Я не у него учился, не воин...

Намма в сердцах комкает рукав:

— Насколько было бы проще, если бы богами занимались жрецы, воинами — воины! А не придворные и не монахи.

— Ага, понял! Нужен воин и жрец. А такого совсем нет?

— Был бы жив старый Полынный...

— А сын его? Господин моего господина? Ведь тут это по наследству, нет?

И каков наш вывод? Выбираемся из усадьбы Ямадо, нападаем с двух сторон на Дзёхэя — и убеждаем его, чтобы он перевалил всё дело с книгой на главу своего дома? Потому что совеститься на этот счёт уже точно поздно.

— Подумаем. Ты пиши пока.

Не в одиночку

Ёдзи, жрец Обрядовой палаты, глава дома Полыни

Мало что выглядит таким пустым, как стрельбище без лучников. Господин Ёдзи здесь сейчас один. И челядь не меньше опасается попасться ему на глаза, чем во время упражнений — угодить под стрелы. И правильно делает.

Дзёхэй тоже на глаза не попадается — вообще не появлялся в усадьбе после того, как Властитель Земель в Облачной роще потребовал книгу. Не ищет совета либо убежища у главы рода — но и во дворец не бежит со свитком. Тянет время. И тоже, наверное, правильно делает. Обижаться тут не на что.

Потому что и посол, и сам Полынный понимают: никто из них не может сказать, настоящее ли «Предание» привезено посольством из земли То. Или китайцы подделку подсунули. Или переписчик всё

переврал. Или ещё что. Решать, «Предание» это перед ним или нет, может только Властитель Земель. И если решит, что не оно — всё обернётся ещё гаже, чем сейчас.

Потому что тогда станет очевидно уже для всех: за то, что произошло в Облачной роще, за явление этого Богатыря, в ответе не книга, а человек. И это тоже правильно, потому что сваливать вину на книгу — это, наверное, можно в державе То, но не в Облачной стране. Беда в том, что человеком этим оказывается господин Унрин. И отвечать ему придётся не только за призыв бога, но и за то, что этот бог натворит. А если Властитель Земель потребует отца к ответу — смута и раздор не умерятся, но возрастут. Уже не только Облачная держава против Подгорного края, но и нынешний Государь — против прежнего.

Что такое смута и раздор — это Дзёхэй, кажется, сейчас представляет лучше всех. Понятно, что пытается держаться подальше и не торопить события...

Непонятно другое: что делать самому Полынному господину. А также Коноплянному, Копейному, Колокольному и остальным жрецам Облачного обряда, наследственным сподвижникам Государева рода. Что делать, когда оба Государя ошибаются? Ошибаются и бунтуют: ведь они оба берутся решать сейчас то, что нельзя решать без жрецов. Каждый хочет управиться в одиночку. Каждый пытается доказать: я Государь! — и доказывает ровно обратное. Потому что государь — это же и есть тот, кто не решает один.

И — да, увы: монах Унрин перестал быть Властителем Земель, но человеком так и не стал. «Виновен человек, а не письменные знаки»... Кабы хоть так! С него снято посвящение, он не соблюдает чистоты, он больше не верховный жрец — и вот, выходит, всего этого мало. Всё равно ведёт себя, как живой бог. Других богов в гости приглашает в свою убогую келью. Людей не жалеет. Натаскали к нему в обитель монахов со всей страны, всячески битых человеческой жизнью —

бывшему Властителю для примера. А ему наука не впрок. Обритая голова будто бы затем только, чтобы не слушать деда-Конопляника и остальное жречество. Настоятель Облачной рощи предусмотрительно убыл, проповедует где-то горным лешим. Самонадеянный мальчишка, младший Асано, неудавшийся служка Обрядовой палаты, якобы состоит при Унрине. Считает, будто помогает прежнему государю быть человеком. Взятся за непосильное и теперь исполняет будто бы человеческие приказы — а на самом деле причуды божества. Непредсказуемого и беспощадного, не смиренного должным обрядом.

Изгнание опасных духов — это вообще-то дело Полынного жреца. Только вот что из этого получится, если Ёдзи явится в монастырь со своим луком? Пройдёт ли полынная стрела сквозь Унрина, нимало не повредив ему? Или, словно боевая, пронзит человека — а бога не затронет? Потому что это — не новогодний обряд, а пытаться устанавливать новый обряд в одиночку — это не лучше того, чем занимаются сейчас оба государя...

Значит — не в одиночку. Обратиться к другим жрецам, к главе Обрядовой палаты. Если и на этот раз старый господин Асано скажет: «Всё хорошо, всё идёт как надо...» — и его в очередной раз послушают, значит, придётся что-то менять. Например, главу Палаты. Да и Лучника, пожалуй, тоже...

Господин Ёдзи одёргивает рукава, поправляет шапку. Очень неохотно делает шаг к калитке в соседнюю усадьбу — Коноплянью. Второй шаг, третий. Входит. Закрывает калитку за спиной.

Честные чиновники

Намма, следователь Полотняного приказа

Братья Ямадо, Правый и Левый военные советники

— Чего я не понимаю, господа, — говорит Намма, выйдя от китайца, — вам-то эта книга зачем?

— Не из любопытства, — отвечает Правый советник.

Левый откликается:

— Видишь ли, господин следователь... Раз уж тебе известно про явление бога в Облачной роще, так ты, наверное, знаешь и то, чего бог хочет?

— Я не жрец!

— Именно! Мы тоже! В том-то и дело!

Охрана занимает свои места, а все трое советников перебираются обратно в приёмную.

— В «Предании» написано, что это за бог. Мы сами сперва не понимали. Думали: господин Унрин задерживает бумаги, доставленные его послом, хочет ознакомиться с ними прежде Властителя Земель. Полагали — добыть книгу, представить список Государю. На случай, если Облачная роща... не сочтёт этого необходимым.

— Погодите, — прерывает Намма. — Который список? Тот, китайский, который привезён господином Дзёхэем? Но когда китаец с книгой оказался у вас — зачем потребовалось её ещё раз переписывать?

Братья переглядываются. Потом старший поднимает веер:

— Мы не знали, та ли это книга. А прочесть — не решались. Она не для нас переписана.

— То есть Рэй её сейчас переписывает — для вас?

— Теперь — да, — кивает Левый советник. — Потому что в первом же куске, который он нам отдал, говорилось об этом боге. Боге, в древности покорявшем наши родовые земли для передачи их под руку Облачного дома. Ты ведь уже знаешь, что он собирается продолжать?

— Что продолжать? — следователь слегка оторопел. — Разве Подгорные земли — не часть Облачной страны уже много веков?

— Вот и мы так думали, — взмахивает рукавами Правый советник. — А он хочет нас покорять! Опять! Поголовно! Под корень!

— Нам сообщили, — поясняет Левый советник, — что бог обеспокоен тем положением, которое наш род занимает в стране. И подозревает нас... скажем так, во вредительстве и разветвлённом заговоре.

Вообще-то вредительство и заговоры — это дело Полотняного приказа. Если делами сыска будут заниматься даже не военные чиновники, а прямо-таки боги... Нет уж!

— Я не жрец, — повторяет Намма. — Но по моему разумению — это чушь.

— Твоими бы устами, господин следователь... — вздыхает старший Ямадо. — Вот и Государь так думает. Только, кажется, убедить Облачного Богатыря пока не удаётся. Он — воин, он стал богом, думая о нашем роде как о врагах. Просто ли ему сейчас переменить суждение?

— Хуже того: возможно ли переменить? — подхватывает младший брат. — Если из «Предания» можно это вычитать — нам надо его дочитать.

— Именно вам? — уточняет Намма.

— Нам. Потому что Властитель Земель, разумеется, уже прочёл книгу, как только узнал о случившемся в монастыре. О явлении бога знает уже половина Столицы, не так ли? Вот-вот это дело возьмут в свои руки жрецы — потому что нельзя же его оставить монахам! И что хуже всего — это будут не только жрецы Облачного обряда, но и наши, Подгорные. Глава твоего дома, Конопляный жрец, рано или поздно должен будет высказаться. Наша тётушка, Великая Солнечная жрица, тоже не умолчит. И если вызов Облачного Богатыря будет принят... Как поступят боги — это и впрямь дело жрецов. А вот если начнётся война под самой Столицей — это напрямую касается нас. Всех нас — и тебя тоже, господин Намма. Потому что чем бы такая смута ни завершилась — пойдёт прахом всё, что веками пытаемся делать мы с вами. Честные чиновники Облачной страны. Из любых родов.

Следователь задумался. Наконец молвит:

— То, что для вас переписано, господа, вы читаете со свитка? Или китаец вам вслух зачитывает?

Кажется, воеводы не ждали такого вопроса.

— Сами. Иначе бы и список был не нужен.

— Тогда я вернусь на рассвете. По словам писаря, всё будет готово. Список вам, а мне — исходный образец и этого китайца.

Теперь задумываются братья Ямадо. И одновременно кивают.

Не умею

Хатидзё, он же Асано Иэнори, мирской распорядитель храма Облачной роци

Облачный Богатырь

Курган с одного бока оползает к реке. С другого бока вытоптан: сюда борцы ходят с подношениями. А круга для состязаний тут нет.

— Садись, Иэнори.

Хорошо ли это — сидеть на могиле своего собеседника?

— Ничего. Тут Подгорные всю страну... засидели.

Ты нынче мрачнее давешнего. Пробируешь принимать зримый образ. Фудо как Фудо, только волосы не курчавые, а просто нечёсанные, длиной — ниже пояса. Ну, и конечно, телом ты намного шире.

— Иначе совсем на себя не похож буду.

Опускаешься рядом. Курган немного проседает.

Трудно так выглядеть?

— Не проще, чем человеку делаться невидимым. Ладно, раз надо...

Надо, наверное, потому что отвлекает от обиды.

Вон как всё подробно: не просто тело, а ещё и зубы каменные на нитке вокруг шеи, и перевязки на запястьях... А глаза — не огненный взор Фудо, обычные черные глаза, человеческие почти. Только Облачными цветами переливаются.

— Это не обида, он же не врёт. По правде им

доверяет, Подгорцам. Ему-то я верю. Им не верю.

А что, по-твоему, с ними делать?

Вздыхаешь:

— Лучше бы их вовсе не осталось. Но раз уж они ещё есть — пусть место своё знают. К нам не лезут. В Подгорье у себя, пожалуй, пускай сидят...

Да может быть, наглость их — как раз от незнания? Забылось уже, как это было, когда их к Облачной стране притягивали.

— Коли так, это и впрямь обидно. Для меня. И для твоих предков, и для всех, кто с Запада.

Так, наверное, пора напомнить. Что ты есть, что ты здесь — им уже рассказали, конечно. Только не очень-то они засобирались к себе домой. Значит...

— Самому надо напоминать. Да Государь хитро придумал, с этим изваянием...

И пропадаешь из глаз. Только вмятина в курганном склоне. Голос:

— Пойду к ним сам — скажут: этот явился, как его... Недвижный Пламень. По их подгорской великой святости перед Просветлённым, небось...

Угу.

— Зачем было звать, если я вам НЕ НУЖЕН?

Мне — нужен. Разве ты не видишь?

Молчишь, но остался здесь.

Значит, будем думать, как обойтись иначе. Но одержимого взять ты не хочешь? Чтобы его устами всё сказать. Глазами же моими ты смотрел...

— Где мне такого взять...

Есть девки-вещуньи. В нашем святилище Облачной рощи пока их нет — так набрать можно. Жрецы есть. Просто чуткие люди. Да хоть я сам.

— Все слишком другие. Это не должно быть только как одёжка, будет только мешать. Люди иначе смотрят, чем в мои времена, иначе меряют, говорят иначе. Здесь у вас середина страны, Иэнори. А был рубеж. Нынешние, кто из приграничья, вояки эти конные... Они тоже не поймут. Не помнят, что рубеж не где-то там, а тут.

Стало быть, для тебя одержимого надо отдельно готовить. Объяснять. Научить видеть и рубеж, и врагов. Да так, чтоб человек со страху не помер.

— И своих не поубивал бы. Так нельзя, пока не в бою. Да и кто учить-то будет...

Ты, кто же ещё?

— Я не умею.

А если не напрямую попробовать? Ты ведь можешь показать человеку, что ты видел и делал. Про войну, про Подгорцев. Не словами из книги, а как вживую. Попробуешь? Мне покажешь?

— Попробую. Я осторожно.

И что?

А всё то же. Склон кургана, деревья, стена вдалеке. Только там, за спиной...

НЕТ!

Взяла привычку кувыряться, земля Столичная! То в Роще, то тут... Поднимаюсь, возвращаюсь на место.

Не получилось. Защита мешает. Или дедушка в своё время за меня крепко молился, или сейчас тоже — ограждает, или настоятель Унрина в своих молениях поминает меня...

Ничего не вижу. А слышу — будто за спиной главная городская площадь, полная народу, и все молятся. Одни по-Облачному, другие по-монашески, вразной и невпопад. Очень громко и бессвязно.

Ещё раз, Богатырь? Вообще-то раскрываться из-под защиты меня учили. Я постараюсь. Просто отвык.

Опять. Ох, теперь и музыканты присоединились. На разбитых колоколах и каменных погремушках. И поют по-индийски. Бред какой...

Или это не мои молитвы? То есть не про меня. Это про них, про твоих соратников и врагов. Конечно, не в лад — если за них за каждого по отдельности кто-то молился! И до сих пор молится, в том числе и буддам.

Затихло. Теперь вовсе ничего не слышно. Ни реки, ни деревьев, только тебя.

— Нет, не выходит. Наверно, видеть тоже надо учиться...

Да. Я, сколько живу, наоборот, учусь не видеть. Сначала для Обрядовой палаты, ибо боги наши незримы. Потом для себя, чтобы из-за каждого зрелища с людьми не ругаться. Ну, и для храма тоже пригодилось: имей в виду, добрый сын, всё вокруг — морок, так на него и смотри, как на пузыри водяные. Не вижу наваждений, не слышу глупостей, не говорю вранья...

— Так тебе — НЕЛЬЗЯ? Что ж ты молчал, ДУРАК!

Почему нельзя? Рубеж ведь по правде был.

— КАКУЮ я войну тебе покажу без обманов и без вранья?

И чуть успокоился, говоришь:

— Борьбу в кругу, что ли? Так ты её и так видел.

Плохо дело. Подгорцам тем более не покажешь, если так. Есть монашеская защита, вот эта: не вижу — не слышу. А есть чиновничья. Не смотрю, а книжку читаю. Про героев древности, которые нам образец.

Но погоди. Книжку. С картинками. Человек, кто умеет видеть, кого на это натаскивали, как меня на защиту, — у нас же, кажется, такой есть. Рисовальщик.

И подарить эту книжку господам Ямадо.

— А он сам-то уцелеет? Я тут судить не возьмусь, я его не вижу.

Так этот китаец в Роще и не был.

— Я знаю, что он есть. По младшему Полинному человеку. В мыслях у него — есть кто-то такой. Сам пытаюсь его разглядеть — будто нет человека. Наверно, для меня его страна — как для тебя мои времена. Слишком далеко от Рубежа.

Попробуй через меня, я-то его вижу. Я его приведу сюда. А уцелеет ли — думаю, да. Он же не бояться будет, а соображать, как показать, чтобы кто надо испугался.

— Не шаманить, а личину раскрашивать? Ну, давай попробуем так.

Свобода

Асано Иэнори

Облачный Богатырь

Пойду в храм, пересмотрю наши запасы красок. И прикину, как быть с бумагой. Хорошая книга для подношения — это примерно тридцать больших листов. И примерно вдвое больше на пробы и на переделки.

Ещё бы этот китаец там у себя дома не сумел переписать «Царское предание»! Вот кто был без защиты совсем. Государство его в расход списало. Семья ежели и молится, то за упокой. И сам он от родных отрёкся по-настоящему, чтобы их тоже не казнили.

А тут он и вовсе чужой. И людям, и богам. Когда человек свободен, он — невысказанно сколько всего может.

Мне это не грозит. Стоило дело рождаться человеком, если никогда потом им не жить? Кем угодно: школяром Училища, обрядовой служкой, монастырским управляющим, сыном, внуком, мужем, зятем. Только не собою. Ни жить, ни умереть: только числиться или выбыть. Да напрочь и не выбудешь: получишь перевод с повышением, в Чистую землю Просветлённого. Ну, или со взысканием, в ад.

И так все кругом. Вокруг каждого облаками слои защиты: все эти родовые списки и должностные ведомости. И храмовые моленные перечни. Если кого и видел я без этого кокона, так не в жизни, а только в храмах — медные и лаковые обличия, подвижники и будды.

А если идти путём сострадания, как наши монахи, — то кокон только растёт и нити прочнее делаются. Хочешь подвижничать? Давай, молись за родичей, за друзей, за посторонних. А они за тебя. И пусть все отступятся, но где-нибудь в Индии или как там зовутся эти дальние западные страны за тебя помолится посторонний. И ты опять не будешь собой: будешь его

дальним неизвестным собратом.

И сколько ни убеждай себя, что ищешь свободы, ничего не получится. Уходи из дому, отказывайся от сана, отрекайся от власти — всё зря. На картинки или изваяния освобождённых — смотри, пожалуйста. Сам — ни-ни. Бабочек — и тех ради кокона держат, а уж людей Облачной державы...

...Трава. Очень толстая. Она такая всегда, если в ней лицом лежишь. Только кровью измазана. И руки тоже. После битвы.

Очень хорошо: битвы. С кем? Наверно, с Подгорьем. И оно где? Тоже тут где-нибудь лежит?

Если не подняться, хоть на карачки, так ничего и не увидишь. Придётся вставать. Я-то, кажется, живой. И победил. Ну да, судя по тому, что рожа опять-таки в крови.

Это всё тот же день? Сколько до заката? Не помню. Где было солнце до этого? Вот где-то прямо тут оно стояло, как раз зубами дотянуться? Не помню.

Убитых вокруг не видать. Уже унесли? Или они сами уползают?

Дорога впереди, примерно в четырех шестах отсюда. Столица вдалеке видна. То есть рубеж вправду тут. До сих пор.

Иначе говоря: распорядитель возвращался от кургана к монастырю. Кого-то встретил. Напал. Разорвал своими грамотейскими ручками. В последний раз потомок рода Асано самостоятельно убивал кого-то... в общем, давно, когда-то в позапрошлой летописи. Зачем самим, на это воины есть. Мы отдаём приказы.

Хотелось бы знать, чей приказ я исполнял. Государя с Бурых Камней? Не помню. Или и впрямь Подгорцы уж так распустились, что мне одного их вида хватило? Служат, мол, нахальные выскочки, а я из Палаты уволен без повышения... Или ещё проще? Монаха Нэхамбо отправили меня искать, мы

встретились на полдороге, и вот, в безлюдном месте, видя его дёрганную морду с печатью святости, я решил: с меня хватит. Сходится?

Ничего я не решал. Не был я воином. Был оружием. И любой человек так, когда воюем. То есть когда боги нами воюют.

Потому и не помню ничего. Но никакого кокона точно не было. Ну, или ножен.

— ИЭНОРИ!

Осторожно, Богатырь! Нельзя сюда, тут кровь. Скверна. И может быть, покойник.

— МНЕ ли беречься крови?

Он уже совсем рядом.

— Ты что? Я ж сказал — не нужно пока одержимых!

Пока. До возобновления войны. Не нужно.

— Какой покойник? Не чую. Разве что я.

А новый, только что...

— Нет никого.

И кровь на руках, оказывается, моя. Из носу.

— Я ж тебе не приказывал!

А это не ты, Богатырь. Это Просветлённый, я думаю. В порядке уловки. А то можно долго рассуждать: свобода, свобода... Чтоб я знал, как это бывает. Когда совсем один. И даже меньше одного, себя-то тоже нет.

Нужна защита: и жреческая, и монашеская. Теперь понятно, от чего она. И от чего надо защитить и Подгорных, и Облачных.

Спасибо.

Хватит!

Властитель Земель

Обрядовая палата во дворце: сад, часто-часто разгороженный стенками, и в каждой — священные воротца. Даже если скверна проникнет в один из этих закутков — не пройдёт дальше. Если только её не пронесёт кто-нибудь живой на себе.

Деревья Облачного края, нашей исконной западной земли. Домики на столбах: святилища Государевых предков, и самых древних, и тех, кто царствовал уже в этой столице. Тут всегда прохладно, всегда облака — будто в горах или над прибрежными камнями нашего моря.

Иному такая святость была бы непосильно тяжела — а Властитель Земель здесь успокаивается. Тут получается не выступать размеренным обрядовым шагом и не метаться вихрем, а просто посидеть и подумать. Есть над чем: во дворце только что не мятеж.

Конечно, срединная Столица — не дикая окраина, тут и бунтуют пристойным образом. Утром к Государю явились его сподвижники — все, от Конопляника до Обезьянца. Почтительно заявили своё безмерное возмущение. Ну как же, Облачный Богатырь вышел из кургана, их не спросившись! Что он и Властителя Земель не спрашивался — об этом речи всё-таки не зашло. Но жрецы удивлены, что Государь без них решает, как со всем этим быть дальше — без них, но лишь с отцом своим, монахом.

Можно подумать, с отцом можно что-то решить!

Не подмога, а помеха. И они все это прекрасно понимают. Государь стоял, смотрел из-под пятицветной личины на эти лицемерные рожи. Молчал. Ждал: ну и что они у него за спиною придумали, сподвижники?

Прадед, как всегда, говорил от лица всех. Всем, дескать, ясно, что тут надобно делать, случай-то простой. Не понимаешь — ну, так ты ещё мал. Слушай, мы тебе растолкуем.

Батюшка-то и в самом деле зарвался. Запутался. Ещё немного — и позвал бы сына: помоги, ты Властитель Земель, я тут без тебя не справляюсь. Иначе зачем он уходил в Облачную рощу? Великому мужу и создавать великие сложности, а Властителю Земель — их решать. А тут оказывается: всё уже решено, и оба, отец и сын — дураки перед старшими.

Надо, говорят, всем вместе воззвать к предкам

нашим, ко всем богам Земли и Неба, дабы божье собрание усовестило Богатыря. И не велело ему больше избивать потомков Солнечной Ткачихи. Вот и всё. Видишь, как просто, верховный жрец!

Аварэ, какие почтительные потомки у наших предков! Заранее знают, что те на своём совете постаноят словом грузным. Кто не жрецы — те, похоже, в своей небесной прабабке вовсе не так уверены. Не захочет ли она снова потягаться с Великим Властителем за эту землю, как когда-то.

Богатыря понять можно: ему никто не указ. Разве что тот Государь из ставки на Бурых Камнях, кто послал его воевать Подгорцев. Воззвать к этому предку? Попросить, пусть уж отпустит старого воина на покой.

Отпустит? Или другой приказ отдаст?

О чём отец думал, когда звал Богатыря из кургана? Ведь ясно же написано в «Предании»: ничего другого, кроме как сражаться за Государя своего на Облачном рубеже, этот бог не может и не будет делать. Других супостатов ему не предложишь, мирного дела не присватаешь. И в защитники заморского Закона не поверстаешь. А Подгорные отцу ничем не мешают. Даже при том, что Властителю Земель они нравятся. Государь, может, и молод, да не настолько мал, чтобы воображать: вот, чуть только у меня заведутся друзья, так батюшка всё сделает, чтобы их известить... Не было у господина Унрина такого намерения.

А какое было? Или в иноземной книжке как-то совсем криво про Богатыря рассказано, а отцу память отшибло и он не видит подлога? Или от чужестранных писаний ум расстроился, наши предания стали непонятны? Не похоже.

Или всё затеяно не ради Облачной рощи, не ради Богатыря, даже не ради стариков из Обрядовой палаты. А для сына. Чтоб посмотреть, как мальчик справится.

Тогда выходит, никакой он не Государь там у себя в Унрине. От Властителя ничего не осталось. Потому что государи так со своей страной не поступают. Остался

просто любящий отец? Не унижить, чтоб сын пришёл помощи просить, а наоборот, испытать. Дать случай довести до совершенства свои властительские дарования.

Острова Облачные жалко. А так — даже лестно было бы... «Я верю в тебя, дитя моё, хоть ты и бог живой.»

Всё, хватит пока что с нас бесед с богами. И со жрецами тоже. И в одиночку я решать не буду, не дождётесь! Великий Властитель не решал сам — и я не буду. Он советовался со встречными, и я буду так же.

Государь Облачной страны достаёт из рукава исписанные листы. Бумага — вещь святая, с ней можно заходить сюда. Не глядя, вытаскивает из стопки один листок. Смотрит. Улыбается.

Да! Хороший встречный. Не попрошайка и не умник. То есть и то, и другое, но как раз в меру. И ровесник. И не из Подгорья.

Государь вылетает из Палаты, проносится ещё через два безлюдных двора, окликает первую попавшуюся дворцовую даму:

— Пусть пошлют за Наммой-младшим! Немедленно!

Доверенный советник

Госпожа Хатидзё

Намма, её отец, следователь Полотняного приказа

Дзэхэй, его друг

Рэй, китаец

Намма Садаёри, брат госпожи

Рано утром батюшка притащил Рэя, совсем вымотанного и обалделого. Отвёл его к господину послу, и тот долго-долго ругался по-китайски. Потом Рэя отпустили спать. Он пошёл будто бы на задний двор, но по пути завернул ко мне: извиняться.

Так выразиться, как господин Дзэхэй, я всё равно не сумею. Поэтому сказала только:

— Писать надо грамотно. Один почерк подделать — мало.

И с величайшей холодностью уложила его тут, на женской половине. Он сразу и заснул. А я пошла подслушивать, о чём батюшка с послом толкуют. Правда, я уже много пропустила.

— Я вернулся, — говорит господин Дзёхэй, — в другую страну. И к этой стране не прилагать китайские мерки мне трудно — а прилагать страшно. Потому что за морем всё, что я тут вижу, означало бы однозначно: скоро война.

Помолчал, но батюшка ничего не ответил, только закашлялся. Посол продолжает, уже громче:

— И что тогда? Ждать решения старших родичей? Покойный господин Ёдзи велел бы нам всем ехать на восток, где наши Полынные земли и дружина. Но нынешний — нет, он человек столичный. А Столица очень изменилась — не знаю, насколько это заметно тем, кто в ней живёт всё это время.

— Заметно, — говорит батюшка. — К счастью, заметно. Иначе бы смута уже началась. Но такого всё-таки слишком многие не хотят. Просто потому, что мало кто представляет, что он на этом сможет выгадать. Хуже всего, что теперь, похоже, уже не обойдется без божественного вмешательства. Я за пятнадцать лет немного научился рассчитывать, как поведут себя люди. Но не боги же!

А дальше, похоже, они перешли на обсуждение какой-то крамолы — письменно, так что я ничего не слышала. Но, в общем-то, мне хватило. Это что же получается? Скоро грянет смута, боги что-то замышляют — а господин распорядитель даже не удосужился мне об этом намекнуть? Ведь наверняка знает! Вот и будь тут добродетельной супругой!

Пошла бы прямо сейчас к мужу и всё это ему и выложила — да женщину ведь в обитель-то не пустят!

И тут появляется братец. Вот получается же у некоторых, не теряя сановной важности на лице и в

повадке, бегать вприпрыжку!

— Батюшка тут?

— Тут, — говорю, — только он закрылся с господином послом, утешает его в скорби.

Братец походил вокруг Дзёхэевых покоев кругами, потом вернулся ко мне:

— А господин посол изволит скорбеть не по поводу ли происходящего в Облачной роще?

— В частности, — отвечаю я пронизательно юноше.

Он переходит на шёпот:

— Тогда слушай — я не знаю, успею ли батюшки дожждаться, меня могут срочно вызвать. Так что ты ему передай — но только ему!

— Да что стряслось-то?

— Властитель Земель призвал меня в качестве доверенного советника!

Тогда понятно, что он так распрыгался. Ну не всё ж господину распорядителю быть наперсником государей!

— И чего ты ему насоветовал?

Тут он мне и рассказал всё — и про явление божества, и про распрю между Властителем Земель и господином Унрином, и про беду, грозящую Подгорью. Вообще-то зря я с ним раньше не потолковала...

— И решил Государь, — говорит братец, — подтвердить союз свой с Подгорным краем пляской Великого Примирения. Для всех это будет напоминание о давнем славном деле, а для Богатыря словно бы впервые тот мир заключится. Понимаешь, Богатырь же не видел, как это было. А боги верят только собственным глазам, как я выяснил.

— Ну да, — киваю. — Словесные показания бывает, что и расходятся.

— Пляска с оружием и щитами, сами господа Ямадо её будут возглавлять, а с ними ещё люди их дома. Покажут, что сначала видели в нас, то есть в Облачном доме, достойнейшего супротивника, а потом им и этого

стало мало: захотели, чтоб это был их предводитель, а не супостат.

— А сами Ямадо об этом знают?

— Государь им втайне даст знать. По всему выходит, они честные чиновники. Вон как со складами Военной палаты управились! И тут всё получится, пляскам-то они обучались.

— Главное, чтобы бога это успокоило, — говорю.

— Погоди, пляска — ещё не всё. Какие узы для богов прочнее всех? Правильно: семейные. Мы с Государем подумали и решили, что ему надо породниться с Подгорными. Взять себе второй женою сестру столичных господ Ямадо. Тут, кроме прочего, ещё одно государственное соображение. Что бога удручает? Что Подгорья никто уже не считает опасным. Так если девица Ямадо войдёт во дворец, да ещё, может быть, дитя Государю родит, — тут уж все столичные семьи за Ямадо будут следить, крепче чем за самыми лютыми врагами. Как бы Подгорные в слишком большую силу не вошли. И Богатырь получит, чего хотел, и никто не в обиде.

Это, конечно, хорошо. Интересно, как теперь начнут следить за новым Государевым доверенным советником...

— Погоди-ка, братец! Это которая девица Ямадо? Сестра военных советников?

— Ну да. Та самая, которая с нашей мачехой всё время переписывается под именем Пересмешницы.

Вот так новость! Нет, конечно, я не обольщалась, что лучшей моей подруге тоже не с кем больше словом перекинуться, кроме как со мною. Однако же...

— Хотела бы я знать, о чём они могут переписываться? Совсем ведь друг на друга не похожи...

— А чего — «не похожи»? — пожимает плечами братец. — Видел я кое-какие из этих писем, тушь на них расплывается — такие зарёванные. О повестях всяких, о барышне Плющ, о третьем советнике, плавающем среди водорослей, всё в этом духе. Ну, дура. Но для

державы-то это не важно! Даже хорошо, что эта девица — не хитроумна и не злокозненна, Властитель Земель не подпадет под ее пагубное влияние...

Да, конечно, не хитроумна.. Только вот я бы, наверное, не смогла так переписываться с мачехой — прочесть ради того все эти повести, проникнуться страданиями бумажных влюблённых... Надо бы с Пересмешницей осторожно объясниться. Мало ли с кем еще она в переписке состоит, раз уж на то пошло!

— Ну, хорошо, если всё так и получится, — говорю. — Только ты, братец, всё-таки поосторожнее там, во дворце.

— Ты тоже. Никому кроме батюшки не говори. А меня Государь женить пока не собирается, не бойся.

Никому — значит, и самой Пересмешнице тоже... Что ж, может, пока и не стоит! Сперва сама разберусь.

По-родственному

Хатидзё, он же Асано Изнори, мирской распорядитель храма Облачной рощи

Господин Унрин, отрекшийся государь, монах храма Облачной Рощи

Властитель Земель, его сын

Какой-то новый младший жрец — не помню его по прежней службе — осмотрел нас с господином Унрином. Сказал, что скверны нет, можно во Дворец.

Пожалуй, в этом-то всё и дело: скверны нет. Не то что сами мы ни над чьим покойником или хворым не молились — даже с монахами из Рощи в последнее время близко не общались. Они-то молятся исправно, так что нечисты...

Список «Царского предания» также чист. Бумага письменами не опоганена. Хотя едва ли Ёдзи бы его отдал нам, если бы заметил что-то нехорошее. Где они с Дзёхэем в итоге откопали свиток, мы так и не знаем. Но Властителю Земель сами Полынники его не понесли.

Не то чтоб мы вовсе не ждали в приёмной. Но

недолго.

— Замечательно! — восклицает Властитель, видя нас. Хватает свиток и раскатывает его рядом с другим. Тот уже развёрнут на полу от стены до стены вдоль всего покоя.

Бумага разная, а в остальном две книги выглядят совершенно одинаково. И почерк, и даже метки на стыках листов. Отец и сын внимательно сличают письма.

Так и пересаживаются, продвигаясь по свиткам. Всё дальше от порога, где я сижу. Наконец-то нашли, чем заняться вместе, вот так рядышком. Оба смотрят и ждут: вот, сейчас я или он найдем различие, да как вцепимся друг в дружку! Аварэ, у тебя наврано, да нет же, это у тебя ошибка... И про это своё единодушие сами знают. Вот отчего бы так и не встречаться? Летописи, допустим, можно пересматривать, там свитков много.

Дойдя до конца, Властитель Земель вскакивает на ноги:

— Ладно. Это «Царское предание».

Государь решает, его это родовая святая книга или нет. Вот, решил. Все ждали от него обвинений: Унрин, мол, завёл себе подделку и с помощью неё вершит обряд. Так нет: по Государеву получается, Унрин настоящую святыню раздобыл. Лучше это? Или ещё хуже?

Унрин глядит на сына примерно так: да сошли меня на дальний остров, если тебе оттого полегчает, или заточи, для меня же главное — чтоб тебе хорошо было.

— Я не спрашиваю, — молвит Властитель Земель, — что оно делало в Облачной роще. Я не спрашиваю, что ты с ним там делал. Воистину, если бог желает явиться — бог явится. Я спрашиваю: что ты, монах, собираешься делать дальше.

— Не говори плохое слово, — поправляет Унрин будто по привычке. — Не «монах», а «бритый»: жрецам надо так говорить. А лучше даже «волосатый», так

совсем чисто.

Сын словно бы не слышит. Продолжает выжидательно смотреть. Неподвижен, как на обряде — и это страшнее, чем когда он мечется.

Господин Унрин начинает медленно:

— Боги в своём божественном рождении тоже страдают, как и все живые. Богатырю воздаяние пришло за боевую ярость — в виде процветания врагов, Подгорцев, с которыми он воевал. Редкое счастье я вижу в том, что он смог это прямо высказать. Видно, моления настоятеля моего тому причиной, что слова Богатыря прозвучали именно в нашем храме. Значит, я сделаю, что смогу, для избавления бога от его муки. Что именно сделаю? Постараюсь показать ему: не те враги, кто родом из Подгорья, а те, кто в родной Облачной стране соседские имения разоряют. Их-то мечи и надобно грызть без пощады. Не истреблять, а разоружать, ибо Закону Просветленного сообразно это. Для такой цели, думается мне, и нужно святилище Богатыря при нашей обители. Ведь основная наша цель — защита страны. Говоря более узко, исходя из условий нынешнего века — защита одной части общины от другой её части. Ни одной из частей невозможно пожертвовать, обе — наши, вредить одной из них значит вредить всей общине Просветлённого. Стало быть — не карать, а обезвреживать. Вот так я это вижу.

Властитель Земель кивает, не сводя с отца глаз. Приподымает раскрашенную бровь:

— Постарайся показать ему... Как? Наставлять наших богов — тебе это под силу?

— Наставлять — нет, а просить каждому под силу. Иначе боги бы не назывались «нашими». Тут так же, как с людьми, Государь. Как человек, так и бог для меня — собрат по общине. Потому что всех нас касается милосердие Просветлённого. Как собрата и попрошу. Никакой жреческий обряд для этого не нужен.

Господин Унрин всё-таки выговорил: «Государь». Не придерёшься. Дураки в Столице думали, будто монах

из Облачной роци хочет царствовать. Нет: он хочет благословлять государей. По-монашески, Закона ради.

Властитель Земель, кажется, доволен: срывается с места и начинает носиться по палате. Говорит уже почти приветливо:

— Обряд понадобится для другого. Если богу тяжело верить мне и моим друзьям — ему надобно помочь. В чём Подгорцы не могут убедить словом — покажут пляской. Что не выскажет пляска — то сделает кровная связь. Я роднюсь с домом Ямадо!

Замер, всплеснув рукавами, смотрит через плечо.

Унрин разводит руками:

— Вопросами женитьбы монахи не занимаются.

Властитель Земель кивает:

— Да, конечно. Пусть прадедушка считает, что это он меня надоумил.

И впервые улыбается. Нам обоим — по-родственному.

Летучая Белка — Пересмешнице

... По-моему, они задумали что-то нехорошее. Против тебя и против Рэя. Будь осторожна! Правда это или нет, но я слышала: у тебя объявился поклонник, и он находится в сложном положении... А Рэю опять предложили работу, опять вне дома, и мне это совсем не нравится.

Господин распорядитель и предложил. Зашёл ко мне, а Рэй сидел тут. И никакого занавеса, потому что он рисовал. Да и вообще глупо прятаться. Будто жулики: как если бы мы у господина Хатидзё что-то нужное ему отнимали. А мы-то просто нашли, куда применить то, что ему в доме без надобности. Никто не обделён.

Супруг мог бы возмутиться: посторонний мужчина в женских покоях, да ещё иноземец. Только ведь это мы тут в гостях, а Рэй — человек господина посла, он дома,

может ходить, где хочет. Мог бы муж китаец и не заметить, как слугу. Или, если тот не слуга, а заморская диковинка, мог бы подивиться. А он поздоровался со мной, потом с Рэем — и говорит ему:

— Хорошо, что ты здесь. Я хочу тебе предложить работу. Книга с рисунками, точнее, свиток из картин с подписями. Только рисовать нужно не с образца, а по впечатлениям очевидца. Это из жизни: не повесть, не сутра, а быль. Назидательная быль. Условия: за день работы — довольствие расчётом на два месяца. Или можно обсудить, сколько ты возьмёшь.

Рэй немного растерялся. Он ведь с тех пор, как нашёлся, господина Хатидзё ещё не видел.

— Я бы, — говорит, — считал честью. Но мой господин... Он велит: служить, не работать. А то опять будет, как на той работе.

— А что там с тобою случилось, ежели то не тайна?

— Я там застрял, — вздыхает Рэй. — Очень не вовремя.

— Понятно, — кивает муж. — Хорошо, поговорю с господином послем.

... И ведь договорился! Господин Дзёхэй согласился. Очень неохотно и с условием, чтобы всё это не втайне от главы Полинного дома, но согласился. А я боюсь. Мне ведь ни Рэй, ни даже батюшка толком не объяснили, где он в тот раз пропадал. И что за книгу тогда потеряли. И что за очевидец теперь, я не понимаю. Почему с его слов записать нельзя, а надо рисовать прямо по рассказу?

И вообще это дурная примета: когда кому-то находят дело в Облачной обители. Их потом оттуда не дождёшься.

А батюшка осторожно-осторожно стал расспрашивать меня: соображаю ли я, что я замужняя женщина? У китайцев, оказывается, принято родительского благословения испрашивать даже и на тайную внебрачную связь. Что Рэй и сделал.

Он ведь и мне про это сказал, ночью после того как вернулся и выспался. Если бы, говорит, ты меня сразу выгнала, я бы всё равно заказчиков искал, только ещё больше, и чтоб заказы сложнее. Чтобы заслужить твоё любопытство, а потом уважение, а потом, может быть... У нас, отвечаю, такие уроки только незамужние девицы женихам задают: подвиги совершать. А потом над женихами же и смеются. Или, в лучшем случае, их оплакивают. А Рэй мне: была б ты барышня, я бы к тебе и не подступился...

Так что — соображаю я, что замужем. А раз так, говорит батюшка, и раз ты помнишь, что ты — умная замужняя дама, то могла бы понимать, что в ответе ты будешь. Не заморский жулик, какой бы он ни был сам по себе хороший парень, а именно ты. Я говорю: понимаю. Батюшка вздохнул и больше ничего не сказал.

Рю ворчит: да валила бы всё на меня! Что китаец ко мне шляется. И все бы перестали любопытствовать. Я спрашиваю: а как же твои родичи? Ничего, отвечает: дед им объяснил, что это не колдун, им тоже до него дела нет.

А теперь Рэя забрали в монастырь. Он записки присылает, пишет, что любит, что у него всё хорошо, заказ интересный, таких у него ещё не бывало. А когда вернется — не пишет. Даже что «скоро»...

...В общем, мне тут грустно и одиноко. Господин распорядитель выпроводил Рэя, но и сам дома не остался. Мачеха предлагает, чтобы я пожила пока у них. А я даже и не знаю... У меня с нею разговаривать плохо получается. Что бы ты присоветовала? Вы же с ней хорошо знакомы...

Битва

Хатидзё, мирской распорядитель храма Облачной Роши

Облачный Богатырь

Рэй, китаец

— Возок-то зачем?

— Надо, — отзывается китаец Богатырю. — Это колесница.

И с неё, на полном ходу, Подгорные отстреливаются от наших. То есть демоны — от воинства Фудо. Боевая повозка катится по косым лучам, в правый нижний угол листа. Облака надвигаются из левого верхнего.

— Где ты видишь тут коней? Да ещё упряжных? Не было такого!

— Было. Раз древность — значит, колесницы.

Бог показывает, художник рисует. И оба упрямые.

Шелковая крыша над повозкой, треугольные знамёна, пояса и не знаю уж что за накидки на воинах — всё горит, треплется языками пламени. Искры с неба летят во все стороны. Внизу, на земле, полыхают крыши домов, ворота храма, листья на дереве. Поле осеннее — тоже горит. Люди разбегаются, свинью тащат на поводке. Зачем свинья, китаец просто объяснил: не бросят же... Тут бог не возражал. Птицы над рисом кружатся и падают, с неба рушатся убитые ратники. Исчезают, не долетев до земли.

Уже три таких листа есть, сейчас делают четвёртый. И на каждом — рубеж. Там, где сталкиваются лучи и облака.

— Тебя не поймут. МЕНЯ не поймут!

Рэй никуда не смотрит, только на бумагу. Рисует быстро-быстро, будто обводит то, что на ней уже есть. Пока только черная тушь, краски и надписи — потом.

— Пусть будет повозка, — говорю. — Господа военные скорее поверят. В китайских-то книгах — так.

— НЕ МЕШАЙ!

Чтобы друг друга слышать и ругаться, я им уже не нужен.

Все эти дни китаец на себя не похож. Вернее, на того суетливого челядинца, что был на Восьмой улице. Какой ещё «слуга»? Есть заказчик — и есть мастер. Ты,

дескать, бог, я человек, давай не будем меряться, кто круче. А лучше вместе изготовим благочестивый свиток: «Недвижный Пламень Фудо сокрушает ложные страсти». Отчего бы страстям не ездить на колеснице?

Неслыханный будет случай: не миряне подносят в храм картину, а наоборот, монах Унрин — мирянам Ямадо. Если, конечно, эти двое доведут дело до конца и не разнесут попутно Рощу и Столицу.

— А ЭТО кто?!

— Ох-хх... Это слон. Вроде быка с кабаньими клыками.

— НЕ БЫЛО!

— Знаю. Их вообще не бывает, только на картинках. Но раз тут боги дерутся, значит, нужны слоны.

Господин Унрин не выдержал уже на втором листе, удалился в келью. Теперь даже Богатырь утомился. Спрашивает тихо:

— Зачем тебе всё это? Чудища, кони, тряпки, бляхи всякие...

Рэй откладывает кисть. Закрывает глаза.

Отвечает:

— Иначе будет не понятно, какое войско где.

— Но было ведь уже правильно! Облака и Солнце.

Разве мало?

Ему мало. Рэю нужно, чтобы оба воинства выглядели игрушечными. Внизу, у людей — настоящая жизнь и смерть. А эти сражения за высшую правду... «Дерутся тигры, а гибнут живущие в травах».

— Ты не воин, — вздыхает Богатырь.

— Конечно, не воин. Иначе на кой бы я тебе сдался?

На Облачном наречии китаец говорит всё лучше. Или это он думает, а я слышу?

Ладно. Я на то и не бог, чтоб не обижаться, когда я не нужен. Пойду займусь чем-нибудь другим.

За спиной слышно:

— Они нам не поверят!

— Тебе — не поверят. Мне — не поверят. Нам — поверят. Показывай дальше.

Песни и пляски

Властитель Земель

Братья Ямадо

Люди Подгорного дома

Четверо подгорцев одновременно поворачиваются — каждый вокруг себя самого. Покрывала плавно парят из-под золотых шлемов. Танцоры замирают друг напротив друга. Делают по полтора шага — двое вправо, двое влево. Склоняются, подбирают сложенное оружие — в одну руку копье с бунчуком, в другую — меч. И степенно расходятся по четырём углам — встают на стражу Облачной страны. Разошлись. Застыли. Всё.

Властитель Земель благосклонно кивает — сегодняшняя подготовка прошла успешно. Музыканты переводят дух, разминают пальцы, вытрясают слюну из флейт. Господа Ямадо и их люди почтительно кланяются и, получив долгожданный знак, неспешно удаляются. Спешить в таком наряде так же трудно, как взаправду сражаться.

На самом деле они, конечно, торопятся. Упражнения — тайные, к неурочному обряду, в служебное время. Сейчас военные советники переоденутся, умоются, вместо пёстрых красок наложат на лицо обычную пудру и приступят к ежедневным обязанностям. Иные бы до вечера отдыхали, а эти — приступят. И видеть это Государю радостно.

Наверное, если бы в Облачной стране было и впрямь всё так хорошо, как утверждает почтенный прадедушка, господин Асано — при взгляде на каждого подданного Властителем Земель овладевала бы такая же радость. Приятная была бы жизнь!

У Государя тоже есть ещё дела на сегодня. И начать лучше с самого трудного, то есть с самого глупого. Подняться со двора в покой для уединённых занятий. Достать особую тушь для тайных писем. На ощупь она — пушистая, вроде плесени. Подобрать бумагу, не вполне сообразную времени года, иначе неизящно.

И — написать любовное послание...

...Имя моё — в нём ли суть? Сам забываю его, с тех пор как тебя — наяву ли, во сне ли? — увидел... Или «в грёзах»? Нет уж, пусть будет «во сне». И не тысяча вёрст между нами, но как же мы далеки! При мысли об этом... чего-то там орошаю. Слезами, конечно. Да воспитанная девица иначе и не поймёт. ...узорный рукав орошаю. К югу стенанье моё стремится... или к востоку? Чтoб понятнее было. Ладно, допустим: к юго-востоку стенанье... ох, худшее впереди: ещё стихи предстоят.

До чего трудно быть одновременно жрецом и томным кавалером! Сочинять стихи, когда в голове — напев этой пляски с оружием.

Сочные стебли

Превыше седла уже

Заколосились...

«Заколосились» — это хорошо. «Седло» немного не к месту, но должен же быть в песне хоть слабый отзвук искренних чувств? Теперь к делу:

Ветер ли травы задел?

Я ль пробираюсь к тебе?

Уже хуже. Надо бы переделать. Но очень не хочется.

Слова скудеют, рука дрожит — но не могу сдержаться! Донесёт ли томленьё моё до тебя — Западный Ветер?

Вот так. Говорят, девица умна — посмотрим, поймет ли она правильно, почему это западный ветер дует на юг. В смысле, на юго-восток. А если преисполнится недоумением, придётся оросить изголовье слезами. О том, какая она дура.

Если бы можно было взять и так прямо и написать: «Барышня, у нас нет другого выхода — мы должны спасти державу!» Но кто ж так пишет — срам на всю столицу получится! Ладно, так или иначе, письмо завершено. Вроде и слёз не пролито, а всё равно впору переодеваться в сухое.

Зато почерк хорош. И зеленеющие колосья припасены заранее. Привязать к пучку послание тройным узлом и в великой тайне отправить с верным человеком.

Пересмешница — Западному Ветру

В сердце, не в имени суть — так повторяю, с тех пор как ко мне — с заката ли, с севера? — весть принеслась. Долго ли ветру лететь даже и тысячи вёрст? Истомясь в духоте, отворяю решетчатый ставень.

Зелены травы —

Как волны колышутся

В дымке заката.

Ты из-за моря ко мне?

Или от ближней межи?

Убоги строки, неучтив вопрос — но сдержу ли любопытство? Подхватит ли Западный Ветер над травами свист Пересмешницы?

Летучая Белка — Пересмешнице

...Кажется, южане понемногу собираются восвояси. Я всё думала: чего они ждут? Покровительство получили, могли бы спешить обрадовать односельчан... Оказалось вот что: храмовое Колесо им в руки не выдали, а обещали прислать с опытным монахом, как только подберут такого. Южане не понадеялись, что подвижник Закона по пути не заблудится. А то ещё, чего доброго, забредет в другую деревню, да там молельню и оснуёт... Но, кажется, они настолько несносны стали в

Роще, что там им уже выделили какого-то спутника.

Не знаю, как и ответить на вопрос, что у меня с Рэем. Они теперь вместе с господином распорядителем засели в храме и ночевать оба не приходят. Это вроде бы связано с чудесами, явившимися в Роще — не иначе как новоявленный бог притягивает к себе всех мужчин! Что, увы, было бы неудивительно — он ведь вроде бы полководец. Лишь бы в поход какой не увёл... Так что я томлюсь неопределённостью.

Вообще-то Рэй тут был. На четвёртый день работы сбежал из обители, переночевал у меня. Всё равно, говорит, рисовать надо при естественном свете. Ни фонари ему не годятся, ни чудесные всякие сияния. А что он там в Роще рисует, не рассказывал. Только заказчика хвалил: требовательный! Вникает во все тонкости, но не обижается, когда мастер делает по-своему. Я на всякий случай спросила: а господин Унрин? Рэй: да настоящий заказчик — не он.

Начинаю понимать, чем служба отличается от работы. Рэю такого не надо, чтобы изо дня в день ходить в присутствие, ждать там, найдётся дело или нет. Поработал, награду получил — всё затем, чтоб какое-то время потом жить в своё удовольствие. Сидеть дома, болтать, с кем хочется, рисовать, что вздумается. Ну, и вообще... Кажется, даже господин посол это понимает. Хоть сам и не умеет так. Братец мой к нему ходит книжки китайские разбирать. Вроде ведь учёность, что может быть полезнее — а господин Дзэхэй всё совестится: сам, дескать, я ленив и молодого Намму отрываю от должностных обязанностей...

А что твой таинственный поклонник? Читаю я те его письма, что ты для меня переписала, и думаю: может, он просто ещё совсем молоденький? Но всё-таки, по-моему, он здешний, коренной, хоть и намекает всё время на западное побережье. А вот из какой семьи — никак не угадаю. Иногда мне сдаётся, что братец мой с ним знаком — но он не проговаривается, как я ни

выпытываю. Не иначе, они вместе учились — или это родич какого братцева однокашника; только я ведь их всех не знаю. Можно попробовать раздобыть училищные списки...

Но вроде он по крайней мере не зануда, заморских героев и мудрецов древности через слово не поминает. И не вовсе унылый, не грозит, что твоя холодность доведёт его до монастыря или до чего похуже... Можно хоть не опасаться, что утром проснёшься — а он скончался от страсти у твоего порога. Если, конечно, такое не только в повестях случается.

Помирать от любви кое-кто, конечно, умеет. Забьётся под крыльцо и вздыхает так жалостно, что сама же его оттуда и вытащишь. И ведь игра — но искренняя! Как он проговорился, в их китайских повестях кавалеры от любви не чахнут. По крайней мере, до смерти. В худшем случае уморят даму, а потом оплакивают её длинными песнями. Или удаляются отшельничать куда-нибудь на дикий берег, чтоб к ним туда небесные девы приходили. И ценители искусства чтоб являлись утешать да на свитки срисовывать. Ну, со мной-то такое не пройдёт.

Навестила меня моя матушка, госпожа Гээн, потому что батюшка ей, конечно, проговорился. Ну, я с ней тоже не скрытничала — и она осталась очень довольна. Китаец, говорит — в этом есть приятная необычность! А я уж боялась — если ты, дочка, еще пару лет не влюбишься — то в конце концов пленишься вообще каким-нибудь лешим или водяным! Честно говоря, матушка господина распорядителя никогда не жаловала, но я её упросила, чтобы она не очень злорадствовала; по крайней мере, не со всеми своими подружками всё это обсуждала.

У нынешнего её супруга, господина Гээна из Обезьянского дома, сейчас горячая пора. Говорят, Властитель Земель пожелал увидеть какой-то неурочный танец — и вроде бы даже кто-то из твоей

родни к этому причастен. Если это великая тайна, ты мне, конечно, об этом не пиши. Я тогда сама разужнаю...

В обратный путь

Намма, следователь Полотняного приказа

Ходоки с юга

Барышня Намма

Таро, возчик Наммы

Урасака, отец Таро

За время своего пребывания в Столице южане в первый раз зашли в дом Намма — чтобы попрощаться. С подобающей любознательностью всё осмотрели, особенно хозяйственные постройки. Похвалили колодец. Старик напугал госпожу Намму, заглянув на женскую половину. Хуже всего, что барышню после этого было уже не удержать. Ходила за ними хвостом по всей усадьбе, дёргала за подолы и всё объясняла.

Господин средний советник расспросил-таки дикарей о своём брате. И передал для него послание и гостинцы. В письме всячески заверяет, что ходоки в городе не позорили родной край и о начальстве ничего неподобающего не говорили. Скорее всего, это и вправду так, раз уж им выделили и монаха с Колесом, и Государеву грамоту.

— И Зеркало, — добавляет южанин. — На всякий случай.

Получается: тайна насчёт Государевой новой женитьбы известна в Столице уже каждому, а скоро дойдёт и до запроливных земель. С семейством второй государыни надобно дружить...

Не хотелось бы, чтобы по дороге и дома южане заодно болтали и про бога в Облачной Роще. На монаха, приданного им, в какой-то мере можно положиться: это не Нэхамбо, чего Намма опасался, а какой-то молчальник родом с запада. Но, блюдя свой зарок, он не сможет и прекратить неуместные разговоры мирян...

Следователь решил прямо спросить об этом.

Старик через переводчика отвечал:

— А борцовский бог пока занят. К новому обличию привыкает. Как освоится, говорят, наши места сам навестит. Наши силачи того стоят, чтоб подивиться!

Можно подумать, южанин сам видел бога в разных образах. Хотя — кто его знает...

Ещё дикари подходили к воловьим стойлам, толковали с Таро. Рю в это время нарочито смотрела в другую сторону. Дед спросил о том, о сём, а потом затребовал:

— Есть кто старший твоего рода? Чтоб по крови. Отец, дядя...

Таро начал было что-то мямлить. Всё-таки южанин — кажется, жрец, не надо бы... Однако барышня Намма проговорила:

— Есть. Только больной.

— Говорит?

— Иногда. Но громко.

— Пойдем к нему.

Отец Таро, прежний наммин возчик Урасака, больше двух лет уже хворает после ранения. Столичные лекари говорили: поживёт ещё, но к работе не годится.

О чём с ним беседовали южане, следовательно не слышал, а барышня пересказать не сумела. Только передала, что дикарь Урасаку гладил.

Но когда южане уже наладились в путь, Урасака неожиданно вышел во двор, и не просто попрощаться. Спросил:

— Подвезти, может? Я с господином договорюсь насчёт возка. Давно вожжей не держал.

Следовательно Намма только бровь поднял, услышав, как бывший возчик говорит — словно в прежние времена, без того присвиста, который у него последние годы каждому слову вторил.

— Не надо, — ответил толмач. — Мы лучше пешими пойдём.

Урасака нахмурился, тоже по-старому: не в укор ли его волам это говорится? Но потом кивнул. Подумал

— и поклонился в пояс. И разогнулся после этого легко.

— В общем, будем ждать! — говорит. А чего ждать — не объяснил. И отправился в стойла — проверять лично, всё ли в порядке.

Рю собралась проводить свою родню до городских ворот. Барышня Намма дикарей учтиво напутствовала:

— Не забудьте! В другой раз — жужубы!

Зеркало

Госпожа Хатидзё

Барышня Ямадо, её подруга

Братья барышни, Правый и Левый военные советники

Монахи храма Облачной Роши

Облачный Богатырь

Не то чтобы подруга моя, Пересмешница, часто приглашала меня в гости. Но уж раз у неё объявился загадочный поклонник — такое надо обсудить лично! Тем более что дома дел мало — супруг в храме, Рэй днями тоже там, южане уехали, а господин Полынник своих людей наконец-то отозвал. А господин посол печалится, и я ему надоедать не хочу.

Поклонник, между прочим, понятливый: раз его с такими стихами не отвергли сразу, значит, чем-то он привлек внимание. Он, времени не теряя, побывал в Подгорной усадьбе лично. Ночью, в дом не заходил, но со двора потолковал с Пересмешницей. Разглядеть она его толком не сумела, но видела: высокий, и вправду совсем молодой, ходит с большущей собакой. Даже на свидание! Это барышне Ямадо повезло ещё, что её братья сами собак не держат, иначе бы тайной встречи точно не получилось.

Господа военные советники, кажется, не то чтоб ничего не знали. Во всяком случае, спали в ту ночь крепко. И очень кстати.

А по голосу кавалер каков? — спрашиваю.
Пересмешница:

— Не знаю. По-моему, влюбленные так не говорят. Скорее уж, сообщники по какому-нибудь заговору. Господин следователь не упоминал, какие нынче разговоры плетутся в Столице?

Нет, батюшка ничего такого не говорил. А братцу я обещала помалкивать. Трудно!

— А тебе самой он нравится? — любопытствую опять.

— Как сказать...

Барышня Ямадо берёт зеркало, смотрится в него. Ничуть она не уродина, что бы там ни болтали её братья! Поправляет волосы, задумчиво произносит:

— Боюсь я, нрав мой порочен. И порок — в том, что я не могу сама влюбиться. Только ответить взаимностью.

До чего мы всё-таки похожи с Пересмешницей! Даже обидно:

— Я, наверно, тоже не могу. Но уж зато как начну отвечать...

Может, веди я себя иначе, Рэй бы считал: всё это у нас не более чем... А так — проникся ответственностью. Как за жену.

Хотя не знаю. Сколько я ни видела супругов — все они вели себя совсем по-разному. Батюшка с матушкой переделывали друг друга под выбранные ими образцы. Матушка со своим нынешним мужем, господином Гээном, играют в зазорных волокит. Батюшка с нынешней своей женою — заботлив и ласков, а она — кротка и чувствительна. Господин распорядитель нуждается не в женщине, а в верном сподвижнике — ну, или в ком-то, для кого ему самому не зазорно быть сподвижником. У всех по-своему. А как у Пересмешницы будет, если у них с этим господином всё сложится-таки?

Тут слышим со двора медный звон. Выглянули — видим: от ворот идут трое монахов. Двоих я знаю, господин Хатидзё их когда-то приводил к нам обедать. Самый старый из братии храма Унрин — и тамошний главный похоронщик. А третьего вся Столица знает,

поскольку это Нэхамбо. Шагают медленно и будто бы очень стараются не оглядываться.

— Странно, — говорит Пересмешница. — По-моему, господа военные советники их не приглашали.

Мы потихоньку перебрались в главный дом, послушать, что будет. Сидим за перегородкой.

Нэхамбо держит в обеих руках большой ларец. Объявляет:

— Имею преподнести господам... Дар Подгорному дому от обители Облачной рощи.

Военные советники переглядываются, почтительно принимают дар. В четыре руки раскрывают ларец и вынимают оттуда свиток — в локоть шириною, красиво перевязанный. Разворачивают не торопясь, вглядываются. От нас не видно, что там написано. Но на лицах у Пересмешницыных братьев, по-моему — вежливое недоумение.

Старенький монах из рукава достаёт грамоту. Передаёт её похоронщику. Нэхамбо говорит:

— При сём свитке подобает возгласить песнь о деяниях Светлого Фудо, защитника Закона.

Старик ударяет посохом об пол. Похоронщик начинает читать нараспев. Красиво, но ничего не понятно.

Воеводы, кажется, тоже слов не разбирают. Слушают до конца, благо песнь не длинная. Зовут слугу: надо в ответ оделить монахов. Одеями, тюфяками и старым платьем, что им обычно подносят, ежели не съестное.

Мало ли за какие заслуги храм Унрин решил порадовать дом Ямадо книгой и чтением. Но раз такой случай — могли бы и гостей позвать для торжественности. Я-то не в счёт...

— Я выгляну, — шепчет Пересмешница, когда монахи уходят. — Или книгу заберу посмотреть, или братцев от неё спроважу. И полюбуемся. Потому что сдаётся мне: это работа твоего китайского мастера!

Ну, да: свиток с картинками. Со слов очевидца. А Закон тут при чём?

Барышня выходит. Заглядывает с другой стороны в свиток, что лежит перед господами советниками. Пытается разобрать, что нарисовано, хоть и вверх ногами.

А с господами Ямадо что-то не ладно. Глядят не на сестру и не в свиток, а в зеркало. Пересмешница так с ним и прибежала... В зеркале, должно быть, отражается книга, но отсюда не разобрать.

Правый советник, не отрывая глаз от зеркала, тянется рукой себе за плечо. Только непонятно, зачем: лука-то и колчана при нём нет, конечно. Левый советник так же, не глядя, перехватывает его руку. Так и сидят, как дураки. Окаменелые.

Какие у них лица, от меня не видно. Но Пересмешница на них смотрит — и кажется, здорово напугана. Дёрнулась было прочь — но старший брат другой рукой сжал её кисть на ручке зеркала: не пускает. Теперь все трое сцеплены. И молчат. Очень долго.

Наконец Левый советник склоняет голову — тяжело, словно у него груз на плечах. Поворачивает руку Пересмешницы вместе с зеркалом прочь от книги: теперь оно обращено куда-то к дверям, где монахи стояли. Оба продолжают смотреть в него; Пересмешница вся изогнулась — тоже заглядывает.

Брат её отпустил. Оба военных советника встают, кланяются в сторону пустых дверей. Распрямяются. Левый говорит надтреснутым голосом:

— Ты прав, воевода. Не будем усугублять потери. Послезавтра мы присягнем Государю Облачной страны.

Застывает надолго. Потом оба очень осторожно опускаются на циновки. Пересмешница боком идёт обратно за перегородку. Без книги.

— Что там? — спрашиваю.

— Здесь был наш враг. Очень древний. Ему надо всех нас погубить, всё Подгорье. Только он теперь к

Закону милосердному обратился, передаёт: убивать, мол, пока не стану, только на картине покажу, как я с вам обойтись хочу.

Голос у неё тоже какой-то странный. Похоже, этот свиток мне сегодня лучше бы не смотреть.

Всё сходится

Госпожа Хатидзё

Рэй, китаец

Ночью Рэй не пришёл. Только на следующее утро явился с тачкой. Ему часть награды в Облачной роще выдали сразу рисом, да и то вон сколько ждать пришлось. Остальное — расписками. До урожая велели погодить.

Очень доволен: добытчик!

— Я теперь долго дома буду. Хорошо!

Я так небрежно спрашиваю:

— Это тебе за картину с Фудо заплатили?

— Да. А ты уже знаешь?

— Я её саму не видела. Только как её подносили.

Опешил:

— Уже? Без меня?

— Знаешь, господам Ямадо всяко было бы не до тебя.

— Почему Ямадо? Ямадо — прежний заказ! Этот — в храм!

— И вовсе не в храм. А тебе что сказали: это кому свиток?

Уселся, чтобы рассказать:

— Тут необычно. Я о таком раньше только слышал. Явился дух. Вещал: не упокоится, пока не увидит посрамления своих супостатов. Он с ними тысячу лет назад воевал, а теперь они в чести у Государя... Стали думать, что делать, и придумали: нарисовать на картине, как он врагов посрамляет, и поместить картину в его кумирне. Чтобы видел. Так и сделали, и чудеса перестали. Но у нас не бывает, чтобы сам дух

стоял за плечом. И советы давал, как рисовать. В основном глупые.

— Ага, — говорю. — Теперь я, кажется, понимаю. «Дух» — это Облачный Богатырь, о ком столько разговоров?

— Ну да.

— Так его супостаты — это и есть Подгорный род Ямадо. Они ведь не всегда были вместе со Властителем Земель, их когда-то покоряли. Он им то ли напомнить про то решил, то ли напугать. Так что свиток им и подарили.

Рэй чешет в затылке:

— Ой. Наверно, глупо спрашивать: понравилось?

— Я бы сказала так: произвело сокрушительное впечатление. То есть не сразу, сперва они смотрели в твою книгу, слушали, как монахи славят защитника Закона и думали, на что это им намекают. А потом они разглядели, как картина отражается в зеркале. И вот тогда — да! Прямо оцепенели.

— Погоди. Почему — в зеркале?

Тут, наверное, лучше бы жрец объяснил, но попробую, как я поняла:

— У Подгорного рода Зеркало — главная святыня. Для них все зеркала — это Зеркало Солнечной Ткачихи. Ну, как для нас, для Конопляного дома — вервие. Если б Ямадо были из древних Государевых сподвижников, они бы, наверно, звались не Подгорными, а Зеркальщиками. Или Зеркальниками, не знаю. И всю правду они видят именно в зеркале.

— Так, — сердито встрепенулся Рэй. — То есть в зеркале — правда? А на свитке — неправда? Так и было задумано?

— Так они ж разные. На твоём свитке — правда Облачная. А в Зеркале — Подгорная. Им так понятнее. Наверно.

— Это хорошо, — подумав, заключает Рэй, — что получилась-таки Облачная правда. Я же говорил, что слон — нужен!

— Кто-кто?

— Э, сейчас покажу!

Берет бумажку, рисует быстро. Носатое и зубастое чудище. Летает в облаках.

— Теперь понятно?

— Да, — говорю, — конечно.

Он вдруг пригорюнился:

— Но вообще это не очень хорошо получается. Я на них работал. Они разочлись по-хорошему. Первые заказчики мои тут. А потом я же их стращаю...

Так вот, значит, где он тогда пропадал.

— Ничего не нехорошо, — отвечаю. — Недаром эти братья Ямадо моему батюшке нравятся. Будь они просто Подгорцы — да, наверное, их удар хватил бы... Но они ж военные, и службу знают. Их стращают — а они вступают в переговоры. Потому что сам этот Облачный Богатырь вроде бы тоже там был. В зеркале.

— И до чего договорились? — как-то очень осторожно осведомляется Рэй.

— Как всегда: окончательные соглашения отложены, будут завтра заключаться во Дворце. О мире и покорности. И, как всегда, мы ничего не увидим: кто ж нас туда пустит!

Я помолчала для важности и добавляю:

— Но сдаётся мне, что теперь у моей лучшей подруги, барышни Ямадо, завёлся там, во Дворце, надёжнейший источник!

Мирные люди

Люди Подгорного дома

Вчера получили картину и встретились с Богатырём. Завтра во дворце — пляска Великого Примирения. А сегодня в доме Ямадо — семейный совет. Господа, их родичи, даже монах Нэхамбо, хотя он и числится вышедшим из дома.

Письмоводитель Ваки заглядывает в записную дощечку:

— Государевых охранных грамот роздано на нынешний день — двадцать шесть. Солнечное Зеркало дано для защиты восемнадцати святилищам. Колесо Закона в храме Унрин, для сравнения, получили тридцать местных молелен.

— Уже тридцать одна, — тихонько уточняет Нэхамбо.

Ваки продолжает:

— Теперь посмотрим на соискателей. Запросов насчет грамот — шестьдесят восемь. И еще три непроверенных: пришлось выслать гонцов на места, выяснять, что там за поместья. Молений о Зеркале имеется пока без ответа — девяносто три. Все эти случаи ещё надобно рассмотреть, но, по опыту, где-то не меньше трети должны оказаться достойными. Снова сравним с Облачной рощей. У вас, — оглядывается Ваки на монаха, — очередь примерно в сотню желающих?

— Около того. У нас... Как говорится, от сострадания Будды никто не укуруется. Заминка в другом: Унрин проверки не рассылает, зато к каждому Колесу теперь прилагает монаха в сопровождение. Людей не хватает.

— Соотношение радует, — замечает Правый советник. — А особенно отратно, что во всех трех местах просят защиты. Защиты, а не предписания разорить соседей.

— Ну, это если они для своей земли покровительства ищут, — бурчит Нэхамбо. — А не для той чужой, на которую уже разлакомились.

— Так затем и проверяем, — отвечает Подгорец из Земельной палаты. Ему тоже завтра танцевать во дворце.

— И всё-таки главное — что покровительства ищут в Столице. А не полагаются на то, что каждый сам управится и со своей землёю, и с соседской, — заключает Левый советник. — Это — лучшая защита от распри и смуты.

— Разве что бог... — чуть дрогнувшим голосом

начинает его брат, но Левый отрицательно колышет рукавом:

— Всё равно. Как мы вчера видели, Облачный Богатырь выбрал себе долю воеводы, а не единоборца. Воевода же без войск не опасен. А войска у него сейчас нет. И у наших богов — тоже нет. Мы чиновники, а не воины. И это наше большое счастье.

Монах Нэхамбо улыбается:

— Картина еще чем хороша? Показано, сколько всего надо для боевых действий. Включая слона.

Братья переглядываются. Да, Нэхамбо-то в Зеркало вчера не глядел. Не видел, что слоны, и колесницы, и даже луки — необязательны. И хорошо, что не видел: на то он и монах.

— Сравнить с китайцами и прочими народами, — продолжает Нэхамбо, — так получается, что мы в Облачной стране мирные люди. Потому что ленивые: возиться неохота. Ещё грабить усердия хватает порою, а для большой войны — уже нет.

— Не только усердия, — говорит Левый советник. — Потому-то на наших военных складах всякий раз чего-то да не хватает. Чтобы никто не забывал: если завтра война, мы к ней совершенно не готовы. Чтобы наши служилые не возомнили себя воинами, а наши жрецы — героями.

Правый советник беспокойно поводит плечами под одеждой:

— Лишь бы последняя мысль не взбрела в голову Властителю земель.

— А это теперь уже сестрицына забота.

Обряд

*Ёдзи, глава дома Полыни, жрец Обрядовой палаты
Властитель Земель
Его ближние жрецы и сановники
Люди Подгорного дома, исполнители танца
Великого Примирения
Облачный Богатырь*

Вокруг дворцового двора кольцом идут крытые переходы. На всех них сейчас сидят зрители. Сам Властитель Земель и его сподвижники.

Посередине двора — дощатый помост. На дальнем краю его большие круглые барабаны с узорами из облаков и языков пламени. Там же, возле барабанщиков, музыканты с дудками: прямыми, поперечными, многоствольными.

А перед ними четыре танцора. Красно-золотая парча, какую надевают только для пляски. Копья с цветными кистями, мечи в золоченых ножнах, шлемы из восемнадцати пластин каждый. Лица расписаны красными лучами. Иноземный танец, давно перенятый в Облачной державе для тех случаев, для каких нет родного обряда.

Одеяния жрецов и вельмож рядом с этим великолепием кажутся тусклыми. Белое, сливовое, лиловое. А ещё одного зрителя вовсе не видно, но господин Ёдзи знает: он здесь.

Нынешний Полынный ни разу не был на таком представлении с тех пор, как стал главою дома и ближним Государевым жрецом. И ни разу не наблюдал, каков этот бог, Богатырь, бывает при обряде. Страшно. Если что-то пойдет не так, нужно будет вмешаться, помочь Властителю Земель, а как — Ёдзи ещё не знает.

И остальные, кажется, не знают. Колокольник, Копейщик — так же напряжены. Обезьянец, главный по пляскам и игрищам, сидит на месте, но дрожью в мышцах повторяет каждое движение танцоров. И даже старый господин Асано не смотрит покойно из-под прикрытых век, как обычно — черные острые глаза широко открыты, и глядит он не на помост, а на

правнука. А Государь безмятежен.

Всё-таки хорошо, что мы, Государевы сподвижники, не стали ждать, не положились на то, что всё уладится само собою. Что к Властителю Земель явились с своею тревогой — вместе, и сейчас тут тоже — вместе. И никто на другого свысока не смотрит. Потому что — не до того!

Помост в восемь шагов шириной. Почти всё искусство танцора — в том, чтобы двигаться на нём, не коснувшись других ни копьем, ни рукавом. Двигаться — шаг в шаг, замирать — миг в миг. Это и означает верность долгу: стараться жить в тесноте, точно в своем отсеке державной службы, когда со всех сторон такие же ячейки, и в каждой, на каждую надобность — свой человек. И не спесь, а покорность выражают эти золотые платья: слишком неповоротливы для бунта.

Жарко — от солнца, от тяжких одежд, от божьего взора. Но пока, кажется, всё идёт как надо. Подгорцы сходятся, разворачиваются, складывают копья попарно на помосте перед лицом Властителя Земель. Отступают на полтора шага.

И тут — господин Ёдзи не сразу понимает, что происходит. Слышит, как шумно и резко втягивает воздух Обезьянец. Видит, как Конопляник дернул взглядом — вслед за Государем. Потому что Государь уже не сидит на дворцовом крыльце — только что был там, а сейчас уже на помосте. Пятицветным облаком опадают вздувшиеся вокруг него одеяния. Невиданно. Не было такого в этом обряде!

Властитель Земель легко подхватывает с досок сложенное оружие. Взмётываются хвосты на копьях, взблескивают мечи. Государь вручает оружие обратно Подгорцам. Как своим людям. И не просто как своим людям: как родичам. Это движение Полынный жрец перепутать не может.

Облачный Богатырь, конечно, по-прежнему не видим. Но Ёдзи, кажется, слышит, как бог медленно выдыхает. И чувствует, как бог опускает огромную голову.

Умиротворённо. Родич не может быть врагом. Не должен — и не может.

Повезло

Госпожа Хатидзё

Намма, следователь Полотняного приказа, её отец

Дзёхэй, друг Наммы

Рэй, китаец

Все сегодня только и говорят про то, что во дворец явится бог и это великая тайна. Смотреть можно только жрецам, а мирянам — по особому приглашению. Прочих чиновников даже на службу с утра не пустили, так что у батюшки нынче свободный день. И проводит он время на Восьмой улице.

У господина следователя новая забава. Заходит, глядит важно. Если на друга своего — то делает вид, будто вовсе не его пришел отвлекать от дел, а всего-то должен присмотреть за дочкой. Если на меня, то наоборот: я, мол, к господину послу. И только наш поддельщик грамот каждый раз, как видит его, сам вылезает и с материковой прямою спрашивает:

— Господин следователь за мной?

Ты дошутисься, ворчит батюшка. Вот возьму и выпишу тебе предписание не покидать усадьбы. Как важному свидетелю.

Так а я чего добиваюсь! — ухмыляется Рэй.

Сидим, разговариваем, всё, как в старые времена. Будто и нет никакого господина распорядителя. Даже Рю в кои-то веки не смотрит исподлобья, а весела до неприличия. Это едва проводивши родню-то...

Батюшка с господином послом обсуждают две важные новости.

Первая — это то, что господин посол больше не посол! Посулили новое назначение: старшего помощника смотрителя Государева книгохранилища. Раз уж имеется китайский опыт в этом деле. Можно было бы опасаться, что теперь мой братец уж и вовсе от

нас вылезать не будет в неприсутственные часы, но тут — вторая новость. Садаёри тоже получил что-то вроде нового назначения, только вот должности такой нет. Будет не то чтобы советником, а так — частным образом высказывать Государю свои опасения. В тайне — по крайней мере, от тех, кого следует опасаться.

— Так что заточения в усадьбе не выйдет, — говорит господин Дзёхэй. — Как только приступлю к новым обязанностям, переписчик будет необходим. Государь мудро предположил: если в старые времена от нас на материк посылали столь... чудесные книги, то что же в ответ присылали нам? Потребуется знаток китайских почерков!

Рэй кивает с видом: рад быть полезным. Если надо, так я вам изготовлю наидревнейшие письма императорских предков. Или ещё какую святыню в этом духе.

Всё-таки с господином Дзёхэем ему тоже повезло.

На ночь глядя, как водится, мне приносят записку от супруга. Ни господин Унрин, ни сам он во дворце не были, конечно. Но уже знают: пляска прошла успешно. Всё вроде как обошлось. Богатырь, стало быть, ночует у Властителя Земель, а господин распорядитель — в Облачной роще. Обычное письмо, и новости вроде бы хорошие, а получилось как-то грустно. Бога слишком скоро жрецы забрали? Или просто чудеса кончились, и опять надо возвращаться к податным, земельным и прочим таким хлопотам? Но, конечно, даже горевать он предпочитает вне дома. Ну и ладно.

А утром приходит письмо от Пересмешницы, да какое! И пересказать его некому. Батюшка ушёл на службу: чудеса чудесами, но два дня кряду Полотняный приказ простаивать не может. Господин Дзёхэй отправился уточнять свои будущие обязанности и Рэя с собою утащил — знакомить с другими письмоводителями. Матушка и мачеха — у себя по домам сидят, одна с мужем, другая — с моей сестрёнкой.

Братец то ли в должности, то ли высказывает опасения. Господин распорядитель — в монастыре. Зато Рю — тут!

— Слушай, Рю, тут такие новости! Только это пока тайна — но моя лучшая подруга, Пересмешница, переезжает во дворец! Выходит замуж! За самого Властителя Земель, представляешь?

— Подумаешь! — отвечает моя верная служанка.
— Я тоже скоро замуж выхожу.

— За кого?

— Да за Таро же, за возчика нашего!

— За Таро?! Но ведь он же этот... жестокий негодяй?

— Ничего он не негодяй, — говорит Рю, а у самой — рот до ушей. — Просто он меня всё время за маленькую держал, а я обижалась. А дедушка объяснил, что он прав. Потому что пока я нашего женского обряда не пройду — и впрямь буду маленькой девочкой, хоть до восьмидесяти лет! Но теперь всё уладится уже скоро: придет бабушка, со знающими женщинами, и проведёт обряд. Только надо будет, чтоб в усадьбе в это время никого из мужчин не было.

— Со знающими женщинами, значит... — осторожно уточняю я. — А сколько их будет, этих женщин?

— Согласно обряду — ровно шестнадцать! Ну, и ещё бабушка...